

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

24 2019
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (262) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Кваме Энтони Аппиа* (1954), философ, культуролог, писатель ганского происхождения.

Кваме родился в Лондоне в семье юриста, дипломата и политика из Ганы Джо Эммануэля Аппиа и британской аристократки Пегги Криппс. В свое время их брак широко освещался в международной прессе, потому что это была одна из первых межрасовых свадеб в Великобритании. Все свое детство Кваме прожил в Кумаси (Гана). Высшее образование в области философии и африканистики он получил в Ганском, Йельском, Гарвардском и Принстонском университетах. В Кембридже он защитил диссертацию, посвященную принципам основы вероятностной семантики, объединившую вопросы философии языка и философии сознания.

После Кембриджа Аппиа преподавал в Йельском, Корнелльском, Герцогском и Гарвардском университетах и читал лекции в Соединенных Штатах, Германии, Гане и Южной Африке, а также в Высшей школе естественных наук в Париже; был сотрудником Принстонского университета. С 2014 года он занял должность профессора философии и права в Нью-Йоркском университете, где сейчас и преподает — как в Нью-Йорке, так и на других глобальных площадках Нью-Йоркского университета.

Профессор Аппиа публикуется в литературных и культурных изданиях, уделяя особое внимание африканской и афроамериканской культуре. В 1992 году издательство Оксфордского университета опубликовало его книгу «В доме моего отца», в которой исследуется роль африканской и афроамериканской интеллигенции в формировании современной африканской культурной жизни.

Эта работа была удостоена книжной премии Анисфилд-Вольф, а также премии Гершковича от Ассоциации африканских исследований за «самую важную научную работу в области африканских исследований, опубликованную на английском языке». В тесном сотрудничестве с Генри Луисом Гейтсом-младшим — американским литературным критиком и профессором Гарвардского университета — Аппиа редактировал энциклопедию «Африкана». В настоящее время его интересы охватывают интеллектуальную историю и литературоведение Африки и афроамериканцев.

В своих работах Аппиа также рассуждает об «откровенно политической» роли литературного перевода. Он утверждает, что переводчик художественного произведения не передает истинных намерений иностранного автора, но пытается установить отношения между иностранным текстом и своей собственной культурой. В своих собственных переводах Аппиа применяет «этнографический подход к иностранному тексту», конечная цель которого — наделить перевод идеологической функцией в целевой культуре: например, сделать так, чтобы он помогал в борьбе с расизмом или мнимым культурным превосходством Запада.

В 2010 году журнал *Foreign Policy* включил Аппиа в свой ежегодный список выдающихся мыслителей мира; ему также была вручена Национальная медаль гуманитарных наук на церемонии в Белом доме.

В 2018 году он был председателем жюри, присуждающего Букеровскую премию.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Паршин В. Н.

О занятиях по специальности в структурных подразделениях исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга 237

Пастушенко Е. Н., Назейкина В. В.

Финансово-правовая политика в отношении статуса финансового уполномоченного..... 243

Пензин С. И.

Проблемы применения положений уголовного закона, посвященных посягательствам на жизнь государственных или общественных деятелей 246

Прокофьев М. Г.

Некоторые проблемы участия адвоката в арбитражном процессе..... 249

Рамазанов Ф. Г.

Анализ объекта преступления, предусмотренного статьей 205 УК РФ 251

Репешко М. А.

Конституционно-правовое значение принципа свободы договора 253

Савельева Е. К.

Адаптация договора и принцип pacta sunt servanda: соотношение и новое понимание ... 255

Савинкин Ф. С.

Пробелы в законодательстве о банкротстве при реализации имущества должника 260

Саврико И. В.

СИЗО для бизнеса: эффективен ли запрет заключения предпринимателей под стражу ... 262

Сеидли Х. Ш.

Ответственность за доведение до самоубийства по законодательству США..... 263

Сенгляева В. В.

Реализация права на судебную защиту в гражданском судопроизводстве..... 265

Синкина А. А.

Правовое положение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации на примере Приморского края 267

Слабушевская К. Н.

Проблемы прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации 270

Соколова М. Б.

Надлежащее уведомление о проведении собрания кредиторов 272

Степаненков Н. А.

Некоторые аспекты оценки прокурором относимости, допустимости и достоверности доказательств при утверждении обвинительного заключения (акта, постановления) 274

Стрейкмане Л. Р.

Правовой режим беспилотных транспортных средств в Российской Федерации 276

Титова Д. А.

Преобразования в законодательстве для индивидуальных предпринимателей в 2019 году..... 279

Тюрин К. С.

Механизм защиты деловой репутации 281

Федоренко Д. Н.

Совершенствование деятельности оперативных подразделений таможенных органов России по противодействию коррупционным преступлениям: реалии и перспективы 283

Черноколпакова И. Д.

Правовой режим имущества супругов:
сравнительный анализ законодательства
Российской Федерации и Японии 287

Шавлак Д. В.

Сущность процессуальной самостоятельности
следователя 291

Щукина О. В., Петрякова А. В.

Институт права собственности на жилые
помещения в России. Приватизация
и деприватизация как особые инструменты
возникновения и прекращения права
собственности на жилье..... 293

Щукина О. В., Петрякова А. В.

Запрет хостелов как ограничение прав
собственников жилых помещений 295

Яценко А. О., Салюкова Е. В.

О порядке применения норм международного
частного права и положений законодательств
иных государств при разрешении трудовых
споров с участием иностранного элемента 297

Яценко А. О., Салюкова Е. В.

Проблемы дискриминации при трудоустройстве
молодых специалистов 299

ИСТОРИЯ

Сынков В. В.

А. Ф. Кони о нравственных качествах участников
уголовного процесса 302

Штепа А. В., Бирюков В. А.

Финансовое состояние прихода Русской
православной церкви во второй половине XIX
века на основе данных Николо-Козинской церкви
г. Калуги 305

ПОЛИТОЛОГИЯ

Даутова К. А.

Государственная молодежная политика
в Российской Федерации на примере
Тюменской области 307

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О занятиях по специальности в структурных подразделениях исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга

Паршин Вячеслав Николаевич, начальник отдела
Комитет по информатизации и связи г. Санкт-Петербурга

Под занятиями по специальности в структурных подразделениях исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга (далее — занятия по специальности) автор понимает занятия с государственными гражданскими служащими Санкт-Петербурга (далее — гражданские служащие) и лицами, замещающими должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы Санкт-Петербурга (далее — работники), по вопросам деятельности (направлениям деятельности) исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга (далее — ИОГВ) и их структурных подразделений, а также исполнения должностных обязанностей гражданскими служащими/работниками.

На наш взгляд, занятия по специальности в структурных подразделениях ИОГВ имеют следующие учебно-воспитательные цели:

- повышение профессионального уровня гражданских служащих и работников;
- повышение ответственности у гражданских служащих и работников за порученное дело;
- ликвидация/профилактика пробелов и недостатков, выявленных в процессе службы/работы гражданских служащих, работников;
- подготовка гражданских служащих, работников к выполнению заданий повышенной сложности либо новых заданий;
- привитие уважительного отношения к специальности/профессии.

Приведенный перечень учебно-воспитательных целей не является исчерпывающим и может быть расширен.

Занятия по специальности не только дополняют уже сформированную систему профессионального развития гражданских служащих (статья 62 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»; Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 769–163 «Об организации профессионального развития государственных гражданских служащих Санкт-Петербурга»), но и обеспечивают получение работниками знаний по вопросам деятельности (направлениям деятельности) ИОГВ и их структурных

подразделений, а также исполнения должностных обязанностей. Однако не секрет, что обучение по данным вопросам для лиц, замещающих должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы Санкт-Петербурга, централизованно не предусмотрено [1].

Нередко у руководителей структурных подразделений Комитета по информатизации и связи и других ИОГВ возникает вопрос о том, какие темы могут стать предметами изучения на занятиях по специальности. Это могут быть как текущие вопросы/задачи, которые решает структурное подразделение, так и возложенные на него направления деятельности. Вот некоторые примеры тем занятий по специальности (текущие вопросы/задачи) для Отдела по вопросам государственной службы и кадров Комитета по информатизации и связи:

- особенности взаимодействия с инвалидами при их поступлении на государственную гражданскую службу Санкт-Петербурга;
- о разработке должностных регламентов государственных гражданских служащих Санкт-Петербурга с учетом областей и видов деятельности;
- о порядке направления в служебные командировки на территории Российской Федерации лиц, замещающих должности государственной гражданской службы Санкт-Петербурга в ИОГВ.

Для иллюстрации предметов занятий по специальности, посвященных направлениям деятельности, возложенным на структурное подразделение ИОГВ, перечислим направления деятельности Отдела по вопросам государственной службы и кадров Комитета по информатизации и связи [1]:

- охрана труда;
- ведомственный контроль за соблюдением трудового законодательства в подведомственных организациях;
- обеспечение реализации трудовых отношений директорами подведомственных организаций;
- обеспечение реализации трудовых отношений лицами, замещающими должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы;

- обеспечение прохождения гражданскими служащими государственной гражданской службы;
- кадровое строительство;
- кадровое делопроизводство и обеспечение деятельности комиссий (аттестационной, конкурсной, квалификационной и др.);
- работа по профилактике коррупционных и иных правонарушений в органе государственной власти и подведомственных организациях; антикоррупционный мониторинг;
- воспитательная работа.

Необходимо обратить внимание на то, что руководители структурных подразделений должны соотносить объем рассматриваемого материала с лимитом времени, отведенного на проведение занятия по специальности. Так, продолжительность занятий по специальности, на которых рассматриваются текущие задачи/вопросы, может составлять в среднем от 20 до 45 минут. Разбор вопросов, связанных с направлениями деятельности структурного подразделения ИОГВ, как правило, требует гораздо больше времени. В частности, проработка с сотрудниками Отдела по вопросам государственной службы и кадров Комитета по информатизации и связи (далее — сотрудники) такого направления деятельности, как «Охрана труда», заняла два месяца. 30–40-минутные занятия по специальности, посвященные вопросам охраны труда, проводились два раза в неделю. Кроме того, для более глубокой проработки составляющих охраны труда сотрудники провели научно-исследовательскую работу, результатом которой стала научная статья [2]. В совокупности занятия по специальности и научно-исследовательская деятельность позволили всем сотрудникам серьезно расширить свои знания в сфере охраны труда в ИОГВ.

О подготовке начальника структурного подразделения к проведению занятия по специальности.

Необходимо особо подчеркнуть, что руководитель структурного подразделения обязан глубоко владеть теорией и практикой вопросов, выносимых на занятие по специальности. Более того, он обязан иметь разработанный им план проведения такого занятия, который позволяет учесть все детали: от учебно-воспитательных целей до объема информации. Для наглядности представляем план занятия по специальности на тему «О специальной оценке условий труда» (см. схему 1).

Схема 1

«УТВЕРЖДАЮ»

Председатель Комитета по информатизации и связи

Д. П. Чамара

20 мая 2019 года

План занятия по специальности с сотрудниками Отдела по вопросам государственной службы и кадров Комитета по информатизации и связи

Дата: 22.05.2019 **Время:** 16:00–16:45 **Место:** каб. 138

Тема: О специальной оценке условий труда

Учебно-воспитательные цели:

1. Расширить знания сотрудников Отдела по вопросам государственной службы и кадров о специальной оценке условий труда.

2. Подготовить сотрудников Отдела по вопросам государственной службы и кадров к проведению специальной оценки условий труда в Комитете по информатизации и связи.

3. Продолжить воспитание в сотрудниках уважительного отношения к специальности/профессии.

Вопросы занятия:

1. Порядок проведения специальной оценки условий труда.

2. О разработке технического задания и государственного контракта.

Организационно-методические рекомендации по проведению занятия по специальности

№ п/п	Изучаемые вопросы	Время (мин)	Организационно-методические рекомендации по рассмотрению основных вопросов
1	Организация занятия	3	Объявление темы, учебно-воспитательных целей, учебных вопросов занятия. Обзор литературы.
2	Порядок проведения специальной оценки условий труда	19	Теория вопроса. Подготовка к проведению специальной оценки условий труда. Комиссия по проведению специальной оценки условий труда. Утверждение рабочих мест, на которых будет проводиться специальная оценка условий труда, с указанием аналогичных рабочих мест. Идентификация потенциально вредных и (или) опасных производственных факторов. Классификация условий труда. График проведения специальной оценки условий труда. Практика вопроса. Рабочие материалы проведения специальной оценки условий труда в Комитете по информатизации и связи в 2015 году.

3	О разработке технического задания и государственного контракта	20	Практика вопроса. Выбор организации, оказывающей услуги в области охраны труда. Техническое задание. Требования к сроку и объему предоставления услуг. Гарантии качества услуг. Требования к техническим характеристикам услуг. Расчет цены контракта. Перечень отчетных документов. Заключение эксперта. Сведения об организации. Карты специальной оценки условий труда. Протоколы проведения исследований. Рекомендации.
4	Заключительная часть	3	Вопросы/ответы. Отведение срока сотрудникам Отдела по вопросам государственной службы и кадров Комитета по информатизации и связи для самостоятельного изучения/уяснения вопросов занятия.

Начальник Отдела по вопросам государственной службы и кадров В. Н. Паршин

Комментируя приведенный план, следует обратить внимание на то, что в него обязательно должны быть включены положения о теории и практике вопроса. Дело в том, что занятие по специальности тем и отличается от инструктажа, что охватывает не только последовательность действий, но и практику и теорию вопроса. Опыт автора показал, что сотрудников необходимо основательно готовить к выполнению той или иной задачи. Погружение подчиненных в теорию и практику вопроса расширяет их представление об объеме работ и личных возможностях в самостоятельном поиске правильных решений; самопроверке; критическом анализе; самостоятельном планировании своей деятельности. Качество выполнения задачи напрямую зависит от качества подготовки ее исполнителя.

Необходимо акцентировать внимание еще на одном важном моменте. В настоящее время, к сожалению, не проводятся занятия по специальности с начальниками структурных подразделений ИОГВ. Сторонники такой позиции нередко задаются вопросами: кто будет проводить такое занятие? какой может быть его тема? Ответы же на них достаточно просты. Такие занятия (например, на тему: «О документах, разрабатываемых начальниками структурных подразделений исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга при управлении подразделением») может проводить как руководитель ИОГВ, так и его заместители. Причем темы занятий лежат на поверхности, могут быть сформулированы на основе многолетних наблюдений. Руководители структурных подразделений ИОГВ зачастую не владеют вопросами управления своим подразделением (иногда даже не доводят свои решения до подчиненных) и не прогнозируют последствий действий разработанных ими документов (нередко

не знают, какие документы они обязаны разрабатывать при управлении своим подразделением). Приведем примерный план занятия по специальности с руководителями структурных подразделений Комитета по информатизации и связи (модель) (см. схему 2).

Схема 2

«УТВЕРЖДАЮ»

Председатель Комитета по информатизации и связи

23 мая 2019 года

План занятия по специальности с начальниками структурных подразделений Комитета по информатизации и связи

Дата: 24.05.2019 **Время:** 16:00—16:45 **Место:** каб. 104

Тема: О документах, разрабатываемых начальниками структурных подразделений исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга при управлении подразделением

Учебно-воспитательные цели:

1. Расширить знания начальников структурных подразделений Комитета по информатизации и связи о документах, разрабатываемых при управлении подразделением.
2. Привитие уважительного отношения к управленческой деятельности.

Вопросы занятия:

1. Обзор документов, разрабатываемых начальниками структурных подразделений исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга при управлении подразделением.
2. О разработке плана работы структурного подразделения Комитета по информатизации и связи.

Организационно-методические рекомендации по проведению занятия по специальности

№ п/п	Изучаемые вопросы	Время (мин)	Организационно-методические рекомендации по рассмотрению основных вопросов
1	Организация занятия	3	Объявление темы, учебно-воспитательных целей, учебных вопросов занятия. Обзор литературы.
2	Обзор документов, разрабатываемых начальниками структурных подразделений исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга при управлении подразделением	24	<p>Теория вопроса. Документы как выражение требования властности.</p> <p>Обзор. Документы, разрабатываемые начальниками структурных подразделений исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга (далее — ИОГВ) при управлении подразделением:</p> <ul style="list-style-type: none"> положение о структурном подразделении ИОГВ; должностные регламенты государственных гражданских служащих Санкт-Петербурга, замещающих должности государственной гражданской службы Санкт-Петербурга (далее — гражданские служащие); должностные инструкции работников, замещающих должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы Санкт-Петербурга (далее — работники); служебные записки и индивидуальные планы о направлении в служебную командировку подчиненных гражданских служащих; служебные записки о направлении в служебную командировку подчиненных работников; планы работы структурного подразделения (на месяц, квартал, полугодие, год); отзывы об исполнении подлежащим аттестации гражданским служащим должностных обязанностей за аттестационный период; представления о награждении Почетной грамотой ИОГВ или об объявлении Благодарности ИОГВ подчиненным гражданским служащим; представления о награждении Почетной грамотой ИОГВ или об объявлении Благодарности ИОГВ подчиненным работникам; служебные записки вышестоящему руководителю с предложениями по применению к гражданским служащим подразделения мер поощрения и дисциплинарного взыскания; служебные записки вышестоящему руководителю с предложениями по применению к работникам подразделения мер поощрения и дисциплинарного взыскания; номенклатура дел структурного подразделения ИОГВ; служебные записки вышестоящему руководителю об оборудовании рабочего места гражданским служащим или работникам; служебные записки вышестоящему руководителю об определении подчиненного должностного лица, которое будет замещать начальника структурного подразделения в случае его временного отсутствия; служебные записки о планируемых отпусках гражданских служащих; служебные записки о планируемых отпусках работников; служебные записки об отзыве гражданских служащих, работников из отпуска; планы прохождения испытания гражданскими служащими/заклучения об итогах выполнения планов; планы прохождения испытания работниками/заклучения об итогах выполнения планов; представления об установлении квалификационных категорий гражданским служащим; табель учета рабочего времени гражданских служащих и работников; служебные записки с предложениями об установлении гражданским служащим надбавок к должностному окладу за особые условия гражданской службы, ежемесячных денежных поощрений;

			служебные записки с предложениями об установлении работникам надбавок к должностному окладу за сложность и напряженность, ежемесячных денежных поощрений.
3	О разработке плана работы структурного подразделения Комитета по информатизации и связи	14	<p>Разработка плана работы структурного подразделения Комитета по информатизации и связи (далее — КИС) (пункт 4.4.4. Примерного положения о подразделении исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга по вопросам государственной службы и кадров, утвержденного распоряжением Правительства Санкт-Петербурга от 27.01.2006 № 4-рп).</p> <p>1. Для разработки плана работы структурного подразделения необходимо изучить:</p> <p>Положение о КИС. Регламент КИС. Положение о структурном подразделении КИС. ГОСТы, руководящие документы по отраслевой направленности/деятельности структурного подразделения. Направления деятельности, возложенные на структурное подразделение.</p> <p>2. Обсуждение Плана с сотрудниками структурного подразделения КИС (решение — за начальником структурного подразделения).</p> <p>3. Согласование/обсуждение Плана с курирующим структурное подразделение заместителем КИС/председателем КИС.</p> <p>В соответствии с пунктом 2.1. Регламента Комитета по информатизации и связи, утвержденного распоряжением Комитета по информатизации и связи от 16.11.2011 № 66-р, планы работы структурных подразделений формируются поквартально и на год.</p> <p>Практика вопроса. Планы работы Отдела по вопросам государственной службы и кадров Комитета по информатизации и связи за 2017, 2018, 2019 годы.</p>
4	Заключительная часть	3	Вопросы/ответы. Отведение срока сотрудникам Отдела по вопросам государственной службы и кадров Комитета по информатизации и связи для самостоятельного изучения/уяснения вопросов занятия.

Заместитель председателя Комитета _____

О периодичности проведения занятий по специальности. На наш взгляд, занятия по специальности необходимо проводить не менее одного раза в два месяца. Практика показывает, что за этот период в работе сотрудников структурного подразделения выявляется определенное количество недостатков. Конечно, возможно более частое проведение занятий по специальности, если это связано с подготовкой сотрудников к исполнению новых заданий либо заданий повышенной сложности.

Таким образом, на занятиях по специальности гражданские служащие и работники оперативно, на месте (в своем ИОГВ) расширяют свои знания по вопросам деятельности (направлениям деятельности) ИОГВ и их структурных подразделений, а также исполнения должностных обязанностей; руководители же структурных подразделений ИОГВ расширяют свои знания в вопросах управленческой деятельности.

В контексте статьи хотелось бы обратить внимание на еще один важный момент. На наш взгляд, занятия по специальности, профессиональная переподготовка, повышение квалификации гражданских служащих и работников должны осуществляться только через призму государственного интереса Российской Федерации, дей-

ствующего законодательства о государственной службе Российской Федерации, действующего законодательства о государственной гражданской службе Санкт-Петербурга, действующего трудового законодательства Российской Федерации, иного действующего законодательства Российской Федерации. При этом каждый руководитель (преподаватель, ученый, руководитель структурного подразделения ИОГВ и др.) занятия по специальности, занятия в системе профессиональной подготовки, занятия в системе повышения квалификации (далее — руководитель занятия) обязан иметь не только план занятия, но и его учебные/рабочие материалы с полным списком литературы, на которую он ссылается. Учебные/рабочие материалы руководителя занятия должны заблаговременно проверяться на предмет новизны, научности, соответствия требованиям действующего законодательства Российской Федерации.

Пристальное внимание к подготовке руководителей занятий необходимо, так как практика показывает, что они не всегда готовятся к занятиям, некоторые из них не имеют надлежащей подготовки и квалификации, не обладают знаниями в сфере действующего законодательства о государственной гражданской службе и не имеют

понятия о государственном интересе. Наблюдения автора показали, что:

— зачастую руководители занятий (например, преподаватели вузов) имеют глубокую теоретическую подготовку (в вопросах государственной гражданской службы), но при этом ни одного дня не служили (не проходили государственную гражданскую службу и не имеют соответствующей практики);

— гражданские служащие, приглашаемые для проведения занятий, имеют богатый практический опыт, но не осведомлены в вопросах педагогики (занятия больше напоминают инструктаж);

— приглашенные для проведения занятий карьерные коучи, карьерные консультанты, бизнес-тренеры, сертифицированные фасилитаторы, организационные консультанты (перечень можно продолжить), прошедшие подготовку в различных странах, не всегда ориентируются в действующем законодательстве Российской Федерации и Санкт-Петербурга в частности.

При этом в большинстве своем руководители занятий не имеют плана занятия и учебные/рабочие материалы. Как правило, руководитель занятия приносит презентацию, в содержании которой нередко отсутствуют источники, которые он использовал при подготовке.

И самое главное, в настоящее время назрела необходимость решения таких насущных вопросов, как: кто и каким образом должен проверять готовность руководителя к проведению занятия? Определена ли процедура такой проверки? Соответствуют ли рабочие/учебные материалы руководителя занятия государственному интересу? Дело в том, что некоторые гражданские служащие, прошедшие повышение квалификации, плохо ориентируются в вопросах государственного управления, в частности демонстрируют отсутствие знаний о принципе единоначалия и таким образом создают предпосылки к нарушению существующей системы государственного управления. Возникают ситуации, когда специалист — гражданский служащий одного ИОГВ отдает поручение руководителю структурного подразделения другого ИОГВ, которое относится к компетенции руководителя другого ИОГВ (к компетенции руководителей ИОГВ). При этом устанавливается срок исполнения; подчеркивается спешность исполнения (исполнить необходимо прямо сейчас); поручение мотивируется принятием решения высокопоставленным начальником; проявляется служебный нажим; дается оценка деятельности руководителя структурного подразделения ИОГВ; игнорируется руководитель другого ИОГВ. Как правило, на вопрос о том, почему игнорируется руководитель данного ИОГВ и за него принимается решение по вопросу, отнесенному к его компетенции, звучат следующие ответы: «Все так работают»; «Вы не понимаете важность задания»; «Так быстрее»; «Меня не волнует»; «Я повторяю Вам...» Ответы таких гражданских служащих свидетельствуют о том, что они по-

нятия не имеют о принципе единоначалия и не осознают того, что делают (гражданский служащий не имеет права принимать решения (совершать действия), относящиеся только к компетенции руководителя ИОГВ). Это тревожный факт.

Мы считаем, что от качества подготовки руководителей занятий зависит не только качество обучения гражданских служащих/работников, но и существующая система управления в ИОГВ. Если сегодня не обращать внимание на качество подготовки руководителей занятий, то через несколько лет это может привести к ослаблению государственного управления в целом (в частности, не получив от руководителя занятия надлежащую информацию о принципе единоначалия, гражданские служащие своими безграмотными действиями постепенно ослабляют управление ИОГВ). Для стабилизации ситуации предлагается обратить внимание на уже сформулированное предложение о создании института повышения квалификации в регионе/регионах Российской Федерации [1] с различными целями, включая:

— подготовку руководителей занятий (преподавателей по дисциплинам программ повышения квалификации, переподготовки гражданских служащих) из числа опытных в специальности/специальностях гражданских служащих, работников (10 лет и более стажа работы по специальности), склонных к педагогической деятельности;

— обсуждение учебных материалов, разработанных штатными преподавателями, приглашенными преподавателями, карьерными коучами, карьерными консультантами, бизнес-тренерами, сертифицированными фасилитаторами, организационными консультантами (обсуждение производится совместно с профессорско-преподавательским составом института и разработчиками учебных материалов на предмет научности, соответствия действующему законодательству, государственному интересу и др.);

— разработку учебных, учебно-методических пособий по вопросам специальной подготовки граждан к гражданской службе и гражданских служащих по направлениям деятельности ИОГВ (например, управление структурным подразделением ИОГВ, управление ИОГВ, кадровая работа в ИОГВ и др.)

Таким образом, если профессиональное развитие гражданских служащих и работников продолжать доверять руководителям занятий, не имеющим надлежащей подготовки, и не проверять разработанные учебные материалы на соответствие действующему законодательству Российской Федерации и государственному интересу Российской Федерации, то это со временем приведет к ослаблению не только института государственной гражданской службы, но государственного управления в целом.

Информация, приведенная в данной статье, не является исчерпывающей. Мы продолжим исследование вопросов, связанных с занятиями по специальности в структурных подразделениях ИОГВ.

Литература:

1. Паршин, В. Н. О кадровой работе в исполнительном органе государственной власти Санкт-Петербурга/В. Н. Паршин. — Казань: Бук, 2019.
2. Паршин, В. Н., Смирнова Н. А., Чернов Д. В. К вопросу об охране труда в государственном органе // Молодой ученый. — 2018. — № 14. — с. 220–228.
3. Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» // СЗ РФ. — 2013. — № 52 (часть I). — Ст. 6991.
4. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
5. Рабочие материалы проведения специальной оценки условий труда в Комитете по информатизации и связи в 2015 году.

Финансово-правовая политика в отношении статуса финансового уполномоченного

Пастушенко Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор;
Назейкина Валентина Владиславовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье представлен анализ роли финансового омбудсмана (финансового уполномоченного) в защите прав потребителей финансовых услуг. Проанализированы исторические аспекты, а также проблемы правового регулирования рассматриваемых правоотношений. Исследованы положения Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг».

Ключевые слова: *финансовый омбудсмен, финансовый уполномоченный, защита, потребители финансовых услуг, финансовые услуги.*

Становление и развитие рынка финансовых услуг в России привело к вовлечению в него значительной части населения страны. Особенно заметно это на финансовом рынке, где постоянно совершенствующиеся финансовые продукты предъявляют повышенные требования к квалификации лиц, рассматривающих соответствующие категории споров. Развитие области финансовых услуг в Российской Федерации, активный рост потребителей данной сферы выявили особую необходимость в создании института, который осуществляет защиту интересов лиц, участвующих в финансовых правоотношениях. Долгое время правовые средства защиты интересов граждан находились в стадии становления, однако с недавнего времени в российском законодательстве закреплён институт досудебного урегулирования споров между физическими лицами-потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями — институт финансового уполномоченного (омбудсмана).

В мировой практике накоплен достаточно большой положительный опыт деятельности финансовых омбудсменов. Институт финансового омбудсмана берет свое начало в Германии с 1992 года. Несмотря на первоначальное отсутствие законодательного регулирования, данный институт получил свое развитие в таких европейских странах как Великобритания, Франция, Польша,

Италия, Венгрия, Дания и др. Основной задачей омбудсмана на Западе являются не только внесудебное разрешение конфликта, но и доходчивое разъяснение потребителю особенностей финансовых услуг, его прав и обязанностей. Широкое распространение данного института объясняется тем, что процедура рассмотрения спора омбудсменом дает клиентам финансовых организаций возможность получения не только обязательного для исполнения, но и быстрого решения (при сравнении с судебными разбирательствами), а также возможность урегулирования разногласий бесплатно и без какого-либо риска. С тех пор институт финансового омбудсмана закрепился как стабильное средство поддержки потребителей финансовых услуг. Его деятельность основывается на общих принципах. Во-первых, омбудсмен обладает независимостью. Под независимостью следует понимать, что финансовый омбудсмен должен быть свободным в принятии решения и не может иметь связей ни с финансовыми структурами, ни с потребителем по конкретной жалобе. Его суждение должно быть независимым. Во-вторых, несмотря на независимость финансового омбудсмана, его действия и варианты урегулирования спора не должны выходить за рамки закона.

Положительный результат деятельности финансового омбудсмана в странах Европы послужил толчком к раз-

вitiю института финансового уполномоченного в России. В нашей стране институт финансового омбудсмена был сформирован Ассоциацией российских банков (АРБ) в целях повышения ответственности финансовых организаций за свою финансовую политику, а также в отношении с клиентами. За период разработки данного проекта был изучен зарубежный опыт, проведен анализ мнений банковского сообщества, законодателей, подготовлен проект внесудебного разрешения споров с участием финансового омбудсмена, разработаны нормативные документы, подобрана кандидатура финансового омбудсмена. Результатом проделанной работы стало принятие Советом АРБ в сентябре 2010 года Положения об общественном примирителе на финансовом рынке (финансовом омбудсмене) и Регламента Общественного примирителя на финансовом рынке (Финансового омбудсмена).

В Положении раскрывается понятие «финансовый омбудсмен» и его полномочия. В соответствии с ним общественный примиритель на финансовом рынке (финансовый омбудсмен) является постоянно действующим общественным органом разбирательств споров, возникающих между финансовыми организациями и их клиентами — физическими лицами. К компетенции финансового омбудсмена отнесено разрешение гражданско-правовых споров, заявителем в которых является физическое лицо — потребитель финансовых услуг, когда эти споры возникли в связи с заключением, изменением, исполнением или прекращением договоров, заключенных с финансовыми организациями и не связанными с осуществлением физическим лицом предпринимательской деятельности, а также жалоб, возникающих вследствие или в связи с деятельностью финансовых организаций, если возможность обращения к финансовому омбудсмену предусмотрена в письменных декларациях (заявлениях) сторон спора. Важной отрицательной особенностью является тот факт, что решения финансового омбудсмена были обязательны для исполнения только финансовыми организациями, которые являлись подписантами декларации о передаче рассмотрения споров финансовому уполномоченному с участием их клиентов. Но в то же время подписание декларации не являлось обязательным условием. Лицам, не обладающим специальными знаниями в области финансовых правоотношений, достаточно сложно понять, являлась ли финансовая организация участником, подписавшим подобную декларацию. Такой подход существенно сужал возможности по защите прав потребителей финансовых услуг за счет помощи финансового омбудсмена, так как многие участники рынка не подписывали декларацию. Следовательно, если такого соглашения не было, то спор не рассматривался посредством финансового уполномоченного.

Немаловажным моментом являлась недостаточно высокая эффективность работы финансового омбудсмена, связанная с ограниченным количеством региональных представительств, которые имелись только в Башкирии, Тамбовской, Тюменской, Липецкой области, Пермском

и Краснодарском крае. Жители других регионов лишены удобного и бесплатного способа защиты своих прав.

Наконец, еще одной принципиальной проблемой стала низкая осведомленность потребителей о финансовом омбудсмене и его деятельности. Основной причиной этой проблемы является низкая финансовая грамотность граждан. Значительной части населения незнакомо даже само слово «омбудсмен», не понятен порядок обращения и возможные результаты рассмотрения спора. Таким образом, полноценная деятельность омбудсмена затруднялась отсутствием четко закрепленных прав.

В связи с этим актуальными оставались вопросы расширения компетенции финансового примирителя и надделения его реальными полномочиями по разрешению споров со всеми финансовыми организациями. Целесообразным стало принятие решения о закреплении института финансового омбудсмена на уровне федерального закона.

В докладе президента Ассоциации Российских Банков Г. А. Тосуняна на очередном съезде Ассоциации упомянуто о важности придания государственного статуса институту финансового уполномоченного. «Всем известно, сколько сделано АРБ для становления и развития этого института в России. В течение 7 лет финансовый омбудсмен работал при АРБ и на практике доказал свою востребованность. Именно этот положительный опыт оценил Президент России и поддержал законопроект о финансовом уполномоченном, дав соответствующее поручение Правительству» — отметил докладчик.

Итогом совместно проделанной работы ученых и практиков, длительного законодательного процесса стало принятие 24 мая 2018 года Государственной Думой Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», подписанный Президентом Российской Федерации 4 июня 2018 года.

Федеральный закон определяет правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг (финансового уполномоченного), порядок досудебного урегулирования им споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, а также правовые основы взаимодействия с ним финансовых организаций.

Должность финансового уполномоченного вводится для рассмотрения обращений потребителей финансовых услуг, об удовлетворении требований имущественного характера, предъявляемых к финансовым организациям, оказавшим им финансовые услуги.

Предполагается, что в качестве финансового уполномоченного будет выступать главный финансовый уполномоченный и финансовые уполномоченные в сферах финансовых услуг. Сферы финансовых услуг, для рассмотрения обращений в которых устанавливаются должности финансовых уполномоченных, в соответствии с Федеральным законом, определяются советом директоров Банка России. Закрепляются требования к финансовому уполномоченному, определяется порядок его назначения

и освобождения от должности, регламентируются вопросы материального и социального обеспечения его деятельности.

Федеральным законом определяется правовое положение Службы финансового уполномоченного, которая состоит из главного финансового уполномоченного и финансовых уполномоченных в сферах финансовых услуг, Совета Службы финансового уполномоченного, службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного и экспертного совета Службы финансового уполномоченного. Предусматривается формирование фонда финансирования деятельности финансового уполномоченного.

Регулируется порядок взаимодействия финансового уполномоченного и федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, Банка России и иных организаций, а также должностных лиц.

В законе определяется порядок рассмотрения обращений финансовым уполномоченным. Предусматривается механизм участия финансового уполномоченного в достижении соглашения до принятия решения по обращению, регулируются порядок принятия решения финансового уполномоченного, порядок его вступления в силу, исполнения и обжалования. Помимо этого, предусматриваются особенности защиты прав потребителя финансовых услуг в судебном порядке.

В соответствии с Федеральным законом с финансовым уполномоченным обязаны организовать взаимодействие страховые организации (кроме страховых организаций, осуществляющих исключительно обязательное медицинское страхование), микрофинансовые организации, кредитные потребительские кооперативы, ломбарды, кредитные организации, негосударственные пенсионные фонды. Учитывается, что Банк России ведёт реестр финансовых организаций, обязанных организовать взаимодействие с финансовым уполномоченным.

Общественными и политическими деятелями отмечаются преимущества в законодательном урегулировании деятельности финансового уполномоченного. По мнению заместителя председателя Комитета Государственной Думы по финансовому рынку Антона Гетты благодаря нововведению граждане — потребители финансовых услуг смогут в досудебном порядке решать проблемы, возникающие при обращении за кредитами, а также в спорных ситуациях в сфере страхования. Новшество, кроме того, разгрузит суды от мелких дел и избавит рынок от профессиональных «псевдозащитников».

Литература:

1. Белоусов, А. Л., Проблемы становления института финансового омбудсмена в Российской Федерации // Финансы и кредит. 2015. № 19 (643) с. 14–15
2. Колесников, Ю. А., Бочарова Н. Н. Особенности правового положения финансового омбудсмена в России и зарубежных странах: теоретико-методологический аспект // Историческая и социальная образовательная мысль. 2015. № 6–2 с. 211

Но помимо положительных отзывов среди практиков встречаются мнения о необходимости доработки Федерального закона. Так, первый финансовый омбудсмен, действующий при АРБ, Медведев П. А. считает, что одно из положений закона запрещает гражданам обращаться к уполномоченному за консультацией. «В моей практике эта позиция (обращение за консультацией) твердо держится на втором месте по частоте после жалоб граждан, имеющих проблемы с долгами. Судя по количеству благодарностей, консультации — самая эффективная форма работы финансового омбудсмена. Не заинтересованы ли авторы закона в том, чтобы граждане чаще попадали в финансовые ловушки?!» — отражается в интервью уполномоченного.

В целом, большая часть правоведов отмечает о положительных тенденциях закрепления на федеральном уровне статуса финансового уполномоченного, деятельность которого призвана осуществлять защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, а также призван определить правовой статус уполномоченного, регламентировать порядок досудебного урегулирования споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, а также правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным. Международный и отечественный опыт свидетельствует, что институт финансового омбудсмена способен существенно повысить скорость и качество разрешения типичных споров финансовых организаций и потребителей их услуг, а также уровень удовлетворенности потребителей.

В условиях широкого распространения участия в финансовых операциях значительной части населения страны, особую актуальность приобретает необходимость становления и начала полноценного функционирования института финансового примирителя, который получил свое официальное закрепление в Российском законодательстве. В результате изучения международного и отечественного опыта по данному вопросу можно сделать вывод о том, что создание института финансового примирителя позволяет значительно повысить степень защиты прав граждан при получении финансовых услуг, упростить досудебное разрешение некоторых финансовых споров, а также способствует повышению уровня финансовой грамотности населения. Недавно принятый Федеральный закон в долгосрочной перспективе не только окажет содействие органам правосудия, уменьшив повышенную нагрузку с судов общей юрисдикции, но и упростит процедуру разрешения споров имущественного характера.

3. Негосударственная некоммерческая организация, выражающая интересы российского банковского сообщества. Ассоциированный член Европейской банковской федерации и Международной банковской федерации. Учредительные документы АРБ доступны на ее официальном сайте. URL: <http://arb.ru/arb/about/constituent-documents> (дата обращения: 10.05.2018)
4. Положение об общественном примирителе на финансовом рынке (финансовом омбудсмене). https://arb.ru/b2b/docs/polozhenie_ob_obshchestvennom_primiritele_na_finansovom_rynke_finansovom_ombudsm-412085/ (дата обращения: 21.06.2018)
5. Регламент Общественного примирителя на финансовом рынке (Финансового омбудсмена). https://arb.ru/b2b/docs/reglament_obshchestvennogo_primiritelya_na_finansovom_rynke_finansovogo_ombudsme-412086/ (дата обращения: 21.06.2018)
6. Чудиновских, М. В. Методическое обеспечение повышения финансовой грамотности студентов [Текст] // Педагогическое мастерство: материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2016 г.). — М.: Буки-Веди, 2016. с. 83.
7. Белоусов, А. Л., Проблемы становления института финансового омбудсмена в Российской Федерации // Финансы и кредит. 2015. № 19 (643) с. 16–17
8. Доклад Гарегина Тосуняна на съезде АРБ // Вестник АРБ. 2018. № 07–08 с. 8 URL: https://arb.ru/arb/press-on-arb/doklad_garegina_tosunyana_na_sezde_arb_10192132/?sphrase_id=322421 (дата обращения: 30.06.2018)
9. Федеральный закон № 123-ФЗ от 4 июня 2018 года «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». <http://www.pravo.gov.ru/laws/acts/43/4950514510601047.html> (дата обращения: 10.06.2018)
10. Подписан закон об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг. <http://kremlin.ru/acts/news/57656> (дата обращения: 07.06.2018)
11. В России появится финансовый омбудсмен. <https://rg.ru/2018/05/24/v-rossii-poiavitsia-finansovyy-ombudsmen.html> (дата обращения: 30.06.2018)
12. https://arb.ru/b2b/pointofview/nekstati-10207437/?sphrase_id=322421 (дата обращения: 30.06.2018)
13. <http://www.kremlin.ru/d/57656>

Проблемы применения положений уголовного закона, посвященных посягательствам на жизнь государственных или общественных деятелей

Пензин Сергей Игоревич, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В настоящей статье автор произвел анализ проблемных аспектов в рамках уголовного законодательства, сопряженных с посягательствами на жизнь государственных или общественных деятелей. В качестве практической основы в настоящей статье использованы положения судебной практики, изложенных в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: государственный деятель, общественный деятель, жизнь, посягательство.

Рассматривая проблемные аспекты в рамках правоприменительной деятельности, отметим, что положение о неприкосновенности государственного или общественного деятеля, заключенного в содержание ст. 277 УК РФ, имеет направленность на жизнь и здоровье таких лиц.

Несмотря на использование терминов государственный либо общественный деятель, их толкования в статьях УК РФ не содержится, как и в иных положениях российского законодательства. Обращаясь к положениям специальной литературы, посвященной рассматриваемой проблематике, к

К государственным деятелям можно отнести руководящий состав и иных лиц, осуществляющих профессио-

нальную деятельность в органах законодательной исполнительной и судебной властей, однако деятельность таких лиц должна носить обязательный политический характер.

Раскрывая понятие «общественный деятель», отметим, что к ним законодатель относит как правило лиц, осуществляющих руководство деятельностью политических партий и иных общественных объединений как на общероссийском уровне, так и иных объединений.

Однако, перечень указанных лиц — государственных деятелей, может быть дополнен, по мнению А. Н. Игнатьева, и высшими должностными лицами муниципальной власти [1, с. 768]. По мнению А. В. Наумова же: «Государственным деятелем может быть признано лицо, за-

нимающее достаточно высокий пост в государстве» [2, с. 353]. Как нам представляется данная позиция является достаточно обоснованной.

Для определения потерпевшей стороны Е. А. Иванченко [3, с. 578] принято решение применять положения Федерального закона РФ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [4] и Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5].

Эта рекомендация не решит проблему установления круга лиц, признаваемых потерпевшими по ст. 277 УК РФ; ее использование лишь даст возможность определить виды соответствующих служб в Российской Федерации и не более того.

Как нам представляется, предложение Е. А. Иванченко не сможет разрешить возникшие проблемы по установлению объекта преступления. Данное предложение могло только позволить определить к каким государственным ведомствам относятся потерпевшие лица.

Нам представляется, что в случае признания потерпевшим судьи, то данное преступление квалифицируется уже по ст. 295 УК РФ. Также на основании положения п. 3 ст. 3 Закона РФ от 25 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судья не имеет права «принадлежать к политическим партиям, материально поддерживать указанные партии и принимать участие в их политических акциях и иной политической деятельности» [6]. Соответственно, уголовное законодательство осуществляет правовую охрану исключительно деятельности, которая не противоречит нормам действующего российского права.

Поэтому судьи в рамках рассматриваемой группы общественных правоотношений не могут быть в качестве потерпевших лиц, поскольку посягательства в отношении судей квалифицируются по соответствующим статьям УК РФ (ст. 105 или 295 УК РФ). Однако, в судебском корпусе присутствуют должностные лица — руководители высших судебных органов, в компетенцию которых входит решение организационных вопросов деятельности в том числе в определении судебной политики в рамках судопроизводства. Соответственно, преступные посягательства в отношении данных лиц будут подлежать квалификации по ст. 277 УК РФ.

Также достаточно дискуссионными в рамках рассматриваемых правоотношений выступают вопросы о признании в качестве потерпевших лиц соответствующих деятелей зарубежных стран. Мнения разделились: ряд ученых убеждены, что «жизнь и здоровье иностранных государственных или общественных деятелей должны подлежать уголовно-правовой охране российским законодателем» [7, с. 576].

Сторонники иного подхода, считают, что «в настоящей редакции уголовного закона не содержится положений об ответственности за посягательства на жизнь и здоровье государственных деятелей, однако в настоящее время со-

зрели предпосылки для ее включения в ст. 277 УК РФ» [1, с. 770].

Мы не разделяем рассмотренные авторские позиции, поскольку, как нам представляется, уголовный кодекс России уже предусмотрел уголовную ответственность за преступные посягательства на иностранных граждан в диспозиции ст. 360 УК РФ. Поэтому, считаем, что дополнение какими-либо дополнительными квалификационными признаками в т. ч. в ст. 277 УК РФ представляется нецелесообразным.

Существуют также некоторые затруднения в рамках толкования термина «посягательство». В. Мальцев включает в понятие посягательство «действия, направленные на угрозу жизни и здоровья потерпевших лиц, в т. ч. сопряженные с уничтожением или причинением ущерба имуществу» [9, с. 11].

В связи с тем, что понимание термина «посягательство на жизнь» как убийства или покушения на убийство является ныне господствующим в теории уголовного права, практическое значение приобретает вопрос об уголовно-правовой оценке приготовления к убийству государственного или общественного деятеля.

С известной долей условности можно сказать, что посягательство синонимично нападению, поэтому с объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, может быть совершено только посредством насильственных действий, но не путем бездействия или психического воздействия на потерпевшего. Правда, само понятие насилия не следует толковать чрезмерно узко и ограничивать его лишь действиями, влекущими смерть в результате механических повреждений организма потерпевшего. В этом плане важным представляется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, данное в Постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой» [10].

Точно так же следует расценивать как посягательство на жизнь насильственное или путем обмана введение в организм потерпевшего смертельно опасного количества наркотических средств, психотропных, сильнодействующих или ядовитых веществ с целью причинить смерть. Сказанное обуславливает необходимость хотя бы коротко остановиться на проблеме способа совершения преступления.

По нашему мнению, под ним можно понимать признак объективной стороны преступления, характеризующий прием или комплекс приемов, обеспечивающих исполнение основного общественно опасного деяния.

Соответственно, для квалификации преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, необходимо наличие либо цели и мотива совершения преступления. Однако,

убийство в рамках рассматриваемого преступления подлежит уголовно-правовой оценке по соответствующей уголовной статье в рамках преступлений против личности. Обращаясь к положениям п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», «если лицо совершает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля... путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, содеянное надлежит квалифицировать по статье 205 УК РФ. Когда посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля хотя и совершается указанными способами, но в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность, содеянное квалифицируется по статье 277 УК РФ» [11].

Среди наиболее значимых проблем в рамках квалификации преступных посягательств на жизнь и здоровье государственных и общественных деятелей с помощью общественно опасных методов. Так диспозиция ст. 277 УК РФ не содержит в себе положений о дифференциации ответственности, соответственно квалификация таких преступлений будет происходить совокупно со ст. 277 УК РФ [12, с. 89].

Литература:

1. Игнатов, А. Н., Красилов Ю. А. Курс российского уголовного права. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. — М., 2002. — 816 с.
2. Наумов, А. В. Российское уголовное право. В 3 т. Т. 3: Особенная часть. — М., 2018. — 499 с.
3. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Э. Ф. Побегайло. — М., 2008. — с. 578.
4. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 22. — ст. 2063.
5. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 11.12.2018) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 31. — ст. 3215.
6. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 06.03.2019) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 30. — ст. 1792.
7. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. — М., 2014. — 857 с.
8. Седых, А. В. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации: дисс... к.ю.н.: 12.00.08. — Казань, 2007. — 228 с.
9. Мальцев, В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // Законность. — 1996. — № 1. — с. 9–14.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 2.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 4.
12. Токмаков, С., Трошкин Е. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля // Уголовное право. — 2009. — № 5. — с. 87–91.

Также отметим, о существующей проблеме квалификации ст. 277 УК РФ при совершении преступных деяний в отношении двух и более лиц. В рассматриваемом случае такое деяние будет рассматриваться как одно единое преступление в рамках данной статьи.

На основании сложившейся судебной практики по ст. 295 и 377 УК РФ, можно констатировать что посягательство на жизнь государственных или общественных деятелей по ст. 277 УК РФ не квалифицируется, поэтому такие преступления квалифицируются как убийство по ст. 105 УК РФ.

Таким образом, рассмотрев проблемы применения статей уголовного закона, посвященных посягательствам на жизнь государственных или общественных деятелей следует отметить, что правоприменителю необходимо тщательно исследовать фактические обстоятельства преступного деяния, его объективные и субъективные признаки.

Статистические показатели правоприменительной практики по данному виду преступных посягательств являются достаточно незначительными, что в свою очередь свидетельствует не о недостаточном уровне безопасности государственных и общественных деятелей от посягательств на их жизнь, а о сложностях правоприменителя в рамках квалификации данных преступных деяний, и также отсутствии действенного уголовно-правового механизма привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Некоторые проблемы участия адвоката в арбитражном процессе

Прокофьев Максим Геннадьевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье освещаются отдельные проблемы участия адвоката в арбитражном судопроизводстве. Затронуты вопросы оформления полномочий адвокатов для участия в судебных заседаниях арбитражных судов, оплаты адвокатских услуг и применения адвокатских запросов с целью сбора необходимой информации и документов по делу.

Ключевые слова: адвокат, адвокатский запрос, арбитражный процесс, доверенность, ордер, судебные расходы.

Деятельности адвоката в арбитражном судопроизводстве присущи многие особенности, обусловленные организационно-правовым и процессуально-правовым положением адвоката. В настоящей статье мы затронем некоторые процессуально-правовые особенности и проблемы деятельности адвоката в арбитражном процессе.

В первую очередь отметим, что адвокат при рассмотрении дела в арбитражном суде выполняет функции представителя той или иной стороны спора. В соответствии с ч. 6 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) [1] представителем в арбитражном процессе может быть любое дееспособное лицо с надлежащим образом оформленными полномочиями на ведение дела. Однако, в отношении адвокатов имеются некоторые особенности.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] (далее — ФЗ об адвокатуре) в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер. В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности. АПК РФ, в свою очередь, не содержит указание на возможность участия в арбитражном процессе по ордеру.

На данную неопределенность норм обращает внимание Е. А. Трещёва, указывая на то, что «использование ордера для подтверждения полномочий адвоката в арбитражном процессе является незаконным, и адвокат должен подтверждать свои полномочия на участие в деле доверенностью» [10].

Представляется что, один ордер лишает суд возможности учитывать весь объем полномочий, предоставленных адвокату. По этой причине, в законодательстве следует установить, что адвокат представляет в суд доверенность, и это позволит исключить из обязанностей адвоката предоставление в суд ордера на исполнение поручения.

Другой вопрос, требующий внимания, связан с оплатой услуг адвоката, участвующего в арбитражном процессе. В настоящее время ни АПК РФ, ни Федеральный закон об адвокатуре не устанавливают размер и порядок оплаты труда адвоката, участвующего в арбитражном процессе [9]. Однако в статье 110 АПК РФ содержится уточнение о том, что расходы на оплату услуг представителя взыскиваются судом

с другого лица в разумных пределах. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем информационном письме от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах применения АПК РФ» [6] определил критерии разумности, основными из которых являются сложность дела и сложившаяся в регионе стоимость оплаты услуг представителей [11]. При этом разумность издержек не может обосновываться известностью представителя лица, участвующего в деле, о чем сказано в пункте 13, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [5].

Следует также отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопрос о возможности снижения размера судебных расходов на представителя, подлежащих взысканию с ответчика, пришел к выводу, что положения закона, не позволяющие суду снизить размер судебных расходов при отсутствии возражений со стороны ответчика, не соответствуют нормам Конституции РФ [4]. Также Конституционный Суд РФ указал, что до внесения изменений в действующее законодательство надлежит руководствоваться его правовыми позициями. Таким образом, арбитражный суд, определяя размер подлежащих взысканию судебных расходов на адвоката имеет право снизить заявленный размер расходов исходя из требований разумности и справедливости.

Необходимо затронуть также положения Федерального закона об адвокатской деятельности относительно порядка осуществления полномочий адвоката. В их числе уже можно увидеть и изменения, привнесенные в актуальные вопросы процессуальной деятельности адвоката в арбитражном процессе.

Характерно, что изменениям снова подверглись нормы, регулирующие порядок сбора сведений адвокатом — адвокатский запрос. В частности, конкретизирован порядок выдачи документов по запросу адвоката, определен источник требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса, определены условия отказа адвокату в предоставлении запрошенных требований, а также установлены санкции за неправомерный отказ в предоставлении сведений, предоставление которых предусмотрено федеральными законами, нарушение сроков предоставления сведений.

Адвокатский запрос, предусмотренный законодательно, представляет собой один из основных инструментов оказания квалифицированной юридической помощи. Но при этом, как часто бывает, законодательные требования и гарантии существенно отличаются от практики. Являясь гарантом соблюдения прав человека и гражданина, адвокат на своем пути часто сталкивается с препятствиями, которые мешают выполнению его функции.

Изменения норм об адвокатском запросе вызвали в научной среде отклик в виде публикаций [7], общим тоном которых было обоснованное сомнение в том, что внесенные изменения придадут адвокатскому запросу силу эффективного инструмента в процессуальной деятельности адвоката [8].

Также обоснованные претензии правоведы и практики высказали относительно неравного подхода в определении срока выдачи информации по адвокатскому запросу. На практике в установленном законом порядке организации вправе предоставить адвокату запрашиваемую информацию в 30-дневный срок, который может быть увеличен, но не более чем на 30 дней, что в сумме дает 60 дней, в то время как госорганы получают информацию по своему запросу в течение пяти дней, граждане — в течение 30 дней. Таким образом, использование адвокатского запроса для получения документов и информации является длительным и неэффективным процессом.

Изменения в Законе об адвокатуре установили и ряд ограничений, касающихся круга данных, в получении которых адвокату может быть отказано. На данный период времени адвокатам приходится встречаться с отказами в предоставлении запрашиваемой в рамках адвокатского запроса информации. При этом органы и организации указывают, что данные сведения относятся к государственной, коммерческой, врачебной, налоговой или другой охраняемой законом тайне.

Зачастую отказы в предоставлении сведений относятся к сфере персональных данных физических лиц. Так, ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [3] (далее — Закон о персональных данных) регламентирует обстоятельства, которые не подпадают под действие данного закона, и в их числе отсутствует пункт, который позволял бы получать сведения, относящиеся к персональным данным в рамках запроса адвоката. В результате возникает спорная ситуация, ведь у адвоката имеется право собирать необходимую информацию, направление запросов в целях осуществления своей деятельности, но при этом значительная часть информации охраняется законом о персональных данных. В итоге подобные противоречия приводят к нарушению прав граждан и юридических лиц, а иногда и к невозможности исполнить судебный акт.

Так, одним из примеров может послужить выдача дубликатов трудовых книжек, утраченных при различных об-

стоятельствах (форс-мажор). Многие недобросовестные работники используют простую, но эффективную схему. При утрате трудовой книжки по вине работодателя он обязан ее восстановить, но работник отказывается предоставлять сведения и справки с предыдущего места работы. Тогда работодатель вынужден самостоятельно запрашивать информацию. Как итог — он получает отказ. Затем может последовать обращение к адвокату с целью направления адвокатского запроса, на что организация, где ранее был трудоустроен работник, отвечает о невозможности предоставления персональных данных. В итоге работник увольняется из организации, а спустя полгода приходит в суд с иском о выдаче дубликата трудовой книжки и взыскании неполученного заработка за незаконное лишение возможности трудиться. Подавляющее большинство таких исковых требований удовлетворяются.

Рассмотренные положения законодательства об адвокатском запросе, бесспорно, имеют положительный характер, в связи с тем, что содержат все аспекты такого способа сбора доказательств, как адвокатский запрос, и вводят административную ответственность за непредоставление запрашиваемых требований. Но в то же время указанные нововведения не согласованы с сопряженными нормативными актами.

Резюмируя вышесказанное, можем сделать вывод, что несмотря на постоянную модернизацию действующее законодательство, регулирующее участие адвоката в арбитражном процессе, нуждается в совершенствовании. Так, предлагаем:

1. внести изменения в п. 2 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исключив из числа документов, удостоверяющих полномочия адвоката, ордер на исполнение поручения.

2. внести изменения в ст. 6.1. Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», сократив сроки ответа субъекта, получившего адвокатский запрос, до 30 дней по аналогии с ответами на обращения граждан.

3. внести изменения в действующее законодательство, указав, что суд имеет право уменьшить размер подлежащих взысканию судебных расходов на представителя и без ходатайства ответчика.

4. изложить подп. 3 п. 4 ст. 6.1 Закона о персональных данных в следующей редакции: «Запрошенные сведения отнесены законом к информации, составляющей государственную и коммерческую тайну». Такая редакция позволит ограничить возможность отказа в получении сведений, только если они имеют законодательно регламентированный статус государственной или коммерческой тайны, что приведет к реальному изменению ситуации.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. ст. 3012.

2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. ст. 2102.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). ст. 3451.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 30. ст. 4726.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 4.
6. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 10.
7. Иванов, А. В. Адвокатский запрос: содержание и проблемы реализации // Адвокат. 2014. № 4. с. 13–16.
8. Рагулин, А. В. Новый законопроект об адвокатском запросе не способен достичь поставленных в нем целей и задач! // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20). с. 36–38.
9. Талицких, Д. В. Споры о возмещении расходов на оплату услуг адвоката как представителя стороны в гражданском процессе. // Молодой ученый. 2017. № 40. с. 51–53.
10. Трещева, Е. А. Субъекты арбитражного процесса. Часть II: монография / Е. А. Трещева. Самара, 2007. 386 с.
11. Троицкий, С. В. Разумные пределы судебных расходов в рамках Постановления Пленума Верховного суда № 1 от 21 января 2016 года // Вестник МИЭП. 2016. № 4 (25) с. 93–101.

Анализ объекта преступления, предусмотренного статьей 205 УК РФ

Рамазанов Фархад Гаджиевич, студент;

Научный руководитель: Мирончик Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье анализируется объект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Осуществлен анализ мнений ученых по данному вопросу.

Ключевые слова: террористический акт, объект, дополнительный объект, непосредственный объект.

Значение объекта преступления в научной литературе не подвергается каким-либо сомнениям. Объект преступления — сложный, проблемный и важнейший институт уголовного права.

Правильное определение объекта способствует более точной квалификации преступлений. Стоит отметить значение объекта, который определяет степень и характер общественной опасности, что, безусловно, имеет огромное значение при назначении наказания.

Таким образом, мы полагаем, что вопрос о сущности объекта преступления является фундаментальным в науке уголовного права.

В теории уголовного права в зависимости от степени конкретизации выделяют общий, родовой и непосредственный объекты преступления, которые положены в основу деления Особенной части УК РФ на разделы, главы и статьи. Каждый последующий из этих объектов уже предыдущего по объему, является его частью и характеризу-

ется дополнительным признаком. Эта классификация, — обоснованно отмечает Н. А. Беляев, — основана на соотношении философских категорий общего, особенного и единичного, вследствие чего непосредственным объектом преступления признаются конкретные общественные отношения [1].

По мнению В. П. Ревина, общим объектом всех преступлений выступает совокупность наиболее важных, ценных, социально значимых общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств, которым при совершении общественно опасного деяния причиняется вред или создается реальная угроза причинения данного вреда [2].

Как отмечает В. В. Питецкий, родовым объектом признается группа однородных общественных отношений, которые в силу этой однородности охраняются единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм. Данные группы однородных общественных отношений

объединяются в разделы Особенной части УК по определённым критериям, общим основаниям: сфере деятельности, особенностям социальных связей, специфики субъекта или предмета отношений и др [3].

Так, ст. 205 УК РФ находится в разделе IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», что позволяет обозначить родовой объект этой группы преступлений как совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность, а также общественный порядок в широком смысле слова.

Видовым объектом преступлений является относительно узкая группа общественных отношений, интересов и ценностей данного вида. Как пишет В. В. Питецкий: «Видовым объектом является часть родового объекта, объединяющего еще более узкие и близкие группы отношений. Данные группы однородных общественных отношений объединяются в главы Особенной части УК в рамках родового объекта также по определенным критериям общности [3].

Следовательно, видовым объектом террористического акта выступает, в соответствии с названием главы 24 УК РФ — общественные отношения, содержание которых составляет общественная безопасность, но уже в узком смысле слова, то есть как пишут Ф. Р. Сундуров и М. В. Талан: «совокупность таких общественных отношений, как защищенность жизни и здоровья граждан; имущественных интересов физических и юридических лиц; общественного спокойствия; нормальной деятельности государственных и общественных институтов» [14].

Непосредственный объект — это охраняемое уголовным законом конкретное общественное отношение, которое терпит ущерб в результате совершения определенного преступления.

Стоит согласиться с мнением С. В. Дьякова и Ю. М. Антоняна о многообъектности терроризма, террористический акт посягает на жизнь и здоровье граждан, имущество, общественную безопасность и нормальное функционирование органов государственной власти [6].

Так, по мнению А. Н. Игнатова и В. П. Емельянова, для наличия терроризма достаточно посягательства на один из соответствующих объектов, содержащихся в статье 205 УК РФ [4].

Исходя из вышеприведенных позиций, можно сказать, что террористический акт действительно нарушает неопределенный круг общественных отношений, таких как жизнь и здоровье человека, сохранность материальных ценностей (имущества), также наносит вред основным конституционным объектам защиты — личности, обществу и государству, то есть является многообъектным деянием.

В связи с этим стоит согласиться с мнением некоторых авторов о необходимости улучшения уголовно-правового регулирования в сфере террористических деяний с включением и трактовкой соответствующих деяний как многообъектных с обязательным выделением основных (главных) и дополнительных объектов [5].

Поэтому следует говорить об основном непосредственном объекте (то есть на которое непосредственно направлено посягательство и причиняется вред всегда) и дополнительном объекте террористического акта.

Проанализировав вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что мнения ученых едины в том, что террористический акт является многообъектным преступлением, но не согласуются в том, что именно является непосредственным и дополнительным объектами террористического акта.

Так, основной непосредственный объект террористического акта — это те конкретные общественные отношения, которые поставлены под охрану уголовного закона и которым причиняется ущерб преступлением [7].

При совершении террористического акта таковыми являются общественные отношения, содержание которых составляет стабильность деятельности органов власти или международных организаций; дополнительный непосредственный объект — это общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности жизни и здоровья человека, отношения собственности и отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти и международных организаций [8].

Согласно позиции В. Л. Кудрявцев, вывод об основном непосредственном объекте делается из ч. 1 ст. 205 УК РФ, а о дополнительном непосредственном объекте из ч. 2 и ч. 3 ст. 205 УК РФ.

Некоторые ученые, в частности, В. В. Мальцев, считают, что «существует только основной непосредственный объект террористического акта — общественные отношения, связанные с поддержанием общественной безопасности в сфере повседневной жизнедеятельности» [9]. По его мнению, общественная безопасность представляет собой комплексный объект, который охватывает разнообразный вред, который не требует дополнительных объектов в виде личности, имущества и т. д., потому что без причинения вреда таким благам, как жизнь, здоровье людей, имущество и т. д., не может быть посягательством на общественную безопасность. Эту позицию разделяют и другие ученые, например, В. С. Комиссаров [10, с. 49–50], С. И. Бушмин [3].

Представляется, что понимание о наличии дополнительных объектов террористического акта или их отсутствии в большей степени разнится в связи с различным содержательным пониманием основного непосредственного объекта рассматриваемого преступления. Ученые, которые вкладывают в понимание общественной безопасности широкое определение и говорят о том, что без причинения вреда жизни, здоровью, собственности и т. д., не может быть посягательства на общественную безопасность, в связи с чем обоснованно и приходят к выводу об отсутствии дополнительного объекта преступления.

В заключении хотелось бы отметить мнение Б. С. Никифорова и Г. П. Новоселова о роли непосредственного объекта при квалификации и отграничении преступлений,

существует один объект — непосредственный, остальные предполагаются [13].

Данную позицию также подтверждает М. Ф. Мусаелян, который утверждает, что общий, родовой и видовой

объекты — нереальные объекты, а обобщенные (абстрактные) понятия об объектах конкретных преступных посягательств, возникающие на основе информации о признаках конкретных явлений [12].

Литература:

1. Курс советского уголовного права. Часть общая Т. 1 / Отв. ред.: Беляев Н. А., Шаргородский М. Д. — Л.: Изд-во Ленинг. Ун-та, 1968. — с. 291–302.
2. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. В. П. Ревина. — М.: «Юстицинформ», 2009. — с. 127.
3. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А. Н. Тарбагаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — с. 105.
4. Емельянов, В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. — Спб.: Юридический центр Пресс, 2002. — с. 502.
5. Миньковский, Г. М., Ревин В. П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ними / Г. М. Миньковский, В. П. Ревин // Государство и право. — 1997. — № 8. — с. 88.
6. Дьяков, С. В. Государственные преступления (против конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. — М.: Норма, 1999. — с. 275–276.
7. Таций, В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. — Харьков, 1988. — с. 88.
8. Кудрявцев, В. Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений / В. Л. Кудрявцев // Вестник УЮПИ. — 2013. — № 1. — с. 50.
9. Мальцев, В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования / В. В. Мальцев // Государство и право. — 1998. — № 8. — с. 106.
10. Комиссаров, В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложников и другие тяжкие преступления против безопасности общества. По новому УК РФ. — М.: Кросна-Лекс, 1997. — с. 49–50.
11. Уголовное право. Общая часть: учебник / А. Ф. Мицкевич [и др.]; отв. ред. А. Н. Тарбагаев. — М.: Проспект, 2011. — с. 402.
12. Мусаелян, М. Ф. Объект террористического акта / М. Ф. Мусаелян // Военно-юридический журнал. — 2009. — № 11. — с. 24.
13. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1960. — с. 108–109.
14. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. — М.: Статут, 2012. — с. 400.

Конституционно-правовое значение принципа свободы договора

Репешко Михаил Анатольевич, студент магистратуры

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В данной статье рассматривается конституционно-правовое значение принципа свободы договора — одного из основных принципов гражданского права и основных начал гражданского законодательства.

Ключевые слова: конституция, принципы права, принцип свободы договора, свобода договора.

Принцип свободы договора закреплен в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) «Основные начала гражданского законодательства», а его содержание раскрывается в ст. 421 ГК РФ «Свобода договора». Применительно к свободе заключения непоименованного договора он дополнительно раскрывается в пп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ, где указано, что гражданские права и обязанности могут возникать в том числе из договоров и иных сделок хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему [2].

О принципе свободы договора А. В. Мыскин говорит: «Изначально все принципы гражданского права юридически равны и не упорядочены по иерархическому принципу. Однако среди них есть такие, которые в силу своей особой социально-юридической значимости занимают положение *primus inter pares* — первых среди равных. Один из таких принципов-титанов, юридических китов цивилистической сферы — принцип свободы договора»... [3, с. 49].

Рассмотрим конституционно-правовое значение этого — *primus inter pares* — гражданско-правового

принципа, обратившись к Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), основному закону, имеющему высшую юридическую силу, ведь принцип свободы договора является в первую очередь конституционным принципом. Будучи таковым, он берет свое начало, происходит от чрезвычайно широкой по своему смыслу гарантии — гарантии свободы экономической деятельности в тексте ч. 1 ст. 8 Конституции РФ: «В Российской Федерации гарантируются... свобода экономической деятельности» [1].

Далее обратимся к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 30 января 2009 г. № 1-П. В нем указано, что ГК РФ признает «в качестве основных начал гражданского законодательства, имеющих конституционное значение, равенство участников регулируемых им имущественных и личных неимущественных отношений, неприкосновенность собственности, свободу договора»... [6]. Данная позиция конкретизируется применительно к принципу свободы договора в п. 4 Постановления КС РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П, где указано: «Конституция Российской Федерации гарантирует свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя (статья 8). Конкретизируя это положение в статьях 34 и 35, Конституция Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и свободное использование имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Из смысла указанных конституционных норм о свободе в экономической сфере вытекает конституционное признание свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина, которая Гражданским кодексом Российской Федерации провозглашается в числе основных начал гражданского законодательства»... [5]. Эта же позиция подтверждается в более новом Постановлении КС РФ от 27 октября 2015 г. № 28-П: «Конституция Российской Федерации гарантирует в качестве одной из основ конституционного строя свободу экономической деятельности (статья 8) и в развитие этого положения закрепляет право каждого на свободное использование своих способностей и свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статьи 34 и 35). Из смысла приведенных конституционных положений о свободе в экономической сфере вытекает конституционное признание свободы договора в числе других гарантируемых государством прав и свобод человека и гражданина»... [7].

Свобода договора указана: как конституционная свобода в Постановлениях КС РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П и от 13 декабря 2001 г. № 16-П; как принцип, вытека-

ющий из Конституции РФ в Постановлении КС РФ от 06 ноября 2013 г. № 23-П; как надотраслевая, общеправовая ценность в Постановлениях КС РФ от 1 апреля 2003 г. № 4-П, от 18 июля 2003 г. № 14-П, от 12 ноября 2003 г. № 17-П, а также в Определениях КС РФ от 02 июля 2013 г. № 1048-О и от 02 июля 2013 г. № 1047-О); принцип свободы договора указан как общепризнанный принцип в Постановлении КС РФ от 22 ноября 2000 г. № 14-П и Определении КС РФ от 05 марта 2013 г. № 436-О.

Что касается практики Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), в определении от 29 мая 2012 г. № 80-В12-2 указано, что «Конституция Российской Федерации гарантирует каждому свободу экономической деятельности, включая свободу договоров»... [9]. В определении ВС РФ от 07 апреля 2009 г. № 21-809-1 говорится, что «Конституция Российской Федерации признает свободу договора как одну из гарантируемых государством свобод человека и гражданина, которая Гражданским кодексом Российской Федерации провозглашается в числе основных начал гражданского законодательства» [8].

На чем же основывается принцип свободы договора?

Анализ правовых позиций КС РФ показывает, что в основном — на положениях Конституции, относящихся к экономической сфере жизни общества. Так, в Постановлении КС РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П указано, что «Конституция РФ гарантирует свободу экономической деятельности и устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и свободное использование имущества для предпринимательской и иной... экономической деятельности. Из смысла данных норм о свободе в экономической сфере вытекает конституционное признание свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина» [5]. Также А. О. Рыбалов утверждает, что иногда в качестве основания «конституционной свободы договора» указывается «лежащее в ее основе юридическое равенство сторон» [4, с. 14].

Итак, на основе анализа положений ст. 8 Конституции РФ и правовых позиций КС РФ и ВС РФ, изложенных в указанных выше актах, можно сделать следующий вывод: свобода экономической деятельности является одной из основ конституционного строя Российской Федерации, в то время как свобода договора является одним из основных начал гражданского законодательства, при этом они соотносятся как общее и частное. Свобода договора является также одной из гарантируемых Конституцией РФ свобод человека и гражданина, конституционно-правовым, надотраслевым, общеправовым и общепризнанным принципом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 1993. — № 31. — Ст. 4398;

2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301;
3. Мыскин, А. В. Непоименованные договоры в системе договорно-правовых конструкций // Закон. — 2011. — № 6. — С. 49–55;
4. Рыбалов, А. О. Свобода договора в решениях Конституционного Суда // Журнал Конституционного правосудия. — 2018. — № 2. — с. 11–13;
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 г. № 4-П [Электронный ресурс]. Законодательство РФ [официальный сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23021999-p/> (дата обращения: 18.04.2019);
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2009 г. № 1-П [Электронный ресурс]. Российская газета [официальный сайт]. URL: <https://rg.ru/2009/02/18/pogodina-dok.html> (дата обращения: 18.04.2019);
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 г. № 28-П [Электронный ресурс]. Российская газета [официальный сайт]. URL: <https://rg.ru/2015/11/05/ksrf-dok.html> (дата обращения: 17.04.2019);
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации ВС РФ от 07 апреля 2009 г. № 21–809–1 // СПС «Гарант»;
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 80-В12–2 // СПС «Гарант».

Адаптация договора и принцип *pacta sunt servanda*: соотношение и новое понимание

Савельева Евгения Кирилловна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Введение

Современные международные договоры и акты основаны на фундаментальных принципах, выработанных и закреплённых национальными и международными правовыми режимами много лет назад. Данные принципы служат для сохранения уверенности бизнеса в действительности и исполнимости заключаемых договоров, и, следовательно, для усиления и роста существующих международной и национальных экономик. Таким образом, такие принципы как *pacta sunt servanda* при заключении договора помогают контрагентам действовать в определённых рамках, не опасаться недобросовестного поведения своих партнеров, а также быть уверенными в том, что именно право и закон являются рычагами, которые смогут впоследствии защитить сделку и обеспечить получение результата.

Однако, с развитием экономики, наступлением кризисов и иных финансовых потрясений международное и национальные законодательства столкнулись с проблемой: при серьезном изменении обстоятельств и для выполнения обязательств и сохранения договора в принципе единственный путь — это либо адаптация цены или иных условий договора, либо расторжение этого договора по согласию сторон. Но такое решение проблемы противоречило бы принципам международного права о том, что условия договора должны обязательно соблюдаться сторонами, ведь иначе право позволило бы сторонам дей-

ствовать свободно в определении того, какие обязательства по договору соблюдать надо, а какие можно изменить, если через какое-то время они становятся для стороны невыгодными. При этом, если бы право адаптацию запретило, многие договоры были бы просто расторгнуты или не соблюдались, так как при изменении обстоятельств становились невыносимой ношей для сторон.

Таким образом, проблема, представленная в настоящей работе, заключается в соотношении и балансе возможности адаптации договора как инструмента защиты прав сторон и сохранения контракта и принципа *pacta sunt servanda* как основного положения договорного права. Следовательно, возникает следующий логический вопрос — как право может быть мягким и позволять адаптировать договор и при этом сохранять жесткость для стабилизации правоприменения и сохранения стабильности оборота?

В международном публичном праве для решения этих задач выработан принцип *clausa rebus sic stantibus*, который закреплён в Венской Конвенции о праве международных договоров. Он обозначает, что при радикальном изменении обстоятельств страны могут выйти из обязывающего их договора. К примеру, это правило было использовано некоторыми странами Евросоюза задолго до закрепления возможности выхода в Лиссабонском договоре. Однако, что стоит понимать под радикальным изменением обстоятельств? Для Гренландии основанием выхода

из Евросоюза стала независимость от Дании, но должны ли изменения быть настолько критичными для сторон по гражданскому договору? А в случае отрицательного ответа и понижения стандартов, не нарушается ли принцип *pacta sunt servanda* в случае адаптации договора на подобных основаниях, нет ли риска для создания слишком высокого уровня неопределенности? Эти вопросы являются предельно важными для определения того, как должен работать принцип *pacta sunt servanda* в современном законодательстве, возможно ли в нем применение адаптации как средства защиты прав, а также какой подход права «мягкий» или «жесткий» является приоритетным в современном законодательстве для сохранения стабильности правоприменения и поддержания баланса интересов сторон.

Адаптация договора как вид защиты прав в национальных законодательствах

Несмотря на то, что сама концепция *clausa rebus sic stantibus* (если обстоятельства остаются без изменения) имеет корни еще в законодательстве Древнего Рима, на котором построены традиции права многих европейских стран, далеко не все из них сегодня имплементировали возможность адаптации договора в случае изменения обстоятельств. Именно поэтому, для целей настоящей работы наиболее логичным кажется сравнение изначально противоположных подходов стран, право которых относится к единой романо-германской системе, а именно Франции и Германии.

Несмотря на то, что многие страны использовали принцип *clausa rebus sic stantibus* как неписанное правило для адаптации договора при изменении обстоятельств, Франция никогда не была одной из них. Так, даже после Второй мировой войны, когда экономический кризис мог быть одним из обоснований введения возможности адаптации, Верховный суд Франции отменял положительные решения нижестоящих судов со следующей мотивировкой: «ни при каких обстоятельствах суды не должны заменять договорные условия теми, которые были приняты договаривающимися сторонами даже, если это решение кажется им справедливым». [21] [7, с. 1–3] Следовательно, имелось в виду, что договор является неким «личным» правом для сторон, сильнее которого не может быть даже воля суда. И только из-за оккупации Германией французских шахт по добыче угля, которая привела к банкротству французских угледобывающих компаний, доктрина *imprévision* стала частью французского права и с 2016 года обрела устоявшиеся положения в законодательстве. Однако, стоит отметить, что сделано это было совсем не для развития частного права Франции, а для сохранения экономической стабильности в стране, так как банкротство компаний противоречило публичному интересу развития экономики. [13, с. 2–6] Именно поэтому основное положение французского законодательства о «святости» договора для сторон изменено не было. Доктрина *imprévision* была, по сути, разделена на сферы частного права, где работала достаточно редко, и публич-

ного, где изменение обстоятельств могло являться основанием для изменения административных или публичных договоров (*contrat administrative*). Данное решение основывалось на том, что публичные интересы государства гораздо больше подтверждены рискам, которые могут привести не только к банкротству какого-либо хозяйствующего субъекта, но и к упадку экономики в стране, следовательно, именно публичные интересы должны быть абсолютным приоритетом для защиты в судах. [6, с. 196–197]

В Германии же подход изначально строился на благоприятствовании права возможности адаптировать договор при изменении обстоятельств. Несмотря на то, что до недавнего времени конкретный механизм регулирования закреплен в законодательстве Германии не был, суды, как правило, применяли принцип добросовестности для того, чтобы договор адаптировать, а основания для этого искали в концепции «отпадения основания сделки». [2, с. 12–21] То есть, значение имела именно цель стороны при заключении сделки, следовательно если сторона никогда бы не согласилась нести новые риски и причинённые ими убытки даже с учетом прибыли полученной по договору, «основание сделки» или ее коммерческая основа были бы нарушены, а договор мог бы быть адаптирован.

Наступление Второй мировой войны стало основанием для развития вышеуказанного подхода, так как количество договоров, которые были подвержены новым экономическим препятствиям неизбежно росло. Так, к примеру, показательным является дело о блокаде Берлина. В данном деле покупатель более не мог продавать полученные товары в Берлин, следовательно, не получал прибыль и не мог платить за последующие поставки. Продавец обратился в суд с иском о понуждении к исполнению договора, однако суд решил, что хоть и понуждение возможно, в связи с изменившимися обстоятельствами справедливой будет только уплата половины от изначальной суммы. [22] Таким образом, немецкий суд закрепил подход, основанный на понятии справедливости, который далее ляжет в основу положений, регулирующих доктрину изменившихся обстоятельств, в Германском Гражданском Уложении. [13, с. 13–14] То есть, если бы сторона не заключила бы договор в новой ситуации, то положения такого договора могут быть пересмотрены. [1] Иначе, понуждение к исполнению договора будет являться несправедливым решением для потерпевшей убытки стороны, которая на несение рисков и уплату таких убытков никогда бы не согласилась.

Таким образом, интересно в вышеуказанных подходах к возможности адаптации договора то, как различные страны, воспитанные на одной правовой традиции с главенствующим принципом *pacta sunt servanda* смогли оправдать по сути его ущемление. Ответ на поставленный вопрос зависит от того какое место адаптация, как метод воздействия права на договор, занимает процессуально. Ведь если адаптация является лишь решением сторон для сохранения и исполнения договора, а не властным вмешательством третьего лица, то и принцип обязательного со-

блюдения договора нарушен не будет. Для обоснования предложенного мной решения следует взглянуть на дело, где договор между двумя компаниями был адаптирован Верховным судом Бельгии даже с учетом того, что правом договора была Венская конвенция о международной купле-продаже товаров (далее — Венская конвенция), которая сама по себе не говорит о возможности адаптации в случае изменения обстоятельств вовсе. Так, в деле *Scaфом International BV v. Lorraine Tubes S. A. S.* суд установил, что, принимая во внимание изменившиеся обстоятельства, а именно увеличение цены на семьдесят процентов после заключения договора, контракт должен быть **пересмотрен** договаривающимися сторонами. [18] Таким образом, суд не изменил положения договора сам, не стал пересчитывать изменившуюся цену, а сказал сторонам самим согласиться на пересмотр положений. То есть, в таком случае, договор не считается «переписанным» неким иным властным лицом, выступающим в роли суда, а сами стороны договариваются о неких новых условиях его исполнения. И такой же подход оказался приемлемым и был имплементирован в законодательство Франции даже при условии, что Франция долгое время была противником концепции адаптации в принципе. [7, с. 1–3] Подобное же понимание существует и в иных странах, где адаптация как вид защиты прав сторон по договору при изменении обстоятельств судами применяется достаточно редко. К примеру, в США в особенно сложных делах, где на кону стоит либо банкротство одной из сторон, либо сумма, требуемая ею чрезвычайно высока, стороны, как правило, договариваются «в тени суда». [4, с. 173] То есть, условия, подходящие сторонам для адаптации, обсуждаются ими в досудебном порядке, а суд по сути только утверждает уже полученное от сторон решение. [16]

Таким образом, на мой взгляд, при вышеуказанном подходе ущемления принципа *pacta sunt servanda* не происходит. Ведь стороны сами в сложной ситуации договариваются о новых условиях договора, чтобы далее эти обязательства исполнить. Иначе, либо одна из сторон договор бы нарушила, потому что исполнение было бы для нее чрезвычайно затруднительным, либо это привело бы к расторжению договора в принципе. Следовательно, именно то, что договор изменяется контрагентами, которые самостоятельно пересчитывают цену обязательства и адаптируют ее под изменившиеся обстоятельства, играет важную роль для соблюдения автономии воли этих сторон, направленной на сохранение договора.

Основания для адаптации договора

Однако, даже если принять вышеуказанный вывод и представить, что адаптация сама по себе не нарушает принцип обязательности положений договора, возникает вопрос о том, какие для этого должны быть фактические и правовые основания? Ведь если принять парадигму о том, что изменения могут быть любыми, то менять договор можно будет при малейшем скачке цены в один или два процента и даже без необходимого адаптационного положения в самом тексте контракта. Такое положение

дел будет лишь способствовать злоупотреблению правом, создавать чрезмерную нагрузку на суды и, как следствие, нарушать основные принципы права международных договоров. Таким образом, должны ли обстоятельства служащие базисом для адаптации договора и изменения его положений быть настолько критичными, что они будут граничить с форс мажором, то есть невозможностью исполнения договора в принципе?

Стоит отметить, что практически одинаковые правила о том, какие должны быть фактические обстоятельства, оправдывающие адаптацию договора, закреплены во многих национальных правовых режимах и в международном законодательстве. Так, статья 79 Венской конвенции закрепляет четкие критерии того, какое событие может быть признано приводящим к невозможности исполнения. В свою очередь, статья 6.2.2. Принципов УНИДРУА оптимизирует положения Венской конвенции для ситуации изменения обстоятельств, которое приводит лишь к затруднению исполнения, однако не говорит о форс мажоре как таковом. Положения же статьи 6.111. Принципов Европейского Контрактного права полностью повторяют статью 6.2.2. Принципов УНИДРУА.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подход к определению оснований для адаптации договора в случае изменения обстоятельств является унифицированным в международном частном праве и строится на следующих универсальных критериях, которым такое изменение обстоятельств должно соответствовать: 1) событие должно существенно изменить равновесие интересов сторон договора 2) событие должно произойти после заключения договора 3) событие не должно быть предвидено потерпевшей убытки стороной на момент заключения договора 4) оно должно быть вне контроля сторон 5) риски наступления события не должна нести ни одна из сторон по договору. В целях данной работы представляется логичным остановиться на наиболее противоречивом из представленных критериев, а именно насколько изменение обстоятельств должно быть критично для договора, чтобы существенно изменить равновесие, достигнутое между сторонами путем согласования договорных положений.

Принимая во внимание тот исторический контекст, который послужил основанием для введения положений об адаптации в национальные законодательства, а именно Первую и Вторую мировые войны и последующие экономические кризисы, то изначальный подход к тому каким должно быть событие был достаточно консервативен и позволял изменять положения договора только при росте цены на двести, триста или более процентов. Показательным является дело Суэцкого Канала, где, несмотря на то что закрытие канала было неожиданным для сторон договора и привело к убыткам, суд возложил риски наступления подобного события на перевозчика и указал на то, что закрытие канала никак не повлияло на сохранение баланса интересов сторон по договору. [10, с. 1400–1404] Таким образом, судами был закреплен подход, который надолго стал главенствующим в национальных законо-

дательствах и международном праве, а именно, что адаптация договора является настолько исключительным средством защиты прав, применяемым судом, что изменение обстоятельств как основание должно граничить практически с невозможным, к примеру, с неожиданным экономическим кризисом в абсолютно стабильной экономике, который приведет к повышению цены выполнения обязательств как минимум на сто процентов. При этом, данный вывод настолько прижился в правоприменительной практике, что мог быть даже прямо закреплен в Принципах УНИДРУА. Так, в качестве критерия определения того, были ли изменения обстоятельств существенными предлагалось ввести процентный тест, где попадало бы под такой критерий только такое событие, которое меняло бы цену исполнения как минимум на сто процентов. [5] При этом, отказались от включения такого критерия лишь потому, что далеко не все события, которые изменяли бы цену исполнения на сто процентов и больше являлись существенным изменением равновесия интересов сторон в глазах практиков. [11, с. 231–262]

Таким образом, достаточно долгое время сохранению соблюдения принципа *pacta sunt servanda* содействовало не только изменение договора самими сторонами, но также и то, что, если в самом договоре адаптационное положение отсутствовало, то суд мог принять изменение обстоятельств ко вниманию только в самых крайних и критических случаях. Тем не менее, последние тенденции правоприменения говорят о том, что трансформация положений договора возможна и при менее существенном изменении обстоятельств. Однако, где именно лежит разумная черта в определении того, какое должно быть событие и какого процентного изменения достаточно для адаптации договора?

Развитие принципа *pacta sunt servanda* в современном законодательстве

Поворотным моментом в изменении понимания о том, насколько существенным должно быть изменение обстоятельств, чтобы оно привело к адаптации договора стало дело *Scafo International BV v. Lorraine Tubes S. A. S.* В данном деле Верховный суд Бельгии указал на то, что семидесяти процентов роста цены достаточно для того, чтобы применить такое средство защиты как адаптация. [18] Однако, не стоит забывать, что после вынесения решения заложный в нем подход активно критиковался теоретиками и практиками. [14] Их критика была основана на положении о том, что существует достаточно большое количество дел, где договор даже при изменении цены исполнения в сто или двести процентов не адаптируется. [15] [19] Именно поэтому, анализируя судебную практику, данные авторы делали вывод о том, что именно процентное увеличение и только оно должно быть принято во внимание при анализе «критичности» события для обоснования адаптации. То есть, не найдя дел, где договор адаптировали при изменении меньше, чем пятьдесят процентов, был сделан вывод о том, что адаптация при таком небольшом изменении в принципе невозможна. [8] Однако, данный вывод,

на мой взгляд, в корне не верен. Во-первых, во многих из дел, на которых основывается предположение о том, что адаптация при росте меньше, чем пятьдесят процентов невозможна, суд отказывает не потому, что такой рост цены исполнения договора «недостаточен», а потому что либо сторона неправильно обосновала требования, либо риски наступления события на самом деле нес один из контрагентов. Во-вторых, если мы принимаем во внимание только «процентный тест», необходимо понимать какой рост цены является достаточным. Следовательно, подобный «тест» не может обосновываться лишь на постоянном анализе изменяющейся судебной практики, так как это приведет к тому, что сторона, заключая договор, не сможет быть уверена в том, что завтра возможность адаптации станет доступной для нее или ее контрагента, потому что суд в какой-либо иной стране применит правила об адаптации для более низкого роста цены исполнения обязательства. Таким образом, данный подход противоречит изначальному субстрату международных конвенций, которые должны позволять сторонам из разных стран заключать договоры на универсальных, стабильных условиях и, как следствие, развивать международную торговлю. Именно поэтому, на мой взгляд применение процентного теста для определения возможности адаптации невозможно. Наиболее логичным представляется применение субъективного подхода, имплементированного как в прецедентах, так и в законодательстве различных стран. [18] [20] Основное преимущество применения данного подхода основано на устранении следующей логической ошибки, существующей в «процентном тесте». Так, применяя процентный подход, изменение в сто процентов от изначальной цены исполнения договора будет иметь разные последствия для небольшой и крупной компаний. Следовательно, решение об отказе в адаптации договора не будет являться равнозначным в указанных ситуациях, ведь отказ в адаптации для небольшой компании может привести даже к ее банкротству, но будет ежедневным риском для межнациональной корпорации. Таким образом, мы должны оценивать не сколько само событие, сколько событие и его связь с теми изменениями, которое оно оказывает на стороны договора, а также баланс интересов, установленный между ними. [9]

Однако, принимая вышеуказанный подход, нужно учитывать, что для соблюдения принципа об обязательности соблюдения положений договора не любое изменение цены может приводить к его адаптации. Так, те изменения, которые являются обычными для любого добросовестного юридического лица, заключающего международные контракты, относятся только к личным бизнес рискам этого лица и, следовательно, не могут служить основанием для адаптации. [12, с. 709] [17] Более того, чтобы позволить сторонам адаптировать цену договора, нужно установить, что из-за изменения обстоятельств в договоре нарушилось равновесие интересов сторон. К примеру, если исполнение договора стоит для стороны сто тысяч долларов, но из-за изменений обстоятельств повышается до миллиона, то баланс интересов нарушается, так как сторона полу-

чает неравное встречное предоставление. Следовательно, такое встречное предоставление должно быть увеличено до того размера, которое соответствует цене исполнения обязательства в новых обстоятельствах. То есть, при применении «субъективного» подхода возможно не только учесть интересы стороны, но и не нарушить принцип *pacta sunt servanda*, так как положения договора не переписываются искусственно, а лишь адаптируются к новым изменившимся обстоятельствам, где стороны продолжают их соблюдать.

Второе противоречивое положение, которое по мнению многих теоретиков нарушает принцип *pacta sunt servanda*, это применение адаптации при изменении обстоятельств в тех случаях, когда право, регулирующее договор, не позволяет это сделать. Так в уже упомянутом деле *Scafo International BV v. Lorraine Tubes S. A. S.* к договору применялась Венская конвенция, однако, суд сделал вывод о том, что в данной конвенции вопрос о том, что может сделать сторона при изменении обстоятельств не урегулирован в принципе и использовал основные принципы конвенции, которые позволили применить статью 6.2.2. Принципов УНИДРУА. В данном случае, представляется логичным вопрос о том, не нарушает ли такой подход не только принцип *pacta sunt servanda*, но и автономию воли сторон в принципе? Ведь, если бы стороны хотели использовать адаптацию как средство защиты права при изменившихся обстоятельствах, они бы согласовали применимое право, где, как минимум, вопрос об изменившихся обстоятельствах упоминается в принципе.

Несмотря на то, что многие авторы отрицают возможность указанного подхода, обосновывая это тем, что, либо сама Венская конвенция отрицает возможность адаптации в случае изменения обстоятельств, [3, с. 339] либо отрицает возможность применения принципов УНИДРУА как основных принципов конвенции, [11, с. 231–262] консенсус в практике и доктрине отсутствует. На мой взгляд, применяя подход, позволяющий восполнить пробел в применимом праве, необходимо учитывать автономию воли сторон или их изначальное намерение на применение доктрины изменившихся обстоятельств. То есть, если стороны когда-либо обсуждали возможность адаптации или не высказывались против нее, рассуждения о том, что в Венской конвенции есть пробел в регулировании, который

приведет к возможности адаптации цены действительно обоснованы. Однако, с учетом того, что сам вопрос о наличии такого «пробела» не урегулирован и, если стороны, были явно против подобного регулирования, такой подход может привести к нарушению автономии воли сторон и, как следствия, принципа *pacta sunt servanda*, так как адаптация против первоначального желания стороны будет являться лишь злоупотреблением правом. Таким образом, как это рекомендуется во многих практической литературе, [12, с. 709] наиболее безопасно для сторон договора будет прямое упоминание принципов УНИДРУА для возможности адаптации при изменении обстоятельств или хотя бы письменное упоминание адаптации как одного из вариантов защиты интересов сторон по договору.

Заключение

Таким образом, с развитием экономики, ростом количества международных контрактов и развитием международного и национальных законодательств принцип «твердого» права *pacta sunt servanda* действительно приобретает частично новое понимание. Теперь, правоприменительная практика даже в странах, где доктрина изменившихся обстоятельств ранее не применялась принципиально, показывает, что сегодня адаптация договора возможна в некоторых пусть пока и критических случаях. Однако, такое понимание обосновано не тем, что принцип об обязательности соблюдения договоров как-либо ущемляется, а тем, что в целях сохранения контракта и отношений между сторонами право может иногда быть «мягким» и позволять сторонам и суду адаптировать договор. Конечно, для этого должны быть соблюдены некоторые критерии, установленные законом. Однако, если же право исключит доктрину изменившихся обстоятельств и принципиально не будет давать возможности участникам рынка изменять договор, то либо одна из сторон в итоге нарушит обязательства по договору, так как не сможет их исполнить, либо договор просто будет расторгнут. Следовательно, необходимо соблюдать баланс между желанием стороны адаптировать договор и принципом *pacta sunt servanda* или обязательности соблюдения договоров. И именно критерии, установленные в законах, в том числе критерий о «фундаментальности» изменений для обоснования адаптации, помогают соблюдать этот баланс и являются ключом для построения равновесия между «твердым» и «мягким» правом.

Литература:

1. Германское Гражданское Уложение, статья 313 (1). [Электронный ресурс] // Ex-jure. URL: http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=166#_Точ70851054 (доступ: 18.04.2019).
2. Очхаев, Т. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М.: Статут, 2017. с. 190.
3. Azeredo Da Silveira, M. Trade Sanctions and International Sales: An Inquiry into International Arbitration and Commercial Litigation. Kluwer Law International. 2014. P. 440.
4. Norbert Horn. Adaptation and Renegotiation of Contracts in International Trade and Finance. Kluwer Law International. 1985. P. 440.
5. Vogenauer, S. Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC). Oxford. 2015. P. 1824.

6. Wolfgang Peter. Arbitration and Renegotiation of International Investment Agreements. Kluwer Law International, 1995. P. 324.
7. Alain Pietrancosta. Introduction of the hardship doctrine («*théorie de l'imprévision*») into French contract law: A mere revolution on the books? // *Revue trimestrielle de Droit financier*. 2016/3. 84. P. 5.
8. Daniel Girsberger, Paulius Zapolskis. Fundamental Alteration of the Contractual Equilibrium under Hardship Exemption // *Jurisprudencija: Mokslo darbu žurnalas*, 19. 2012. P. 20.
9. Ishida, Y. CISG Article 79: Exemption of Performance, and Adaptation of Contract Through Interpretation of Reasonableness Full of Sound And Fury but Signifying Something // *Pace International Law Review*, 30. 2018. P. 53.
10. Robert, L. Birmingham. A Second Look at the Suez Canal Cases: Excuse for Nonperformance of Contractual Obligations in the Light of Economic Theory // *Maurer School of Law: Indiana University*. 1969. P. 25.
11. Scott, D. Slater. Overcome by Hardship: The Inapplicability of the UNIDROIT Principles' Hardship Provisions to CISG // *Florida Journal of International Law*, 38(1). 1998. P. 31.
12. Schwenzer, I. Force Majeure and Hardship in International Sales Contracts // *Victoria University of Wellington Law Review*, 39(4). 2008. P. 18.
13. Velimir Živković. Hardship in French, English and German law // *Institute for Comparative Law in Belgrade review*. 2013. P. 18.
14. A Case Analysis of Scafom International BV v Lorraine Tubes S. A. S. [Electronic resource] // Uwailc. URL: <https://uwailc.home.files.wordpress.com/2018/02/tian-dai.pdf> (accessed: 19.04.2019).
15. «FeMo» alloy case. [Electronic resource] // CISG database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/960502c1.html> (accessed: 19.04.2019).
16. Florida Power and Light Co. v. Westinghouse Electric Corp. 517 F. Supp. 440 (E. D. Va. 1981). [Electronic resource] // Justia. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/517/440/2386907/> (accessed: 18.04.2019).
17. Himpurna California Energy Ltd. v. Republic of Indonesia [Electronic resource] // Scribd. URL: <https://ru.scribd.com/doc/85525468/1999-Award-HCE-v-Indonesia> (accessed: 20.04.2019).
18. Scafom International BV v. Lorraine Tubes S. A. S. [Electronic resource] // CISG database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/090619b1.html> (accessed: 18.04.2019).
19. Vital Berry Marketing v. Dira-Frost. [Electronic resource] // CISG database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/950502b1.html> (accessed: 19.04.2019).
20. Dupiré Invicta industrie (D21) v. Gabo. [Ressource électronique] // Unilex. URL: <http://www.unilex.info/case.cfm?pid=2&do=case&id=1923&step=FullText> (accédé: 19.04.2019).
21. French Cour de Cassation, Arrêt du Canal de Craponne. [Ressource électronique] // TRANS-LEX. URL: https://www.trans-lex.org/304200/_/french-cour-de-cassation-arr%C3%AAAt-du-canal-de-craponne-of-march-6-1876-dalloz-1876-at-193/ (accédé: 17.04.2019).
22. Urt., v. 16.01.1953, Az.: I ZR 42/52. [Elektronische ressource] // Jurion. URL: https://www.jurion.de/urteile/bgh/1953-01-16/i-zr-42_52/ (zugegriffen: 17.04.2019).

Пробелы в законодательстве о банкротстве при реализации имущества должника

Савинкин Федор Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Развитие института банкротства происходит по мере внесения изменений и поправок в законодательство о банкротстве. Однако, несмотря на все модернизации действующего законодательства, все-таки остаются некоторые пробелы и коллизии.

Ключевые слова: банкротство, пробелы в законодательстве о банкротстве, реализация имущества должника, арбитражный управляющий.

Реализация имущества гражданина является ключевой процедурой банкротства. Важнейшим аспектом данного звена являются не только продажа имущества гражданина с последующей перерегистрацией права собственности, но признание гражданина банкротом, поскольку до данной процедуры лицо имеет только признаки бан-

крота. Институт банкротства гражданина является молодым институтом в связи, с чем правовые последствия реализации имущества гражданина достаточно разнообразные, в ряде случаев перерегистрация прав собственности происходит после завершения банкротства. В связи с чем, лицу, приобретшему имущество, приходится уста-

навливать свои права путем обращения в суд, так как других путей решения такой проблемы у него нет.

Лицом, уполномоченным на проведение процедур банкротства, является арбитражный управляющий, так как именно он выполняет все мероприятия, предусмотренные Законом о банкротстве. Стоит обратить внимание, что термин «арбитражный управляющий» является общим понятием, в свою очередь проведение процедуры реализации имущества возложено непосредственно на финансового управляющего. В его обязанности входит достаточно широкий перечень действий, направленных на розыск, реализацию имущества должника, а также оспаривание сделок.

Главной целью любой процедуры банкротства в соответствии с Законом о банкротстве является соразмерное и пропорциональное удовлетворение требований кредиторов, включенных в реестр требования кредиторов должника [1]. В связи с чем, одним из способов достижения данной цели является вынужденная мера — реализация имущества гражданина, поскольку в рамках рыночных отношений такое мероприятие является одним из самых быстрых и эффективных способов погашения задолженности или ее части перед кредиторами [2].

Как известно в процессе ведения процедуры банкротства управляющий выполняет функции руководителя должника. Следовательно, финансовый управляющий подписывает все документы от имени должника, в том числе заключает договора купли-продажи. Управляющий передает правоустанавливающие документы покупателю и тот уже сам выполняет необходимые мероприятия по перерегистрации прав собственности.

Однако, в судебной практике встречаются случаи, когда покупатель разными способами пытаются защитить свои права. Одним из таких примеров является случай, когда истец (покупатель) обратилась в районный суд с заявлением об установлении права собственности на жилой дом, купленный в процедуре банкротства, к финансовому управляющему и должнику. Согласно решению районного суда требования истца были удовлетворены путем применения норм гражданского права [3]. Аналогичный случай произошел в Республики Башкортостан, в судебном заседании которого рассматривалось заявление об установлении права собственности на нежилое помещение, приобретенное на электронных торгах. Однако, Решением

Бирского межрайонного суда Республики Башкортостан от 29.12.2015 по делу № 2—1500/2015 истцу отказано в удовлетворении заявленных требований [4]. Данные примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на, подсудность дел о банкротстве арбитражному суду, иные споры, вытекающие в процедурах банкротства, могут рассматривать и суды общей юрисдикции.

Анализируя судебную практику, можно сделать вывод о необходимости финансовым управляющим осуществлять регистрацию прав собственности имущества должника перед ее продажей, так как данная процедура позволит избежать конфликтных ситуаций при реализации имущества должника и тем самым ускорит процесс ведения процедуры банкротства. Кроме того, согласно п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Однако, обязанности по перерегистрации или просто регистрации прав собственности в Законе о банкротстве за финансовым управляющим не закреплена. Существуют лишь отсылочные нормы на статьи гражданского кодекса.

Стоит также отметить, что при реализации имущества гражданина, находящегося в браке, право собственности на реализуемые объекты прекращается не только у должника, но и у супруга. Законодателем предусмотрена компенсационная норма, согласно которой супруг (бывший супруг) получает денежные средства от реализуемого имущества в размере доли, соответствующей доли в таком имуществе. Однако данная система применяется не всегда, в случае если имущество является залоговым, супруг имеет право на получении двадцати процентов от оставшейся суммы, выплаченной залогодержателю-кредитору, в случае же если супруг был поручителем, то он лишается права на получение денежных средств, полученных от реализации имущества.

Процедура реализации имущества гражданина является одной из самых сложных процедур банкротства, поскольку комплекс мероприятий, проводимых в данной процедуре, достаточно объемный и трудоемкий, в первую очередь, для финансового управляющего. Сложность данной процедуры обусловлена еще тем, что правовое регулирование осуществляется не только нормами Закона о банкротстве, но и другими нормативно правовыми актами.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Российская газета от 02.11.2002 № 3077 (0). — Режим доступа: <https://rg.ru>.
2. Алферова, Л. М. Реализация имущества должника в рамках процедуры банкротства посредством публичного предложения: торги или публичная оферта? / Л. М. Алферова. — М: Бизнес в законе. 2013. — № 1. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>
3. Решение Уренского районного суда Нижегородской области от 31.08.2015 по делу № 2—660/2015. — Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>.
4. Решением Бирского межрайонного суда Республики Башкортостан от 29.12.2015 по делу № 2—1500/2015. — Режим доступа: <http://birsky.bkr.sudrf.ru>

СИЗО для бизнеса: эффективен ли запрет заключения предпринимателей под стражу

Саврико Ирина Вячеславовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Беспрепятственное развитие предпринимательства является залогом процветания экономики всей страны. Поэтому так важно предоставить бизнес-сообществу механизмы, позволяющие исключить давление, в том числе путем использования уголовного преследования.

Дополнительной процессуальной гарантией для бизнесменов стало введение субъектных ограничений заключения под стражу. В 2010 году появилась норма, не позволяющая заключать под стражу предпринимателя, которого подозревают или обвиняют в совершении экономических преступлений или преступлений в сфере предпринимательской деятельности: часть 1.1 статьи 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1–4 части 1 статьи 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2 УК РФ, без каких-либо других условий, а в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ, — при условии, что эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности. [1]

Радует то, что законодатель продолжил расширять сферу действия данной нормы, и с 8 января 2019 года перечень таких преступлений пополнился статьями 159 ч. 5.7., 171.1, 171.3 — 172.2, 201 УК РФ.

Чтобы избежать неверного толкования термина «преступления в сфере предпринимательской деятельности», Верховный Суд в 2016 году разъяснил в своем Постановлении, что преступления следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности. [2]

Несмотря на расширение перечня преступлений, выпадающих под действие данной нормы, и разъяснения Пленума Верховного Суда, за девять лет существования запрета заключения под стражу предпринимателей сложилась весьма противоречивая практика. Большой проблемой является ситуация, когда при всей очевидности факта совершения преступления в сфере предпринимательской

деятельности, судьи утверждают, что преступление совершено не в сфере предпринимательской деятельностью, и заключают бизнесмена под стражу.

Например, в апелляционном постановлении Московского городского суда от 6 февраля 2019 г. по делу № 10–1840/19, суд рассмотрел жалобу защитника на постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Мосгорсуд указал, что районный суд необоснованно не принял во внимание доводы, касающиеся характера инкриминируемых подозреваемому С. деяний, связанных с взаимоотношениями между акционерами и организациями по переводу активов компании в иное юридическое лицо, и которые свидетельствуют о совершении указанных деяний в сфере экономической деятельности. На основании этого мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого С. была изменена на домашний арест.

В апелляционном постановлении от 16 января 2019 г. по делу № 10–0433/2019, Мосгорсуд пришел к выводу о том, что достаточных оснований для избрания подозреваемому Р. такой меры пресечения, как заключение под стражу, не имелось, поскольку при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения суд первой инстанции не проверил и не оценил, в какой сфере деятельности совершено преступление. Как следует из материалов дела, преступление, в совершении которого подозревается Р., совершено в сфере банковской деятельности, однако следствием не представлено доказательств того, что инкриминируемое преступление, исходя из установленных следствием обстоятельств и в силу п. 1 ст. 2 ГК РФ, определяющего критерии отнесения деятельности к предпринимательской, не относится к деяниям, вытекающим из указанной (предпринимательской) сферы.

То, что суды часто не аргументируют причины неприменения данного запрета, уже стало системной проблемой, что подтверждается наличием Постановлений ЕСПЧ по данному вопросу. В качестве примера можно привести Постановление Европейского суда по делу «Рубцов и Балаян против России» (жалобы № 33707/14 и 3762/15) от 10 апреля 2018 года. Из обстоятельств дела следовало, что Александр Рубцов и Гагик Балаян, несколько раз содержались под стражей в 2013 и 2014 годах. Александр Рубцов, являвшийся одним из косвенных бенефициарных владельцев компании, 1 октября 2013 г. был задержан в качестве обвиняемого по уголовному делу. Обвинение утверждало, что компания, покупающая его фирму, принадлежала ему же, а цена, которую она заплатила, была неправдоподобно низкой. Будучи директором банка, Гагик Балаян был арестован по подозрению в том, что он пере-

числил деньги со счета банка, получив необеспеченные долговые обязательства. Суды отклонили аргументы стороны защиты и не привели доводов о причине неприменения ч. 1.1 ст. 108 УПК. [3]

Европейский суд посчитал, что отсутствие аргументированного пояснения о причинах неприменения национальными судами ч.1.1 статьи 108 УПК РФ является нарушением статьи 5 § 3 Конвенции (право на освобождение до суда) и присудил каждому из заявителей 5 000 евро в качестве возмещения морального ущерба. [4]

Таким образом, очевидно, что в практической реализации запрета заключения под стражу предпринимателей существуют проблемные аспекты. Для предотвращения необоснованного нарушения прав и свобод бизнесменов, необходимо, чтобы при избрании меры пресечения, судьи не ограничивались стандартными формулировками, а детально изучали все обстоятельства дела для вынесения законного решения, при этом учитывая Постановления Пленума Верховного Суда и Европейского Суда по правам человека.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»
3. ЕСПЧ присудил предпринимателям по 5 тыс. евро за немотивированное содержание под стражей // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/espch-prisudil-predprinimateliam-po-5-tys-evro-za-nemotivirovannoe-soderzhanie-pod-strazhey/> (дата обращения: 07.06.2019).
4. Постановление Европейского суда по делу «Рубцов и Балаян против России» (жалобы № 33707/14 и 3762/15) от 10 апреля 2018 года

Ответственность за доведение до самоубийства по законодательству США

Сеидли Ханлар Шахлар оглы, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Самоубийство было одной из серьезных проблем всего Человечество на протяжении всей его истории. Однако именно в последнее столетие данное деяние стало принимать все более массовые масштабы.

Особенно тревожная ситуация с суицидами сложилась во многих зарубежных странах. Согласно опубликованным недавно отчетам Всемирной организации здравоохранения по числу самоубийств США занимает второе место.

В настоящее время ежегодно доводят себя до самоубийства около 30 тысяч американцев. А по общим данным ежегодно кончают жизнь самоубийством более 800 тысяч человек.

Явление массового добровольного ухода из жизни обусловлено весьма сложным комплексом причин, исследованием которых занимаются философы, социологи, социологи, культурологи, представители ряда иных наук. Однако, следует сказать, что суицид имеет в большей степени правовые аспекты.

Самоубийство или покушение на него в большинстве современных стран воспринимается как социально негативное явление. Однако, следует с иной стороны изучить ситуацию с самоубийством, где особую роль играет поведение третьих лиц, способствующих совершению са-

моубийства. Подобное поведение необходимо признать общественно опасным поведением, и иногда даже приравнивавшимся к убийству.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, в котором в роли третьих лиц, наталкивающих людей на доведения себя до самоубийства, выступали руководители религиозных объединений. Так, 18 ноября 1978 г. в поселке Джонстаун (Гайана) по приказу руководителя американской религиозной секты «Народный храм» Джима Джонсона 912 сектантов покончили с собой или были убиты. Из 900 самоубийц 276 человек были несовершеннолетними.

19 апреля 1993 г. в Уэйко (штат Техас, США) после 50-дневной осады полицией поместья религиозной секты «Ветвь Давидова» около 100 ее членов, в том числе не менее 25 детей, совершили самосожжение или были убиты по приказу лидера секты Дэвида Кореша.

26 марта 1997 г. в Сан-Диего, расположенного в штате Калифорния в США, 39 человек из секты «Небесные врата» совершили самоубийство, приняв яд [1, с. 133.].

Таким образом, все вышеперечисленное указывает на то, что этот акт не является новшеством среди преступлений.

На сегодняшний день преступления против жизни человека в законодательстве США дифференцированы на:

- тяжкие убийства;
- простые убийства.

Согласно федеральному Своду законов Америки простое убийство — это неправомерное лишение жизни человека без какого-либо «злого умысла». К последнему отнесено умышленное убийство, которое было совершено:

- при внезапной ссоре;
- в состоянии сильного душевного волнения;
- при совершении противоправного действия, не являющегося фелонией;
- при совершении незаконным образом или без должного внимания и осторожности законного действия, которое привело к смерти.

Более детально подобные преступления дифференцируются в штатах. Так в Уголовном Кодексе штата Нью-Йорк простые убийства подразделяются по степени. Так, в соответствии с нормой 125.15 неосторожное убийство отнесено к простым убийствам второй степени. В качестве неосторожного убийства следует выделить:

1. Неосторожное причинение смерти;
2. Производство аборта, которое в результате повлекло смерть человека;
3. Доведение другого лица до самоубийства или содействие последнему в этом [2, с. 466].

Размер наказания за подстрекательство и помощь в самоубийстве в современном мире варьируется чрезвычайно сильно в зависимости от уголовно-правовых традиций.

Во многих зарубежных странах, включая Соединенные Штаты, предусмотрены очень длительные максимальные сроки тюремного заключения за содействие самоубийству. Так, во многих штатах Америки установлены определенные сроки наказания, которые варьируются от 2 до 10 лет и более. Срок наказания в целом зависит от тяжести преступления. Однако в некоторых случаях тюремное заключение может быть заменено уплатой штрафа.

Однако не все штаты США считают самоубийство и доведение до самоубийства преступлением. Так, в 2016 году в США в штате Колорадо было проведено голосование за легализацию самоубийств в присутствии врача. Это штат является шестым по счету штатом, в котором данное деяние является непроступным.

Право на самоубийство в присутствии врача уже узаконено и действует в пяти штатах США, а таких как:

- Калифорния;
- Орегон;
- Вермонт;
- Вашингтон;
- Монтана.

Литература:

1. Гусев, А. Н. Зарубежный опыт в доведении до самоубийства/ А. Н. Гусев. М., 2015. с. 133.
2. Андреев, А. А. Самоубийство. // Право. 2017. N 4. с. 466
3. Доведение до самоубийства. [Сайт] URL: <http://zarubej.com/> (дата обращения: 14.05.2018)
4. Паньшин, Т. А. Судебная практика зарубежных стран // Криминологический журнал. 2017. N 5. с. 574.

Изначально было выдвинуто мнение о том, что самоубийство является добровольным выбором каждого. Это некий американский «вариант» ухода из жизни.

Более того, помимо врачей, на сегодняшний день даже американские страховые компании и медицинские общества «понуждают» человека к смерти.

Так, например, в Орегоне и штате Вашингтон, где самоубийство уже стало нормальным явлением, получило юридический статус и оплачивается «медицинской страховкой». Люди с неизлечимыми заболеваниями получают официальные письма от своих страховых компаний, в которых их уведомляют о том, что «препарат является слишком дорогим для нашей страховой фирмы, чтобы продолжить поддержание вашей жизни. Тем не менее, страховая компания готовится оплатить процедуру «самоубийства», которую предоставит любая медицинская клиника [3].

Громче всех легализовано самоубийство в штате Колорадо. В данном штате действуют хосписы — дома для умерщвления.

На сегодняшний день эксперты указывают на то, что власти всех штатов, где уже узаконено «самоубийство» не предусмотрено абсолютно никакого контроля или надзора за данными врачами и клиниками, которые осуществляют «умерщвление». Врачи в данных штатах являются единственными и бесконтрольными распорядителями жизнью каждого человека [4, с. 547].

Американские ученые, которые анализируют практику принудительного «умерщвления» пациентов в государственных клиниках США, где «самоубийство» легализовано в присутствии врача, указывают, что эта система была создана только для маскировки злоупотреблений, сокрытия преступлений.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод о том, что ответственность за доведение до самоубийства по законодательству США носит достаточно двоякий характер. Это связано с тем, что преступление в виде доведения до самоубийства нашло свое отражение еще с давних времен. А на сегодняшний день данное деяние дифференцируется, в зависимости от штата. Так, в некоторых штатах США самоубийство является серьезным преступлением, за совершение которого можно назначить наказание в виде лишения свободы, в других штатах за данное преступление можно заплатить всего лишь штраф. Ну а в иных штатах, а именно в 6 штатах США самоубийство и доведение до самоубийства — является нормальным явлением, официально узаконенным. Однако в результате официального принятия самоубийства происходит и узаконение преступного деяния, в результате которого от гибнут люди.

Реализация права на судебную защиту в гражданском судопроизводстве

Сенгляева Валентина Вячеславовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В Российской Федерации человек, его права и свободы признаются высшей ценностью [1]. Вместе с тем реализация прав в некоторых случаях представляется затруднительной, например, в связи с правонарушениями, и для того, чтобы обеспечить реализацию тех или иных прав и устранить препятствия в этом, устанавливаются определенные гарантии.

Гарантии прав можно определить как совокупность условий, средств и способов обеспечения надлежащей реализации прав и свобод. Различают экономические, политические, социальные и правовые гарантии. С юридической точки зрения нас интересуют, прежде всего, правовые гарантии. Их особенность заключается в том, что они являются и субъективными правами, и в то же время процессуальными гарантиями реализации иных прав.

Особое значение среди правовых гарантий имеет право на судебную защиту, поскольку оно выступает в качестве гарантии реализации практически всех иных субъективных прав. Эта гарантия проявляется в том, что обладатель того или иного права имеет возможность обратиться в суд за восстановлением своего права в случае какого-либо нарушения. И многочисленность подобных нарушений обуславливают актуальность темы данной научной статьи.

Право на судебную защиту закреплено в нормах международного права — во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 8), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 6), Международном Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 14) и других международно-правовых документах.

Кроме того, право на судебную защиту закреплено в национальном законодательстве, в частности, в Конституции РФ [1].

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Это право относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, находясь во взаимосвязи с обязанностью государства охранять достоинство личности и обеспечивать приоритет ее прав и свобод.

Содержание права на судебную защиту применительно к гражданскому судопроизводству раскрывается в статье 3 ГПК РФ, которая закрепляет возможность заинтересованного лица обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных

интересов. При этом содержание права на судебную защиту по своему объему является достаточно широким. Так, в нем можно выделить два аспекта — право на обращение в суд (право на предъявление иска) и право на правильное и справедливое рассмотрение и разрешение дела.¹ Кроме того, право на судебную защиту включает в себя право на свою и право на «чужую» (т. е. судебную) деятельность по защите нарушенного (оспоренного) субъективного права [6].

Конституционный Суд в своих Постановлениях установил обязанность законодателя предоставить участникам судопроизводства гарантии права на судебную защиту, обеспечивающие ее полноту и своевременность, эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости [4, ст.1764, 3393].

Европейский суд также высказался по этому вопросу: в соответствии с толкованием решения Европейского Суда по делу Эйри против Ирландии, Европейская Конвенция требует от государств, её ратифицировавших, не только не препятствовать реализации прав, но и совершать определенные позитивные действия, обеспечивающие доступ к правосудию [5].

Федеральный законодатель предпринял попытку исполнить возложенную на него обязанность, закрепив соответствующие гарантии в ГПК РФ.

Так, в статье, закрепляющей право на судебную защиту, устанавливается недействительность отказа от права на обращение в суд [3]. Это связано с тем, что отказываясь от этого права, лицо фактически лишает себя наиболее эффективной защиты своих прав и свобод, как уже нарушенных или оспоренных, так и тех, что могут быть нарушены или оспорены в будущем.

К числу гарантий можно отнести также положения ГПК РФ, регулирующие порядок предъявления иска и обеспечивающие тем самым реализацию этой возможности на практике [3].

Гражданско-процессуальный кодекс устанавливает возможность реализовывать свое право на судебную защиту не только непосредственно, но и через представителей, а в некоторых случаях при содействии прокурора, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и граждан [3]. Речь, как правило, идет о случаях, когда лицо по состоянию здоровья, в силу возраста или по иным причинам не может самостоятельно защитить свои права, свободы и законные интересы. При

¹ В литературе высказывается точка зрения, в соответствии с которой право на судебную защиту не включает в себя право на обращение в суд, и право на обращение в суд рассматривается как юридический факт, запускающий механизм реализации права на судебную защиту.

этом, согласно правилам ч. 2 ст. 45 ГПК РФ, в случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска.

К числу гарантий можно отнести также закрытый перечень оснований отказа в принятии или возврата искового заявления [3]. Более того, Гражданско-процессуальный кодекс закрепляет возможность подачи частной жалобы на определение суда о возвращении заявления.

Также необходимо помнить о двухаспектности права на судебную защиту, первый аспект (право на обращение) обеспечивается приведенными выше гарантиями. Второй аспект данного права (право на правильное и справедливое рассмотрение и разрешение гражданского дела) также обеспечивается определенными гарантиями. В этом случае в качестве гарантий права граждан на судебную защиту выступают институты подведомственности и подсудности, обеспечивающие надлежащее рассмотрение дела надлежащим судом, что связано с необходимостью рассмотрения дела тем судом и тем судьей, уровень квалификации и опыт которого позволяют ему правильно рассмотреть и разрешить дело. Кроме того, когда мы говорим о такой разновидности подсудности, как территориальная подсудность, нам также следует иметь в виду то, что тер-

риториальная подсудность во многом призвана обеспечить удобство гражданского судопроизводства.

В качестве гарантии правильного и справедливого судебного разбирательства можно рассмотреть также неизменность судебного состава.

Гарантией права на судебную защиту является также возможность обжалования судебных решений, как вступивших, так и не вступивших в законную силу [3]. Кроме того, летом 2018 года были внесены изменения в ФКЗ «О судебной системе» в связи с созданием института апелляционных и кассационных судов, которые призваны способствовать дополнительному обеспечению независимости судей и улучшению качества рассмотрения дел [2].

Таким образом, и международное, и национальное законодательство закрепляют гарантии прав человека, в том числе, право на судебную защиту. Право на судебную защиту имеет важнейшее значение, что подтверждается его закреплением в Конституции РФ, Основном Законе нашей страны. Это обусловлено тем, что право на судебную защиту гарантирует реализацию практически всех иных субъективных прав, и, вместе с тем, выступает в качестве самостоятельного субъективного права, также нуждающегося в правовых гарантиях, некоторые из которых закреплены в Гражданско-процессуальном кодексе.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). Ст. 46;
2. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 N 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ, 30.07.2018, N 31, ст. 4811;
3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // «СЗ РФ», 18.11.2002, N 46. Ст. 4532;
4. Постановление Конституционного Суда от 3 мая 1995 года N 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» // «СЗ РФ», 08.05.1995, N 19, ст. 1764;
5. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т.1. М., 2000. с. 45–46;
6. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014. — 784 с. с. 333.

Правовое положение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации на примере Приморского края

Синкина Анна Александровна, студент;

Научный руководитель: Личковаха Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Статья посвящена исследованию правового положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации. Фундаментальные права несовершеннолетних установлены нормами конституционного права. Именно поэтому забота о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, является одним из важнейших элементов социальной функции любого современного государства.

Ключевые слова: правовое положение, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, права детей, гарантии.

Правовой статус ребенка определяется нормами семейного права и представляет собой совокупность прав, свобод, обязанностей ребенка, гарантий их реализации, установленную международно-правовыми актами, Конституцией Российской Федерации, федеральными законами Российской Федерации, а также иными нормативными правовыми актами субъектов РФ.

Необходимо отметить, что проблемы детей-сирот в будущем всегда будут стоять перед людьми. Дети, оставшиеся без попечения родителей, существуют в любом обществе: имеет оно достаток или же не имеет, так как никто не застрахован от рисков, которые ожидают за следующим поворотом.

Федеральный закон № 159-ФЗ от 21.12.1996 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» устанавливает круг лиц, принадлежащих к категории детей, оставшихся без попечения родителей:

дети-сироты, лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель;

дети, оставшиеся без попечения родителей (лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения по одной из причин): лишение родительских прав, ограничение родителей в родительских правах, признание родителей безвестно отсутствующими, родители, признанные недееспособными (ограничено дееспособными), родители, объявленные умершими и т. д. [1].

Иначе говоря, помимо той категории несовершеннолетних, которые указаны в Федеральном законе № 159-ФЗ от 21.12.1996, к ним еще относятся и дети, имеющие родителей.

В свою очередь п. 1 статьи 20 Конвенции ООН о правах ребенка содержит следующее положение о том, что «ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством» [2].

В Российской Федерации по достижению определенного возраста ребенок приобретает особые права и обязанности, например, получение полной дееспособности,

связано с наступлением совершеннолетия ребенка. Однако, еще до наступления полной дееспособности, ребенок обладает частичной дееспособностью. Так, в статье 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ, указано, что дети могут совершать сделки с согласия родителей, или иных лиц их заменяющих, и только некоторые сделки могут совершать самостоятельно [3].

Это значит, что дети имеют право наследовать имущество, но фактически осуществлять свои права они могут только при участии лиц, имеющих полную дееспособность. При этом недееспособным субъектам обладать самостоятельностью в социально-экономической жизни становится возможным при условии наличия у ребенка всех элементов правосубъектности.

Структурные элементы правового статуса детей-сирот — это их правоспособность, дееспособность и деликтоспособность [4].

Особенность правоспособности детей-сирот заключается в том, что они могут иметь некоторые права и обязанности, характерные только для них и не свойственные остальным субъектам права. Например, дополнительные социальные гарантии для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: жилищное, медицинское, трудовое обеспечение, льготы в сфере образования и т. д.

Дееспособность ребенка-сироты имеет отличительную особенность тогда, когда отсутствует законное представительство родителей, которое обычное в других отношениях, связанных с детьми. Представитель ребенка-сироты устанавливается в результате совершения юридических фактов (оформление попечительства, к примеру).

Деликтоспособность детей-сирот отличается от общей деликтоспособности граждан тем, что субъектом нарушения может выступать именно человек, имеющий статус ребенка-сироты. К примеру, случай дисциплинарной ответственности за нарушение административного режима в организации, в которую несовершеннолетний был помещен под надзор.

В Российской Федерации создана правовая основа защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

В частности, определены цели государственной политики, основные направления и организационные основы обеспечения прав ребенка, определены полномочия органов государственной власти различных уровней в этой области.

В соответствии со статьей 54 Семейного кодекса РФ, каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, право знать своих родителей, право на их заботу, на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам [5].

В Семейном кодексе предусмотрено, что родители обязаны содержать своих детей. Для обеспечения реализации права на алименты детей, находящихся в детских учреждениях, действует ряд нормативных документов. Уполномоченным выявлялись факты ненадлежащего исполнения обязанностей должностными лицами, призванными обеспечить получение ребенком алиментов. К примеру, при посещении КГОКУ «Центр содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в семье г. Большой Камень» выявлено, что из 16 детей, которым назначена выплата алиментов, реально получают лишь 3 несовершеннолетних. В КГОКУ «Центр содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в семье с. Мысовой» из 29 детей, которым назначена выплата алиментов, получают лишь 5 человек [6].

Одной из главных проблем — необеспечение сохранности жилых помещений, которые закреплены за детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. С каждым годом количество детей, нуждающихся в жилье, увеличивалось потому, что не все смогли сохранить закрепленное за ними жилье до окончания образовательных учреждений по причине отчуждения жилья (неуплата коммунальных платежей).

Согласно Закону Приморского края от 12 февраля 2013 года № 168-КЗ дети-сироты и лица из их числа подлежат обеспечению жильем в форме предоставления жилого помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений [7].

На территории Приморского края, в сводный список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеющих право на обеспечение жилым помещением включены 7040 человек, из которых 5237 детей подлежат обеспечению жилыми помещениями в связи с достижением ими возраста 18 лет, из них 2045 человек — в возрасте от 23 лет и старше [8].

В связи с этим представляется необходимым совершение следующих действий в масштабах регионального уровня: разработка и принятие специального нормативно-правового акта, определяющего механизм обеспечения сохранности жилых помещений, которые находятся в собственности (пользовании) указанного круга лиц; усиление контроля за работой соответствующих органов по обеспечению сохранения закрепленного жилья за детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, за

проведением капитального ремонта перед вселением, погашению задолженности по оплате коммунальных услуг и др.

Согласно с Федеральным законом от 29 февраля 2012 № 15 [9], жилье теперь будет предоставляться на пятилетний срок по безвозмездному договору найма с возможностью его продления в случае обнаружения обстоятельств, которые свидетельствуют о трудной жизненной ситуации нанимателя; по истечении срока данного договора жилье будет передаваться на условиях социального найма. Данная норма не позволяет продать, обменивать или приватизировать жилье минимум 5 лет, что способствует обеспечению сохранности жилья и нивелировке мошеннических намерений недобропорядочных граждан, которые обманым путем совершили сделки по приватизации и последующему отчуждению жилья [10, с. 129].

В настоящее время отменен ограничительный возраст получения необходимого жилья. Новый порядок предусматривает сохранение права получения жилого помещения до фактического обеспечения такими помещениями, даже по достижении 23-летнего возраста. Еще одной немаловажной проблемой данной сферы является слабая разъяснительная работа по вопросам, касающимся реализации жилищных прав указанной категории лиц, относящаяся к обязанностям учреждения, где воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Довольно остро стоит проблема, касающаяся длительного неисполнения, в том числе и по решению суда обязательства по предоставлению объектов недвижимости для проживания детей сирот и оставшихся без попечения родителей. Во многом, актуальность данной проблематики связана именно с отсутствием желания у «высших чинов» решать данные жилищные вопросы в силу отсутствия бюджетных средств государственной системы РФ.

Эффективное решение большинства этих вопросов невозможно без активного участия в их решении органов опеки и попечительства. С 01.09.2015 года вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 № 481, которое утверждает Положение о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей, и изменяет подход к воспитанию детей-сирот в данных организациях [11].

Целью организаций для детей-сирот является обеспечение доступности информации о правах ребенка, об уставе и о правилах внутреннего распорядка принимающих организаций, об органах государственной власти, органах местного самоуправления и их должностных лицах, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов несовершеннолетних, об органах опеки и попечительства, органах внутренних дел, о прокуратуре, судах, а также информацию о номерах телефонов служб экстренной помощи, включая психологическую, юридическую и др., об адресах указанных органов и организаций, а также возможности беспрепятственного об-

ращения детей в указанные органы и получения ими бесплатной квалифицированной юридической помощи [11].

Согласно Федеральному закону от 21.12.1996 года № 159 статьи 6 указанные выше категории несовершеннолетних имеют право на обучение на подготовительных отделениях образовательных организаций высшего образования за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации [1].

Дополнительно статья 6 полагает: бесплатную подготовку к поступлению в ВУЗ или колледж, училище; обеспечиваются бесплатным проездом на городском, пригородном транспорте, в сельской местности на внутрирайонном транспорте (кроме такси), сироты-выпускники получают разовое пособие, предметы одежды и нужные предметы для учебы либо денежную компенсацию.

Согласно статье 7 данного закона детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, полагаются льготы по медицинскому обслуживанию: бесплатная медицинская помощь, проведение диспансеризации, оздоровления и осуществляется их направление на лечение за пределы территории Российской Федерации; путевки в организации отдыха детей и их оздоровления [1].

В соответствии со ст. 56 Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ, защита прав и интересов детей осуществляется их родителями или законными представителями (опекунами, попечителями и иными лицами, их заменяющими). Так же возможны случаи, когда представляют интересы ребенка органы прокуратуры, опеки и попечительства, суд. В случае, когда ребенок, оставшийся без попечения родителей, находится в воспитательном учреждении, защита его прав и интересов является обязанностью администрации данных учреждений [5].

Органы опеки и попечительства в Российской Федерации являются официальными представителями государства, которые устанавливают порядок усыновления детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, также регулируют перевод несовершеннолетних из одного образовательного учреждения РФ в другое либо же на изменение формы обучения до получения ими основного общего образования. Судебные заседания, затрагивающие права и интересы детей, не могут проходить без участия этих органов. Органы опеки и попечительства участвуют в пределах своей компетенции в проведении индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, если они являются сиротами либо остались без попечения родителей (законных представителей), а также осуществляют меры по защите личных и имущественных прав несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства [12].

Далее, не маловажным являются специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа, которые осуществляют защиту прав и законных интересов несовершеннолетних указанной категории, получение ими начального общего, основного общего, среднего общего образования, среднего профессионального образования в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, организуют психологическую,

медицинскую, педагогическую реабилитацию несовершеннолетних, а также участвуют в пределах своей компетенции в индивидуальной профилактической работе с ними.

Существуют и организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые точно также защищают права и законные интересы несовершеннолетних, обучающихся или содержащихся в этих учреждениях, и тоже участвуют в рамках своей компетенции в индивидуальной профилактической работе с ними [1].

Право ребенка на защиту включает возможность самостоятельного принятия мер в случае, когда его законные права и интересы нарушаются. Это может произойти вследствие ненадлежащего исполнения родителями своих обязанностей по воспитанию и образованию ребенка, а также в случае злоупотребления родительскими правами. В подобных ситуациях ребенок имеет право обратиться в орган опеки и попечительства, а с достижением 14 лет — в суд. По итогам подобного обращения могут быть осуществлены следующие действия: привлечение родителей к административной, уголовной ответственности, немедленное изъятие ребенка у родителей органом опеки и попечительства в случае прямой угрозы жизни или здоровью ребенка, лишение или ограничение родительских прав в судебном порядке.

На данный момент в Приморском крае насчитывается 34 территориальных отдела опеки и попечительства. Специалисты таких отделов помогают решать необходимые вопросы организации жизни детей-сирот, оказания медицинских или социально-психологических услуг, помогают в решении юридических вопросов, а также социально-экономических проблем.

Постановление от 24 мая 2014 года № 481 [11] позволяет повысить эффективность деятельности организаций для детей-сирот по устройству детей на воспитание в семьи, их социальной адаптации и защите прав и интересов, созданию в организациях для детей-сирот независимо от их ведомственной принадлежности условий для воспитания детей, приближенных к семейным.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей — разные юридические дефиниции. Лица данной категории имеют особенности правового статуса, выраженного в обязанности государства обеспечить им законное представительство в лице органов опеки и попечительства, а также организаций для детей-сирот, либо со стороны граждан, в форме опеки (попечительства), усыновления, приемного родителя. Кроме того, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, наделены правами, которые характерны только для них и не свойственные остальным субъектам права: гарантии в сфере образования, медицинского обслуживания, на имущество и жилое помещение, на труд и социальную защиту от безработицы.

Необходимо отметить, что существует система по защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, состоящая из государственных и общественных институтов.

Литература:

1. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 25.12.2018) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/.
2. Конвенция о правах ребенка: (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
4. Сиятскова, К. Н. Правовой статус детей-сирот [Электронный ресурс] / К. Н. Сиятскова // Студенческий форум. — 2017. — № 14 (14). — Режим доступа: <https://nauchforum.ru/journal/stud/14/25633>
5. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
6. Доклад о деятельности уполномоченного при Губернаторе Приморского края по правам ребенка и о соблюдении прав и законных интересов детей на территории Приморского края в 2017 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. — Режим доступа: https://www.primorsky.ru/authorities/governor-staff/child/ДОКЛАД_%202017.pdf.
7. Об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Приморского края: закон Приморского края от 12 февраля 2013 года № 168-КЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW020&n=59143#06540437364925626>
8. Об обращении Законодательного Собрания Приморского края к Председателю Правительства Российской Федерации Медведеву Д. А. по вопросу внесения изменений в законодательство, регулирующее порядок обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Постановление Законодательного Собрания Приморского края № 980 от 25.07.2018 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://monitoring.zspk.gov.ru/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/1871905/_980.pdf.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 29.02.2012 № 15-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126736/.
10. Джумагазиева Г.С., Калинина Н. Н. Правовые особенности обеспечения детей-сирот жилыми помещениями [Электронный ресурс] / Г. С. Джумагазиева, Н. Н. Калинина // Гуманитарные исследования. — 2017. — № 2 (62). — с. 127–132. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29782921>
11. О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей: Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 № 481 (ред. от 19.12.2018) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163487/
12. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/

Проблемы прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации

Слабушевская Катерина Николаевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Законодательство Российской Федерации обладает спецификой постоянных и интенсивных преобразований. Соответствующие изменения происходят и в области уголовного законодательства, в том числе и в правовой регламентации процесса досудебного производства. Взаимоотношения между государством и обществом при

расследовании и раскрытии преступлений затрагивают права и свободы человека и гражданина [3]. В свою очередь, деятельность органов предварительного следствия и дознания имеет к этому прямое отношение. Несмотря на это, необходимо отметить, что данная деятельность, в настоящее время, является недостаточно эффективной.

Так, в 2016 году в Российской Федерации было зарегистрировано 2160063 преступлений, 1163488 из которых, где предварительное следствие обязательно, 996575, подследственных органам дознания. Следует отметить, что из общего числа преступлений остались нераскрытыми остались 983355 преступлений, что представляет собой сорок пять процентов от общего числа зарегистрированных преступлений. При этом необходимо иметь в виду, что, по мнению криминологов, распространена и латентная преступность, которая, по их расчетам, превышает общее количество зарегистрированных преступлений в 3–5 раз.

Так, по данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, в 2016 году укрыто от учета сотрудниками: органов внутренних дел — 153263 преступления; следственных органов Следственного комитета РФ — 561 преступление; органов Федеральной службы судебных приставов — 516 преступлений; госпожнадзора — 327 преступлений; органов ФСБ России — 43 преступления; органов таможни — 8 преступлений; органов Федеральной службы исполнения наказаний — 6 преступлений [4]. Указанные статистические данные охватывают только те преступления, которые стали известны органам Прокуратуры.

Следует отметить и о многочисленных нарушениях законности, которые допускаются в ходе предварительного следствия и дознания. В 2016 году прокурорами было выявлено 5067850 нарушений законодательства, которые допущены на стадиях досудебного производства.

По нашему мнению, анализируемые данные статистики и аналитики, свидетельствуют о масштабности нарушений закона, которые допускаются органами, осуществляющими предварительное расследование. К ним относятся незаконные и необоснованные постановления о возбуждении уголовного дела, нарушения разумных сроков досудебного производства, нарушения при проведении следственных действий и другие нарушения. В 2017 году Генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка также отметил, что качество следствия повсеместно ухудшается.

Мы считаем, что основной причиной, выявленной нами проблемы, является качественно высокое снижение роли прокурора в уголовном процессе. Если же по УПК РСФСР 1960 года прокурор выступал процессуальным

руководителем расследования, то сейчас же его полномочия существенно сокращены. Можно сказать, что, на данный момент, прокурор превратился в наблюдателя со стороны.

Наша точка зрения подтверждается следующими аргументами.

Во-первых, с 2007 года прокурор больше не вправе осуществлять полномочия по возбуждению уголовного дела, следовательно, становится неясно, каким образом прокурор будет полноценно осуществлять уголовное преследование? Так, профессор Копылова приводит множество примеров, когда по сообщениям о преступлении, более года не принимается законного и обоснованного процессуального решения, так как следствие предпочитает игнорировать требования прокурора, мотивируя данный факт различными обстоятельствами.

Во-вторых, прокурор не вправе прекратить уголовное дело, даже незаконное возбужденное. Несмотря на это, не имея полномочий на возбуждение и на прекращение уголовного дела, именно прокурор, на основании ст. 136 УПК РФ, должен принести официальное извинение реабилитированному лицу за причиненный вред, что, по нашему мнению, является абсолютно нелогичным.

В-третьих, у прокурора отсутствуют полномочия по изменению обвинения на менее тяжкое или исключения из него отдельных пунктов при утверждении обвинительного заключения, что также не отвечает требования формальной логики, поскольку именно прокурору придется, в дальнейшем, поддерживать обвинение в суде.

В-четвертых, прокурор практически отстранен от решения вопроса избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Следствием этого является тот факт, что персонально за законность и обоснованность заключения под стражу никто не отвечает. Мы считаем, что более структурно, ответственно и обоснованно действовал прокурор по УК 1960 г., когда именно он назначал рассматриваемую меру пресечения и персонально со следователем был ответственен за принятое ими решение.

В-пятых, прокурор не правомочен самостоятельно осуществлять следственные действия, хотя в некоторых случаях это являлось бы весьма целесообразным, как было принято — допрос обвиняемого по УК 1960 г. при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, особенно при допросе несовершеннолетних.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что, по нашему мнению, было бы логичным возратить упомянутые нами полномочия прокурора в действующий УПК РФ.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019).
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 (последняя редакция).
3. Силкин Вячеслав Петрович, Лодкин Александр Евгеньевич Практика и проблемы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования // Пробелы в российском за-

конодательстве. 2017. № 5. Интернет-источник: [URL] <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-i-problemy-prokurorskogo-nadzora-za-ugolovno-protseessualnoy-deyatelnostyu-organov-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 28.01.2019).

4. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики. — Режим доступа: URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 30.01.2018).

Надлежащее уведомление о проведении собрания кредиторов

Соколова Марина Бадриевна, студент магистратуры;
Научный руководитель: Кузнецова Инна Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5, с. 3] (далее — Закон о банкротстве) содержит нормы о нескольких видах юридически значимых сообщений, одним из которых является уведомление о проведении собрания кредиторов.

На основании ст. 12 Закона о банкротстве организация и проведение собрания кредиторов осуществляются арбитражным управляющим. Собрание кредиторов правомочно в случае, если на нем присутствовали конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, включенные в реестр требований кредиторов и обладающие более чем половиной голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, включенных в реестр требований кредиторов. Повторно созванное собрание кредиторов правомочно в случае, если на нем присутствовали конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, включенные в реестр требований кредиторов и обладающие более чем тридцатью процентами голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, включенных в реестр требований кредиторов, при условии, что о времени и месте проведения собрания кредиторов конкурсные кредиторы и уполномоченные органы были надлежащим образом уведомлены в соответствии с Законом о банкротстве (п. 4 ст. 12 Закона о банкротстве).

В соответствии с п. 1 ст. 13 Закона о банкротстве [5, с. 8] для целей данного Федерального закона надлежащим уведомлением признается направление конкурсному кредитору, в уполномоченный орган, а также иному лицу, имеющему в соответствии с настоящим Федеральным законом право на участие в собрании кредиторов, сообщения о проведении собрания кредиторов по почте не позднее чем за 14 дней до даты проведения собрания кредиторов или иным обеспечивающим получение такого сообщения способом не менее чем за пять рабочих дней до даты проведения собрания кредиторов.

Пункт 3 ст. 13 Закона о банкротстве регламентирует содержание сведений в сообщении о проведении собрания кредиторов.

Сообщение о проведении собрания кредиторов подлежит включению арбитражным управляющим в Единый

федеральный реестр сведений о банкротстве в порядке, установленном ст. 28 Закона о банкротстве, не менее чем за 14 дней до даты проведения собрания кредиторов (п. 4 ст. 13 Закона о банкротстве).

Статьей 28 Закона о банкротстве предусмотрен механизм раскрытия информации по делам о банкротстве юридических лиц, направленный на своевременное информирование участников гражданско-правовых отношений и федеральных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по ведению ЕГРЮЛ, о фактах деятельности юридических лиц и о введенных судом в отношении их процедурах банкротства.

По общему правилу обязанность включения в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, предусмотренных статьей 28 Закона о банкротстве, возложена на арбитражного управляющего (пункт 4.1 статьи 28 Закона о банкротстве).

В судебной практике отсутствует единый подход при разрешении вопроса о том, подлежат ли включению в ЕФРСБ сведения об отложении собрания кредиторов по инициативе конкурсного управляющего.

Из судебной практики можно сделать вывод, что действующим законодательством не предусмотрена обязанность конкурсного управляющего размещать в ЕФРСБ сообщения об отложении собрания кредиторов. [2, с. 3]

Однако имеется и противоположная позиция, из которой усматривается обратный вывод [3, с. 5].

Соглашаясь с данной позицией, принимая во внимание обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, предусмотренную пунктом 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве, мы считаем, что при отложении по инициативе конкурсного управляющего собрания кредиторов в ЕФРСБ подлежат включению сведения о новой дате проведения собрания кредиторов.

Закон о банкротстве не содержит исчерпывающего перечня способов уведомления, ограничиваясь формулировкой: «иным обеспечивающим получение такого сообщения способом».

Возможные способы извещения могут осуществляться посредством: направления телеграммы, телефонограммы,

факсимильного сообщения, а также удостоверения в том, что письмо доставлено почтовой службой своевременно, во избежание нарушения его прав как одного из кредиторов должника, имеющего право голоса [4, с. 15].

Нарушение порядка уведомления о проведении собрания кредиторов, в результате которого кредитор был лишен возможности принять в нем участие, является основанием для признания решений, принятых на этом собрании, недействительными.

В силу чего вопрос о надлежащем уведомлении о проведении собрания кредиторов имеет существенное значение для разрешения споров о признании решения собрания недействительным, в рамках дела о признании должника несостоятельным (банкротом).

Арбитражный управляющий обязан надлежащим образом уведомить о собрании всех лиц, имеющих право в нем участвовать, вне зависимости от размера принадлежащих им требований (статья 13 и пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве). Невозможность повлиять на результаты голосования, не может приводить к выборочному направлению кредиторам уведомления о проведении собрания, поскольку право кредитора на участие в собрании и обсуждение вопросов повестки не ставится в зависимость от количества принадлежащих ему голосов (пункт 1 статьи 12 Закона о банкротстве).

При этом, включение в ЕФРСБ сообщения о проведении собрания, содержащего всю необходимую информацию о нем, в соответствии с требованиями пункта 4 статьи 13 Закона о банкротстве признается надлежащим уведомлением о проведении собрания кредиторов, поскольку наличие заблаговременной публикации о со-

брании кредиторов в ЕФРСБ обеспечивает реальную возможность принять участие в этом собрании [1, с. 8].

Таким образом, неисполнение обязанности, предусмотренной пунктом 1 статьи 13 Закона о банкротстве, по направлению лицам, полномочным принимать участие в собрании кредиторов, сообщения о проведении собрания кредиторов по почте или иным обеспечивающим получение такого сообщения способом, не является бесспорным основанием для признания решения собрания кредиторов недействительным в связи с ненадлежащим уведомлением участников собрания.

Проанализировав материалы судебной практики, мы пришли к выводу, что существенным нарушением порядка уведомления, влекущим признание собрания недействительным, является лишь одновременное неисполнение арбитражным управляющим вышеуказанных обязанностей.

Надлежащее уведомление о проведении собрания кредиторов обеспечивает защиту прав и интересов кредиторов в деле о банкротстве и корреспондирует предусмотренной пунктом 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве обязанности арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Предусмотрев в Законе различные способы уведомления о проведении собрания, законодатель предоставил арбитражному управляющему возможность их применения по собственному выбору.

Лишь ответственное исполнение арбитражным управляющим своих обязанностей способствует достижению цели по надлежащему информированию кредиторов о процедурах банкротства.

Литература:

1. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // СПС КонсультантПлюс
2. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.10.2016 по делу № А11-6021/2012 // https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/aeel1195-4880-4281-bce5-8181a0fe369d/b32304cc-f3aa-4c43-ad2a-bca846684af1/A11-6021-2012_20161005_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf
3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.05.2015 по делу № А65-28388/2013 // https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/2ba812cf-4d04-42f5-84d1-868c1c1072de/b370c704-6bda-490c-809a-71e1d98c948f/A65-28388-2013_20150528_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf
4. Семенова, Е. А. Уведомление о проведении собрания кредиторов как юридически значимое сообщение // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 8. с. 80–84.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // «Собрание законодательства РФ». 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

Некоторые аспекты оценки прокурором относимости, допустимости и достоверности доказательств при утверждении обвинительного заключения (акта, постановления)

Степаненков Никита Андреевич, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Обвинительное заключение, акт или постановление, исходя из характера применения, являются одними из наиболее важных процессуальных актов досудебной стадии уголовного судопроизводства. При их составлении следователь аккумулирует все, что было получено на момент завершающего этапа предварительного следствия, производит оценку имеющихся доказательств, формулирует собственное мнение о виновности лица и принимает процессуальное решение о направлении уголовного дела прокурору для дальнейшего использования в судебном разбирательстве. Обвинительное заключение, акт и постановление фактически являются процессуальным актом, завершающим предварительное следствие одновременно с досудебным производством, порождая совершенно иной характер судопроизводства [1].

В настоящее время предметом изучения прокурора при утверждении обвинительного заключения является не только точное соблюдение требований закона. Обязательным является исследование всех материалов уголовного дела, причем особое внимание должно уделяться собранным по делу доказательствам с целью оценки как каждого из них, так и их совокупности. Это непосредственно связано с тем, что прокурор не производит действий, направленных на получение дополнительной информации, а опирается исключительно на анализ доказательств, представленных следователем или дознавателем [2].

По своей сути при осуществлении деятельности по оценке относимости доказательств прокурор является субъектом осуществления простого логического контроля.

Толкование такого свойства доказательств, как относимость предполагает, что следователь в процессе расследования уголовного дела должен установить входит ли факт для установления которого привлекается данное доказательство в предмет доказывания или число иных фактов, выяснение которых необходимо при проверке версий, доказательств, а также способно ли доказательство с учетом его содержания этот факт устанавливать [3].

Участие прокурора в проверке достоверности доказательств строится на основании подробного анализа причинно-следственных взаимосвязей между элементами системы доказательств.

Достоверность вывода об обстоятельствах уголовного дела — то же самое, что истинность этого вывода, т. е. правильное, соответствующее действительности установление обстоятельств дела: события преступления, виновности данного лица в совершении преступления, места,

времени, способов совершения [4]. Обеспечению достоверности доказательств в процессуальном доказывании призвана способствовать стадия их проверки.

В соответствии со ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство [5].

Из сказанного вытекает правило об обязательной проверке прокурором при изучении дела соблюдения следователем требований ст.87 УПК РФ.

При оценке допустимости доказательств прокурор должен учитывать соответствующие критерии. Так, в теории доказательственного права предлагается [6] разделять такие условия на три группы: 1) правило о получении доказательств надлежащим субъектом в пределах его полномочий; 2) правило о получении доказательств из надлежащих, определенных законодательством, источников; 3) правило о получении доказательств в надлежащем порядке, полностью соответствующем процессуальному законодательству.

Важно при этом иметь в виду, что в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прокуроры при осуществлении надзорной деятельности должны выносить согласно ч. 3 ст. 88 УПК РФ мотивированное постановление о признании недопустимыми доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, и об исключении их из обвинительного заключения [7].

На прокурора также возлагается обязанность по проверке и оценке совокупности доказательств в целях анализа их достаточности. При этом формируются пределы доказывания [8], оказывающие непосредственное влияние на принятие решения при утверждении обвинительного заключения и позицию государственного обвинителя на судебном этапе уголовного судопроизводства.

Выводы, содержащиеся в обвинительном заключении, по своей природе являются отражением мнения следователя и прокурора о достоверности представленных доказательств виновности подозреваемого. В процессе утверждения обвинительного заключения убеждение прокурора в виновности обвиняемого облекается в форму процессуального документа.

С точки зрения методологии деятельности прокурора по оценке доказательств, Малов А. А. предлагает различные варианты порядка действий. В частности, он рекомендует начинать изучение материалов с постановления о возбуждении уголовного дела и заканчивать обвинительным заключением, либо производить рассмотрение материалов в обратном порядке — начиная с обвинительного заключения [9]. Результаты исследования практической деятельности прокуроров в данной области показали, что в 68 % случаев государственные обвинители принимают обвинительное заключение в качестве основания для дальнейшего изучения материалов уголовного дела, в целях удобства при сопоставлении получаемой информации с выводами следователя [10].

При изучении уголовного дела в обычном порядке, т. е. начиная с постановления о возбуждении уголовного дела, прокурорам рекомендуется самостоятельное составление макета обвинительного постановления, акта или заключения по результатам изученных материалов уголовного дела. Сравнивая этот макет со своими умозаключениями, и выводами обвинительного заключения (акта, постановления), прокурор может определить соответствие процессуальных выводов и решений следователя (дознателя) обстоятельствам, отраженным в материалах дела [11].

Мы же склоняемся к тому, что соблюдение строго определенного порядка ознакомления с материалами не имеет значения, если изучение уголовного дела и обвинительного заключения происходит с должной тщательностью.

В одной из своих работ Поторыкина Е. Ю. отразила тезис о порочности прокурорской практики поверхностного исследования уголовных дел, полученных прокурором с обвинительными заключениями. Полагаем, что данное явление непосредственно связано с установленным уголовно-процессуальным законодательством сроком рассмотрения уголовного дела, поступившего от следователя с обвинительным заключением. Срок в 10 суток может быть совершенно недостаточным для ознакомления со всеми необходимыми материалами, порой составляющими десятки томов [12].

Недопустимой является практика выборочной проверки отдельных материалов уголовных дел. Это противоречит основной задаче прокурора по оценке каждого доказательства с точки зрения его относимости, допустимости и достоверности. Несомненно, описанная деятельность является сложнейшей задачей для прокурора при поступлении дела с обвинительным заключением, но степень ее значения для осуществления принципа законности крайне велика [13].

Участие прокурора в оценке относимости, допустимости и достоверности доказательств при утверждении обвинительного заключения, акта и постановления является важнейшим элементом подготовки дела к судебному разбирательству. Тщательный анализ деятельности прокурора на этом этапе призван способствовать разработке научно-обоснованных методических рекомендаций, а в конечном счете повышению эффективности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Литература:

1. Россинский С.Б., Шумская А.П. Обвинительное заключение как правоприменительный акт, завершающий предварительное следствие по уголовному делу // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. №2. с. 152-153.
2. Аветисян Г.А. Поддержание и утверждение обвинительного заключения прокурором // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. №8. с. 58.
3. Теория доказательств в советском уголовном процессе, изд. 2-е исправленное и дополненное, М., 1973. С. 247.
4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 326.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Сильнов М.А. Проблемы обеспечения допустимости доказательств средствами прокурорского надзора: лекция / Акад. Ген.прокуратуры Рос.Федерации, — М., 2013. — с. 9
7. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28.12.2016 N 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «Гарант».
8. Беляев М.В. Предмет и пределы доказывания при принятии решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №3 с. 114
9. Малов, А. А. Практические рекомендации по изучению прокурором материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (актом, постановлением) // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» / Компания «Консультант Плюс». Электрон. дан. [М.]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. Ганичева, Е., Серова Е. Подготовка государственного обвинителя к судебному следствию // Законность. 2007. № 3. с. 17.
11. Тушев А.А., Кудин Ф.М., Васечкина А.В. Процессуальные отношения прокурора и следователя по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. — Крас-

нодар: КубГАУ, 2015. — №09(113). — IDA [article ID]: 1131509117. — Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/09/pdf/117.pdf>.

12. Поторыкина Е.Ю. Роль прокурорского надзора в предупреждении и устранении следственных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №2. с. 262
13. Козьявин А.А., Махова Е.А. Проблемы обеспечения законности при рассмотрении прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением // Юридический вестник Самарского университета. 2017. №4. с. 135.

Правовой режим беспилотных транспортных средств в Российской Федерации

Стрейкмане Лилиана Романовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Роботизация различных процессов всё чаще включается в приоритетные направления развитых государств. Одним из популярных её проявлений на сегодняшний день является разработка и внедрение наземных беспилотных транспортных средств (далее — БПТС). Так, в числе явных лидеров по созданию БПТС можно назвать США, Германию, Японию, Швецию. Крупнейшие автомобильные компании, такие как Tesla (США), General Motors (США), BMW (Германия), Audi (Германия), Volkswagen (Германия), Volvo (Швеция), Nissan (Япония), занимаются разработкой проектов для последующего их внедрения в массовое производство. По прогнозам производителей, первые серийные БПТС могут появиться в 2020-х годах, однако в настоящее время образцы работают только в тестовом режиме.

В России разработки БПТС ведутся с 2015 года ПАО «КАМАЗ» и компанией Cognitive Technologies. Также нужно отметить вклад в развитие российских БПТС научно-производственного объединения «СтарЛайн». Автомобиль, разработанный компанией, в мае 2018 года успешно прошёл масштабное испытание, преодолев специально подготовленную дистанцию на подходе к Крымскому мосту [1]. Наряду с задачей создания БПТС специалисты Федерального агентства Росавтодор и транспортной компании «Трайт» занимаются разработкой инфраструктуры для передвижения данного вида транспорта в рамках проекта «Караван» с 2016 года.

Однако нельзя забывать, что любое внедрение новых технологий должно сопровождаться законодательным регулированием. Так, например, в Соединённых Штатах с 2017 года действует Закон «Self Drive Act», целью которого является обеспечение безопасности высокоавтоматизированных ТС в том, что касается проектирования, изготовления и эксплуатационных характеристик, путём поощрения испытаний и внедрения таких ТС.

В настоящее время в России существует проект Федерального закона № 710083–7 «Об опытной эксплуатации инновационных транспортных средств и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Законопроект). Предметом регулиро-

вания документа являются отношения, которые возникают «в связи с опытной эксплуатацией инновационных транспортных средств, включая высокоавтоматизированные транспортные средства, на автомобильных дорогах общего пользования» (статья 1 Законопроекта). Нужно обратить внимание на четыре понятия: опытная эксплуатация, инновационные транспортные средства, высокоавтоматизированные ТС, автомобильные дороги общего пользования. В статье 3 Законопроекта раскрываются первые три.

Под опытной эксплуатацией понимается «контролируемая эксплуатация инновационного ТС, включающая в себя движение в исследовательских и испытательных целях, в том числе для оценки характеристик и эффективности конструктивных решений инновационного ТС, совершенствования системы вождения, получения данных о возможностях инновационного ТС». Так, можно сделать вывод, что Законопроект регулирует лишь те отношения, которые связаны с использованием БПТС в тестовом, экспериментальном режиме, и не оговаривает ситуации возможного серийного производства и массового использования указанных ТС.

В качестве основных характеристик инновационного ТС можно отметить следующие: это колёсный автомобиль, в нём применяются такие конструктивные решения, которые качественно изменяют его основные эксплуатационные показатели, а также указанное ТС невозможно оценить в соответствии с существующими документами по стандартизации. Понятие конструктивного решения раскрывается в Постановлении Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2008 года № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию». Однако это относится к проектировке зданий, строений, сооружений. Применяя положения по аналогии, можно сказать, что в отношении БПТС конструктивное решение — это часть проекта БПТС, содержащая схемы опытного образца и их обоснования, направленная на реализацию замысла полной автоматизации автомобиля. К упомянутым эксплуатационным показателям можно отнести, например, удобство использования ТС, его управляемость, надёжность, долговечность.

Высокоавтоматизированное ТС обладает теми же характеристиками, что и инновационное ТС, но помимо этого оно оснащено автоматизированной системой вождения, то есть такими механизмами, которые исключают (без необходимости) физическое воздействие человека на процесс управления транспортным средством.

Согласно статье 5 Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «К автомобильным дорогам общего пользования относятся автомобильные дороги, предназначенные для движения транспортных средств неограниченного круга лиц». Таким образом, Законопроект не регулирует порядок движения БПТС по дорогам, например, находящимся в собственности физических или юридических лиц и служащим для обеспечения их личных нужд, или дорогам, находящимся во владении или распоряжении местных администраций и служащим для обеспечения муниципальных нужд.

Если говорить в общем, то Законопроект устанавливает правовой режим инновационных ТС в целом: перечислены субъекты, задействованные в опытной эксплуатации таких ТС, их права и обязанности, в общих чертах установлен порядок осуществления опытной эксплуатации инновационных ТС, требования к их безопасности.

Автор Законопроекта Сергей Жигарев, возглавляющий Комитет ГД РФ по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, надеется на его принятие в окончательном чтении до конца 2019 г., о чём было сообщено в рамках пресс-конференции на тему «Цифровое законодательство. Федеральный закон о беспилотном транспорте в РФ» в начале июня текущего года [2]. Если соответствующий документ будет принят, у Правительства России появится необходимость определить федеральный орган исполнительной власти (далее — ФОИВ), который будет иметь полномочия по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере инновационного транспорта, а также ФОИВ, осуществляющий контрольные функции. Помимо этого, нужно будет в отдельных актах конкретизировать положения Федерального закона, в том числе о порядке осуществления опытной эксплуатации инновационных ТС на дорогах общего пользования, о порядке выдачи специальных разрешений.

Помимо Законопроекта существует действующее постановление Правительства от 26 ноября 2018 года № 1415 «О проведении эксперимента по эксплуатации на автодорогах высокоавтоматизированных транспортных средств» (далее — Постановление). Указанный эксперимент проводится на территориях города Москвы (Сколково) и Республики Татарстан (Иннополис) с 1 декабря 2018 г. по 1 марта 2022 г.

Исходя из целей и задач эксперимента, которые указаны в пункте 4 Положения «О проведении экспери-

мента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств», утверждённого Постановлением, можно сделать вывод, что его сущность сводится к тому, чтобы наладить работу БПТС для дальнейшей массовой эксплуатации на дорогах общего пользования, а также чтобы сформулировать положения для выработки технических требований и регламентов, документов по стандартизации.

Тестирование бесплатного беспилотного такси в указанных местностях проводит компания «Яндекс» [3]. В каждой машине помимо пассажиров присутствует инженер-испытатель, чтобы отслеживать поведение автомобиля во время поездки. В пресс-службе «Яндекса» отмечают: «Мы не раз говорили о необходимости подобной инициативы и рады, что её приняли. Надеемся на то, что это постановление позволит проводить тестирования в полном объёме».

По словам Дмитрия Медведева, Постановление нужно, чтобы «как минимум дать все необходимые определения, для того чтобы этот транспорт развивался, включая определение того, что является автоматизированной системой вождения, что или кто является собственником высокоавтоматизированного транспортного средства. Потому что отсюда вытекают юридические последствия, связанные с несением ответственности за возможный ущерб, который может быть причинён, и так далее».

Говоря о позиции высших органов власти по вопросу БПТС, можно упомянуть о правительственном совещании с вице-премьерами, проведённом Дмитрием Медведевым 26 ноября 2018 года [4]. Повесткой дня стал вопрос об эксперименте по тестированию беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования. Максим Акимов, заместитель председателя Правительства РФ, подготовил сообщение, в котором подчеркнул: «Россия — одна из немногих стран мира, обладающая не какой-то одной, а комплексом технологий, необходимых для работы беспилотного транспорта. Это и искусственный интеллект, и навигационные технологии, и технологии технического зрения, и технологии, связанные с использованием лидаров [лидар — технология получения и обработки информации об удалённых объектах с помощью активных оптических систем, использующих явления отражения света и его рассеивания в прозрачных и полупрозрачных средах]» [5]. Также было сказано о том, что без применения технологий в ходе реальной эксплуатации в условиях городской среды, они не получают дальнейшего развития.

Существует классификация автоматизации автомобилей, разработанная Сообществом автомобильных инженеров (SAE) [6]. Она содержит шесть уровней, начиная с автомобилей, в которых система лишь выдаёт предупреждения, не осуществляя постоянного управления, и заканчивая уровнем, где не требуется никакого вмешательства человека в процесс управления ТС. Так, на совещании было отмечено, что разработки российских кон-

структуров и инженеров направлены на создание БПТС преимущественно высшего класса.

Несомненно, разработка и постепенное внедрение БПТС в массовое производство имеет большое количество положительных моментов. Среди них, пожалуй, на первое место можно поставить возможность перемещаться на автомобиле для людей, которые не имеют водительских прав, также это снижение стоимости услуг перевозчиков за счёт отсутствия необходимости выплачивать заработную плату водителям ТС, существенное уменьшение количества ДТП в силу отсутствия нарушений правил дорожного движения «умными» автомобилями, появление возможности перевозить грузы в опасных природных или техногенных условиях.

Однако нельзя умолчать о негативных последствиях. В первую очередь, это существенное уменьшение рабочих мест людей, чья работа связана с вождением ТС. Отсутствие навыков вождения у пассажиров БПТС чревато тем, что в экстренной ситуации они не смогут взять управление на себя. Наконец, всегда нужно помнить, что система может быть подвержена сторонним вмешательствам посредством кибератак или может дать сбой.

Обособленно стоит вопрос, связанный с тем, кто из субъектов должен нести ответственность в случае аварии, произошедшей с участием БПТС. Хочется обратить внимание на то, что ни в Законопроекте, ни в Постановлении, ни на Советании не упомянуто об этой проблеме.

Непосредственными участниками отношений, связанных с опытной эксплуатацией БПТС, являются водитель инновационного ТС или оператор высокоавтоматизированного ТС, собственник инновационного ТС. Их определения даны в статье 3 Законопроекта. Так, водителем инновационного ТС признаётся физическое лицо, непосредственно находящееся внутри такого ТС, независимо от того, задействован ли он в процессе управления инновационного ТС или просто активирует автоматизированную систему вождения высокоавтоматизированного ТС и осуществляет контроль, в том числе в автоматизированном режиме управления.

В отличие от водителя, оператор — субъект отношений, возникающих только в связи с использованием высокоавтоматизированных ТС. Это физическое лицо, которое находится вне ТС и активирует автоматизированную систему вождения, а также контролирует движение этого ТС в автоматизированном режиме управления дистанционно.

Интересно то, что в Законопроекте говорится только о собственнике инновационного ТС и не упоминается о собственнике высокоавтоматизированного ТС. Собственником не является физическое лицо, им может быть зарегистрированное на территории России юридиче-

ское лицо или индивидуальный предприниматель. Обязательным условием приобретения статуса собственника инновационного ТС является наличие специального разрешения на осуществление движения по автомобильным дорогам общего пользования инновационных транспортных средств в целях их опытной эксплуатации. Вероятно, невозможность физического лица в настоящее время быть собственником БПТС связана с тем, что лица, кому принадлежат такие ТС, непосредственно задействованы в процессе разработки таких автомобилей и являются участниками различных правительственных конкурсов на получение грантов.

Возвращаясь к вопросу о том, кто из перечисленных субъектов должен нести ответственность в случае аварии произошедшей с участием БПТС, нужно отметить, что Законопроектом регулируются отношения, связанные лишь с опытной эксплуатацией ТС. Таким образом, при внедрении БПТС в серийное производство в новом Федеральном законе нужно будет предусмотреть помимо прочего такого субъекта, как производитель инновационного или высокоавтоматизированного ТС. На мой взгляд, законодательно конкретизировать вопрос об ответственности не предоставляется возможным, можно лишь составить открытый перечень различных дорожных ситуаций, поскольку в данном случае эта проблема должна решаться, исходя из индивидуального подхода в каждом конкретном случае. Так, например, нести ответственность может разработчик программного обеспечения, если в его кодах будут ошибки, или же производитель, если при производстве допущен брак; может нести ответственность и водитель, если он не вмешался в управление при необходимости.

Несомненно, нужно следовать требованиям, которые диктует современность. Страны, которые лидируют в плане технологического прогресса, занимаются вопросами разработки и внедрения БПТС, что может стать большим шагом в сфере роботизации и совершить прорыв в развитии искусственного интеллекта. Говоря об участии Российской Федерации в данной теме, спецпредставитель президента по вопросам цифрового и технологического развития Дмитрий Песков отметил важность развития технологий управления беспилотным транспортом, адаптированных к использованию в российских климатических и дорожных условиях: «...никакие Tesla, Ford и другие делать не могут, они не видят снег, не читают знаки». В разработке проектов заинтересованы не только крупнейшие государственные, но и частные компании. Перед Россией стоит задача не только создать и испытать образцы, но и законодательно определить и закрепить их правовой статус.

Литература:

1. Умный беспилотный автомобиль StarLine успешно прошел испытание на подъезде к Крымскому мосту // StarLine официальный сайт — ООО «НПО «СтарЛайн». URL: <https://www.starline.ru/umnyj-bespilotnyj-avtomobil-starline-uspeshno-proshel-ispytanie-na-podezde-k-krymskom-mostu/> (дата обращения: 08.06.2019).

2. В Госдуме надеются на принятие закона о правилах эксплуатации беспилотного транспорта до конца года // Агентство городских новостей «МОСКВА». URL: <https://www.mskagency.ru/materials/2895900> (дата обращения: 08.06.2019).
3. В России 1 декабря начнётся эксперимент по тестированию беспилотного транспорта на дорогах общего пользования // vc.ru — интернет-издание о бизнесе, стартапах, инновациях, маркетинге и технологиях. URL: <https://vc.ru/transport/51800-v-rossii-1-dekabrya-nachnetsya-eksperiment-po-testirovaniyu-bespilotnogo-transporta-na-dorogah-obshchego-polzovaniya> (дата обращения: 09.06.2019).
4. Об эксперименте по тестированию беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования // Правительство России. URL: <http://m.government.ru/all/34837/> (дата обращения: 09.06.2019).
5. Лидар // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/224066> (дата обращения: 09.06.2019).
6. Automated driving levels of driving automation are defined in new SAE International standard J3016 // SAE International TM. URL: https://web.archive.org/web/20161120142825/http://www.sae.org/misc/pdfs/automated_driving.pdf (дата обращения: 08.06.2019).
7. Self Drive Act Referred in Senate 09/07/2017 // Congress.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3388/text> (дата обращения: 09.06.2019).
8. Законопроект № 710083–7 «Об опытной эксплуатации инновационных транспортных средств и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/710083-7> (дата обращения: 08.06.2019).
9. Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 N 87 (ред. от 17.09.2018) «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75048/ (дата обращения: 10.06.2019).
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2018 № 1415 «О проведении эксперимента по эксплуатации на автодорогах высокоавтоматизированных транспортных средств» // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/34831/> (дата обращения: 11.06.2019).
11. Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // СПС Гарант. URL: <http://base.garant.ru/12157004/> (дата обращения: 10.06.2019).

Преобразования в законодательстве для индивидуальных предпринимателей в 2019 году

Титова Дарья Александровна, студент магистратуры
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, налогообложение, онлайн-касса, НДС, МРОТ.

Как правило, основная часть нововведений в законах для индивидуального предпринимателя вступают в силу с нового календарного года. Для полноты информации и проведения анализа следует выделить самые важные из них:

- изменения в расчетах с сотрудниками;
- новый порядок работы с онлайн-кассами;
- оформления кассовых чеков.

Далее считаю необходимым рассмотреть подробно каждое изменение, которое нужно учитывать индивидуальному предпринимателю с 1 января 2019 года, не только рассмотреть плюсы и минусы конкретного изменения, но и дальнейшие действия применительно к новым правилам.

Во-первых, индивидуальные предприниматели, которые применяют ЕНВД или патенте имеют право получить налоговый вычет при покупке онлайн-кассы на сумму

не выше 18 000 рублей с каждого нового кассового аппарата. Данная поправка дает возможность снизить ЕНВД, если была куплена онлайн-касса. Следует отметить, что данным вычетом можно воспользоваться, если будут выполнены следующие 4 условия:

- 1) налоговый вычет предоставляется только на ККТ, включенные в официальный реестр ФНС;
- 2) кассу обязательно нужно поставить на учет, иначе вернуть потраченные на нее деньги не получится.

3) ИП на ПСН или ЕНВД в сфере розничной торговли или общественного питания, имеющие сотрудников на трудовых договорах, могут получить вычет, если зарегистрировали кассу с 1 февраля 2017 до 1 июля 2018 года. Таким образом, они могут получить налоговый вычет при покупке онлайн-ККТ только в 2018;

4) Остальные ИП на ЕНВД и ПСН могут получить вычет, если зарегистрировали кассу с 1 февраля 2017 до 1 июля 2019 года.

Во-вторых, ККТ следует использовать, если применяется ЕНВД или патент, индивидуальный предприниматель занимается розничной торговлей или общепитом и имеет наемных работников. [7]

В-третьих, Индивидуальные предприниматели начали платить больше взносов. [1]

Размер новых отчислений составит:

— на пенсионное страхование с дохода не более 300 000 руб. — 29 354 руб.;

— на пенсионное страхование с дохода свыше 300 000 руб. — 29 354 руб.;

— на медицинское страхование — 6 884 руб.

При налогообложении можно учитывать фиксированный платеж в составе налогового вычета. Важно отметить, что начисление пени производится со следующего дня после крайнего срока уплаты по день, когда недоимку погасят, включительно. [3]

Важное изменение — НДС вырос до 20 процентов. 10-процентная ставка также, как и раньше, действует для детских и других товаров из специальных перечней. Однако, новая ставка действует с 1 января 2019 года по товарам, работам, услугам, отгруженным или реализованным с начала года.

Если торговля происходит через торговые автоматы и имеются наемные работники, то необходимо применять онлайн-каассу. [7]

В данном случае важно правильно выбрать онлайн-каассу, так как штрафы за неправильно подобранную кассу могут дойти до 100 % стоимости расчета.

Штрафы за неприменение и за нарушение порядка применения онлайн-каассы регламентирует Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Бухгалтер принял наличные, не имея касс действующего образца: штраф на должностных лиц в размере от 1/4 до 1/2 размера суммы расчета, на юридических лиц — от 3/4 до 1 размера суммы расчета. [2]

Кассир не отправил покупателю чек электронно на почту, хотя он заранее просил об этом: предупреждение или штраф на должностных лиц в размере 2000 руб.; на юридических лиц — предупреждение или штраф в размере 10000 рублей.

Кассир использует кассу старого образца, при этом компания обязана установить новую ККТ: предупреждение или штраф на должностных лиц в размере от 1500 до 3000 рублей; на юридических лиц — предупреждение или штраф в размере от 5000 до 10 000 рублей.

И, кроме того, налог на движимое имущество платить не нужно. К слову, данного налога с 2019 года нет вообще. Платить налог на имущество и отчитываться по нему будут только владельцы недвижимости.

К слову, с 1 января 2019 года работодатели могут удерживать больше сумм из зарплаты сотрудников. [4]

Важно, что сумма увеличилась с 25 000 рублей до 100 000 рублей. Такую сумму можно будет удержать у работников через работодателя. Но есть одно ограничение — взыскать можно только в таком размере, чтобы после удержания у работника оставалась сумма регионального прожиточного минимума.

Далее, новые правила коснутся и пенсии работников. Для мужчин пенсионный возраст — это 65 лет, для женщин — 60 лет. Из этого следует, что правительство увеличило возраст, с которого работник вправе пойти на пенсию. [5]

Те, кто должны были выйти на пенсию в 2019 и 2020 году по старому закону, смогут это сделать по новому закону, но на 6 месяцев раньше.

Кроме того, МРОТ с января 2019 года вырос на 117 руб. Прожиточный минимум в России во втором квартале 2018 года для трудоспособного населения, по подсчетам Минтруда, составляет 11 280 руб. [8]

Ему, согласно Федеральному закону от 19.06.2000 № 82-ФЗ, должна соответствовать минимальная месячная зарплата. Поэтому МРОТ — 2019 составляет 11 280 руб.

25 декабря 2018 года президент подписал Федеральный закон от 25.12.2018 № 481-ФЗ, предусматривающий повышение МРОТ с 1 января 2019 года.

Необходимо отметить, что с 1 июля 2019 года будет увеличен состав операций, которые не признаются объектами налогообложения.

С 1 июля 2019 года не нужно начислять НДС при безвозмездной передаче:

— объектов социально-культурного назначения в казну республики в составе Российской Федерации, казну края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, в муниципальную казну соответствующего городского, сельского поселения или другого муниципального образования;

— любого недвижимого имущества в государственную казну;

— имущества в собственность Российской Федерации для целей организации и (или) проведения научных исследований в Антарктике.

Восстанавливать НДС, ранее принятый к вычету по таким объектам, при их передаче не нужно. [6]

В данной статье были выделены и рассмотрены главные изменения, которые коснутся широкий круг индивидуальных предпринимателей именно в 2019 году.

Однако, перечисленные нововведения и изменения не являются решающими в деятельности каждого индивидуального предпринимателя.

В заключении хотелось бы отметить, что самое главное — это вовремя реагировать на происходящие изменения и принимать меры, чтобы впоследствии была возможность избежать проблем.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая — Федеральный закон от 5.08.2000 г. (в ред. ФЗ от 04.09.2018) // СЗ РФ. — 2000. — № 32. — ст. 430.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 7 января 2002 г. — № 1. — Ст. 1. // Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации о налогах и сборах» от 27.11.2018 № 424-ФЗ// Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
4. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 27.12.2018 № 539-ФЗ// Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ// Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 9 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового Кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» от 15.04.2019 № 63-ФЗ// Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
7. Федеральный закон от 27.11.2017 N 337-ФЗ, письмо ФНС РФ «О направлении инструкции» (Инструкция для сотрудников налоговых органов по новому порядку применения контрольно-кассовой техники в целях обеспечения комфортных условий для перехода организаций и индивидуальных предпринимателей в рамках второго этапа реформы) от 03.04.2018 № ММВ-20–20/33 // Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
8. Приказ Минтруда «Об установлении минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации» от 24.08.2018 № 550н// Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

Механизм защиты деловой репутации

Тюрин Кирилл Сергеевич, студент

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ (г. Москва)

Ключевые слова: деловая репутация, физическое лицо, юридическое лицо, ГК РФ, иск о защите, требования для доказывания.

Деловая репутация юридического лица является особым институтом в гражданском праве. Данная взаимосвязь основана на природе данного права. Оно является личным неимущественным правом и стоит в одном ряду с правом гражданина на честь и достоинство. Однако, согласно п. 11 ст. 152 ГК РФ может принадлежать и юридическому лицу. Отсюда следует, что законодатель установил возможность защиты коммерческой репутации юридического лица. Ущерб ей может быть нанесен недобросовестными действиями конкурентов.

Однако в механизме защиты деловой репутации юридического лица содержатся существенные отличия от защиты соответствующего права физических лиц. Юридические лица не могут требовать морального вреда, нанесенного распространением сведений. Отдельные положения, требующие доказывания, можно выделить на следующем примере. На сайте «ЗакС.Ру» была опу-

бликована информация о том, что ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (далее СПбГУП) нарушает право граждан на свободу слова, а именно ст. 29 Конституции РФ. Истец также требовал возмещения ему ущерба, оцененного в 1 млн. рублей. Иск был подан в арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В данном случае выбран правильный способ защиты нарушенного права и верно определена подсудность дела. Поскольку истец требует не только признать опубликованные на сайте сведения не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию, обязать общество удалить статью с сайта и разместить текст опровержения на главной странице, а также взыскать с Ответчика 1 млн руб. в качестве компенсации вреда. Из этого следует, что защита личного неимущественного права тесно связана с возмещением имущественного ущерба.

Судом первой инстанции иск был удовлетворен в части защиты деловой репутации, однако отказано в заявленной компенсации. [1] При этом истцом был доказан факт распространения сведений, их порочащий характер. Отказ во взыскании суммы компенсации был основан на утверждении о том, что он носил неимущественный характер. Согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ юридическому лицу может быть причинен только вред, носящий имущественный характер. В этой взаимосвязи отсутствовала возможность взыскания вреда.

Однако, апелляционная инстанция отменила решения суда первой инстанции и приняла новое согласно которому компенсация СПбГУП была присуждена в полном размере. [2] Данное положение основано на выводе суда о возможности присуждения юридическому лицу ущерба на общих условиях деликтной ответственности. Они заключаются в наличии противоправного деяния, его неблагоприятных последствий и причинно-следственной связи между ними. Соответствующие положения были доказаны еще в суде первой инстанции, что являлось и основанием для последующего взыскания материального ущерба.

Затем СМИ обжаловало данное решение в порядке кассации, которая оставила решения суда первой инстанции в силе. [3] Окончательное решение было принято СК по ЭС ВС РФ. [4] Судебная коллегия установила, что юридическое лицо не имеет права требовать компенсации морального вреда. Однако, оно вправе заявить требования о возмещении вреда, причиненного репутации, путем подачи иска о возмещении ущерба. Данное утверждение подтверждается ссылкой ВС на Определение КС РФ № 508-О. [5]

При этом вред, причиненный деловой репутации, трактуется в смысле ее умаления, проявляемого в возникших у юридического лица убытков или упущенной выгоды, обусловленными распространением порочащих сведений.

Отдельно суд проанализировал вопрос об основаниях возмещения ущерба, заявленного первоначальным истцом. Так суд указал, что недостаточно лишь доказать факт распространения сведения и сделать вывод о том, что они нанесли имущественный вред деловой репутации. Прежде всего требуется доказать наличие деловой репутации в определенной сфере деловых отношений. Кроме того, подтверждается наличный факт наступления неблагоприятных последствий в связи с распространением сведений и факт утраты деловой репутации. В отдельных случаях доказывается снижение доверия к юридическому лицу.

Университет, в свою очередь, не доказал факт наличия у него коммерческой или деловой репутации, а также доказательств, свидетельствующих о снижении количества абитуриентов или оттоке студентов из ВУЗа. Это затруднило возможность судебной коллегии оценить справедливый размер требований, заявляемых истцом, и послужило основанием для оставления первоначального решения суда в силе. СПбГУП принадлежит также еще один из самых крупных исков о защите деловой репутации. В данном иске сторонами являлись СПбГУП и ООО «Издательский дом «Кросс-Медиа», ООО «МЕДИА.С-Пб», ООО «Медиа.СПб», Дьяченко А. П. Иск был подан в связи с публикацией «Новой газеты» материала «Граница на носу», в котором содержится информация относительно того, что компания «Невские технологии» ведет «сомнительную суету» вокруг дома по адресу Лисий Нос, улица Морские Дубки, дом 4, где Запесоцкий «по свидетельствам очевидцев, регулярно появляется — отдохнуть, снять стресс, поправить здоровье».

Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области в иске было отказал. СПГУП подал апелляционную жалобу, рассмотрение которой завершилось 20 января 2010 года., Тринадцатый апелляционный арбитражный суд указал, что, согласно пункту 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3, иск о защите деловой репутации не может быть удовлетворен судом, если отсутствует хотя бы одно из трех обстоятельств — факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и, несоответствие их действительности. Апелляционная инстанция согласилась с оценкой суда первой инстанции, что в оспариваемых истцом фрагментах статьи сведений порочащего характера нет, и оставил жалобу без удовлетворения.

Цена иска составила 10 млн. рублей — 30 000 руб. с Дьяченко и 9,97 млн. руб. с ООО «МЕДИА.С-Пб».

Одним из наиболее громких исков, рассмотренных в судах общей юрисдикции за последние 3 года относительно защиты чести, достоинства и деловой репутации стал иск Алишера Усманова к Алексею Навальному относительно фильма «Он вам не Димон». В фильме содержалась компрометирующая Алишера Усманова информация. Заседания по данному делу проходило в течение 8 часов в Люблинском районном суде г. Москвы. По итогам заседания суд встал на сторону истца и обязал ответчика опровергнуть сведения. [6]

Литература:

1. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 11.11.2015 по делу N А56—58502/2015
2. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2016 г. № 13АП-32346/15
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 апреля 2016 г. № Ф07—1147/16
4. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16—8923
5. Определение КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О
6. <https://vc.ru/flood/26324-tinkoff-opinions>

Совершенствование деятельности оперативных подразделений таможенных органов России по противодействию коррупционным преступлениям: реалии и перспективы

Федоренко Дмитрий Николаевич, доцент
Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская обл.)

В статье проанализирована система мер по противодействию коррупции в таможенных органах России и предложены основные направления совершенствования системы оперативно-розыскных мер по противодействию коррупции в таможенных органах России.

Ключевые слова: подразделения по противодействию коррупции таможенных органов России, оперативно-розыскная деятельность, коррупция, меры.

Коррупция — социальное явление, поразившее все страны мира в той или иной степени. Как показали последние события, обвинения в коррупции могут являться поводом для введения международных санкций в отношении целых отраслей экономики конкретных стран.

В последнее время вопросу искоренения коррупции во всех сферах общественных отношений в России уделяется значительное внимание, никакие должности не дают иммунитет от преследования за факты коррупции. Есть определенные успехи, в том числе и в таможенной сфере. Так 28 мая 2019 г., Басманный суд г. Москвы арестовал экс-замначальника Дальневосточного таможенного управления, бывшего начальника Дальневосточной оперативной таможни Павла Фомина по подозрению в коррупции.

Но это не значит, что коррупция в нашей стране побеждена и это признают руководители государства. В своем ежегодном Послании к Федеральному Собранию России, которое состоялось 20 февраля 2019 г., Президент России В. В. Путин отметил, что «нужно избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативу предпринимательства. Добросовестный бизнес не должен постоянно ходить под статьёй, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного наказания». [1]. Зачастую в конкурентной борьбе привлекаются коррумпированные сотрудники правоохранительных органов с обеих сторон.

Федеральная таможенная служба России (далее — ФТС России) является одним из основных источников пополнения консолидированного бюджета государства. За пять месяцев 2019 г. сумма доходов федерального бюджета, администрируемых таможенными органами, составила 2 277,76 млрд рублей, что на 6,4 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. [2]. Поэтому факты коррупционных проявлений наносят прямой экономический ущерб бюджету нашей страны.

Противодействие коррупционным преступлениям в таможенных органах России (далее — таможенных органах), как и частично в таможенной сфере, осуществляют подразделения по противодействию коррупции.

За 1-й квартал 2019 год по материалам подразделений по противодействию коррупции возбуждено 131 уголовное

дело. Из них по преступлениям коррупционной направленности возбуждено 113 уголовных дел (87 — в отношении 15 должностных лиц таможенных органов и 26 — в отношении 25 взятокдателей). По иным совершенным должностными лицами таможенных органов преступлениям против интересов государственной службы, не носящих коррупционный характер, возбуждено 8 уголовных дел.

По другим составам преступлений (в том числе по частям 1 и 2 статьи 159 УК РФ («Мошенничество»), частям 1 и 2 статьи 160 УК РФ («Присвоение или растрата»), статье 327 УК РФ («Подделка документов»), совершенных как должностными лицами таможенных органов, так и иными лицами, по материалам подразделений по противодействию коррупции возбуждено 10 уголовных дел.

Иными правоохранительными органами за данный период возбуждено 4 уголовных дела по преступлениям коррупционной направленности в отношении 5 должностных лиц таможенных органов. Таким образом, доля уголовных дел коррупционной направленности, возбужденных по материалам подразделений по противодействию коррупции таможенных органов в общем количестве коррупционных уголовных дел, возбужденных всеми правоохранительными органами Российской Федерации в отношении должностных лиц таможенных органов, составила 95,5 %.

Наиболее распространенными видами преступлений коррупционной направленности, выявленных подразделениями по противодействию коррупции в указанный период, являлись: получение взятки (ст. 290 УК РФ, 291.2) — 63 уголовных дела; дача взятки (ст. 291 УК РФ) — 26 уголовных дел; мошенничество, присвоение или растрата (ч.ч. 3, 4 ст. ст. 159, 160 УК РФ) — 20 уголовных дел.

Значительное увеличение количества уголовных дел по ст. 291.2 УК РФ («Мелкое взяточничество — Получение взятки») объясняется принятием следственными органами решений о возбуждении уголовных дел по фактам систематического получения взяток одним и тем же должностным лицом.

По результатам рассмотрения судебными органами уголовных дел, ранее возбужденных по материалам под-

разделений по противодействию коррупции таможенных органов, получены сведения об осуждении 8 должностных лиц таможенных органов и 10 гражданина, 3 из которых взяточдатели [3].

Противодействие коррупции в таможенных органах осуществляется в сложных, постоянно меняющихся условиях, обусловленных формированием таможенных союзов (на смену содружества России, Республики Беларусь и Республики Казахстан пришел ЕАЭС (добавилось два государства-участника: Республика Армения и Кыргызская Республика)), членства России в ВТО, санкций и контрсанкций между Россией и другими странами, постоянно меняющейся нормативной базой и реформирования самих таможенных органов. К тому же таможенное дело невозможно без осуществления внешнеэкономической деятельности, а коррупция является острой проблемой для всех государств.

В условиях непрерывного воздействия коррупционных угроз, как внешних, так и внутренних, значительного сокращения времени на осуществление таможенного контроля и непосредственного общения участников внешнеэкономической деятельности с сотрудниками таможенных органов, либерализации российского законодательства основным способом получения информации о коррупционных правонарушениях в сфере таможенного дела становится оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД).

Это ставит перед нами задачу выработки эффективного механизма противодействия коррупционным преступлениям в таможенных органах, их своевременного пресечения, в первую очередь с использованием сил, средств, форм и методов ОРД, направленный на добывание информации о коррупционных преступлениях и угрозах собственной безопасности, оперативно-розыскного предупреждения, и функционирующий прежде всего в целях максимального пополнения доходной части федерального бюджета.

Результаты исследования использования ОРД в повседневной оперативно-служебной деятельности подразделений по противодействию коррупции таможенных органов в современных условиях, постоянном изменении форм и способов коррупционных деяний, пробелов в российском антикоррупционном и оперативно-розыском законодательстве, позволяют сделать вывод, что данный вид деятельности не достаточно адаптирован к сложившейся оперативной обстановке, вследствие чего используется не достаточно эффективно и не в полном объеме. Расстановка сил и средств подразделений по противодействию коррупции таможенных органах не в полной мере соответствуют произошедшим изменениям в таможенной сфере и организационно-штатной структуре таможенных органов. При наличии функционирующей общей системы по противодействию коррупции в таможенных органах, специальная часть системы по противодействию коррупции имеет значительный не используемый потенциал. Формы и способы по противодействию коррупции в та-

моженных органах в условиях функционирования таможенных союзов и членства России в ВТО не разработаны.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость повышения эффективности ОРД по противодействию коррупции в таможенных органах, как следствие ее теоретического обоснования, которое является актуальным, своевременным и значимым.

Нами проведено исследование с целью изучить, выявить закономерности, определить проблемы и предложить варианты решения этих проблем. Результаты исследования апробированы и внедрены в практику деятельности подразделений по противодействию коррупции Северо-Западного, Центрального и Сибирского таможенных управлений, Калужской таможни, Центральной оперативной таможни, Главного управления на транспорте МВД России, использованы в учебном процессе Российской таможенной академии. Основные результаты работы апробированы на 24 международных и 17 всероссийских и иных научно-практических конференциях, проходивших в ФТС России, Российской таможенной академии, ВНИИ МВД России, Академии экономической безопасности МВД России, Нижегородской академии МВД России, Уфимском юридическом институте МВД России, Академии ФСБ России, Академии Генеральной прокуратуры России, Академии Следственного комитета России, Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, Московском гуманитарно-экономическом институте, Волжской государственной академии водного транспорта, Российском государственном социальном университете, Юридическом институте Сибирского федерального университета. Проведено анкетирование 425 оперативных сотрудников подразделений по противодействию коррупции (собственной безопасности) таможенных органов по вопросам организации ОРД таможенных органов, использования результатов ОРД в процессе расследования коррупционных преступлений, а также организации международного, межведомственного и внутриведомственного взаимодействия.

Проведенный в ходе исследования ретроспективный анализ противодействия коррупционным проявлениям в таможенных органах с использованием ОРД позволяет выделить четыре основных этапа:

1-й этап — XVII — XVIII вв. — в этот период были сформированы правовые и организационные основы сыскной работы таможенных органов по выявлению коррупционных преступлений. Они были закреплены в Соборном Уложении 1649 г., Именных царских Указах (1653, 1654, 1677, 1681 и 1693 гг.) и получили дальнейшее развитие в Указах Петра I (1723 г.), Елизаветы Петровны (1753, 1754 гг.) и Екатерины II (1782 г.). В этот период сформировалась государственная система мер по противодействию коррупционным преступлениям в таможенных органах и были созданы специальные подразделения и институты: «особой таможенной цепи и стражи» и «местных фискалов и осведомителей»,

а также появился «прародитель» подразделений по противодействию коррупции в лице советника таможенных дел Казенной палаты в должностные обязанности которого входило, наряду с другими функциями, выявление в таможенных преступлениях, допущенные лицами таможенной службы.

2-й этап — начало XIX в. — 1917 г. — в данный период происходило совершенствование системы сыскных мер по борьбе с коррупционными проявлениями в сфере таможенного дела. Стали использовать такие методы, как «разведывание через донос» (1819 г.), агентурную работу и организацию розыска контрабандистов, их пособников из числа таможенников. В 1827 г. в Таможенной пограничной страже созданы «подвижные колонны», на которых были возложены функции по выявлению должностных преступлений, в том числе коррупционной направленности.

3-й этап — 1918—1991 гг. — характеризовался полным прекращением сыскной (оперативно-розыскной) деятельности таможенных органов имперской России, увольнением сотрудников, имевших опыт данной работы, и разрушением агентурного аппарата. Полномочия на ведение сыска были переданы в органы госбезопасности и милицию, которым официально было запрещено вмешиваться в сферу деятельности таможен. Таможенные органы осуществляли борьбу с преступлениями в сфере ВЭД во взаимодействии с другими правоохранительными органами экономическими методами, а противодействие коррупции осуществляли в основном органы госбезопасности. Таможенные органы не имели своего основного инструмента противодействия коррупции и контрабанде, каким является ОРД.

4-й этап — с 1991 г. по настоящее время. В этот период были сформированы предпосылки, а затем таможенным органам возвращено право осуществления ОРД, в том числе и для противодействия коррупции.

Периодизация противодействия коррупционным проявлениям в таможенных органах с использованием ОРД позволила выявить тенденцию на активное применение специальных форм и методов, а также с учетом возвращения таможенным органам право на осуществление ОРД более чем через 80-летний перерыв, обосновать актуальную необходимость осуществления ОРД таможенными органами.

Исходя из генезиса и правоприменительной практики с учетом особенностей ОРД по противодействию коррупционным преступлениям в таможенной сфере сформулировано ее определение: ОРД таможенных органов по противодействию коррупционным преступлениям — это исторически сложившаяся деятельность, осуществляемая уполномоченными оперативными подразделениями, в соответствии с Конституцией России, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными правовыми актами, путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), с использованием содействия граждан, в целях защиты таможенных органов от

преступных посягательств коррупционной направленности, а также обеспечения экономической и собственной безопасности.

Данная формулировка конкретизирует ОРД таможенных органов по противодействию коррупционным преступлениям, позволяя выстроить систему оперативно-розыскных мер предупреждения и пресечения по противодействию коррупции, которая соответствует складывающейся оперативной обстановке.

По нашему мнению, система оперативно-розыскных мер предупреждения и пресечения по противодействию коррупционных преступлений в таможенных органах должна включать:

1) оперативно-розыскные меры по предупреждению, включающие профилактику коррупции, являющиеся частью оперативно-розыскного предупреждения;

2) меры по оперативно-розыскному выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных преступлений применяются в случаях, когда меры оперативно-розыскного предупреждения и профилактики оказались не достаточно эффективными;

3) меры по оперативно-розыскной минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных деяний осуществляются как на доследственном этапе, так и после возбуждения уголовного дела, также являются составной частью оперативно-розыскного предупреждения;

4) меры по оперативно-розыскному антикоррупционному мониторингу осуществляются на основе мотивированного запроса соответствующих государственных органов;

5) меры по обучению, подготовке оперативного состава таможенных органов, осуществляющего противодействие коррупции и проведению научных исследований в этой области.

Выстраивание и реализация предложенной системы мер позволит осуществлять предупреждение и пресечение коррупционных преступлений с большей эффективностью, используя как меры специального, так и общего характера.

По нашему мнению и мнению опрошенных действующих сотрудников подразделений по противодействию коррупции таможенных органов, наиболее действенным методом по оперативно-розыскному выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных преступлений является проведение ОРМ «оперативный эксперимент».

По результатам проведенного исследования сформулировано следующее авторское определение: «Оперативный эксперимент — это санкционированное в установленном законом порядке (ведомственным и судебном) изучение поведения лица в искусственно созданных управляемых или контролируемых условиях либо проведение иных опытных действий, непосредственно не связанных с поведением лица, для получения информации, которой проведут и (или) уточняют имеющиеся сведения о приготовлении, покушении или совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления».

Использование данной дефиниции в условиях отсутствия законодательного определения позволяет ограничить рамки и условия его определения, тем самым повысить его эффективность и исключив возможность признания его результатов процессуально недопустимыми, а в отдельных случаях и провокацией.

В целях повышения эффективности организации взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС по противодействию коррупции целесообразно принять Протокол «О сотрудничестве в области противодействия коррупции, обеспечения собственной безопасности таможенных служб государств-членов ЕАЭС», проект которого нами разработан в процессе исследования.

Данный Протокол позволит обеспечить взаимодействие в организационном, информационном поле, при организации обучения личного состава, а также станет основой для проведения совместных ОРМ на территориях стран-участниц союза.

Для повышения эффективности противодействия коррупции в таможенных органах целесообразно продолжить работу по совершенствованию нормативного правового обеспечения организации взаимодействия между ФТС России и Следственного комитета России (далее — СК России). В этих целях целесообразно принять межведомственную Инструкцию «По организации и порядке взаимодействия подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации со следственными подразделениями СК России в раскрытии должностных, в том числе коррупционных преступлений», разработанную в процессе исследования.

Положения данного документа описывают алгоритм взаимодействия между сторонами на каждом этапе, от момента принятия решения о наличии состава преступления, выявленного в результате ОРД, до расследования уголовного дела, с четко разделением на организаторов и подчиненных сторон.

Литература:

1. Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: \ http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 06.06.2019 г.).
2. Официальный сайт ФТС России [Электронный ресурс]. URL: \ http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27469:2019-06-06-09-21-19&catid=40:2011-01-24-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (дата обращения: 06.06.2019 г.).
3. Официальный сайт ФТС России [Электронный ресурс]. URL: \ http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27339:—1-2019-&catid=76:2011-01-25&Itemid=1856 (дата обращения: 06.06.2019 г.).

Анализ положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» показал, что с целью конкретизации его норм для противодействия коррупции целесообразно принять следующие предложения по его совершенствованию:

— дополнить ст. 2 ч. 5 «добывание информации о лицах, нарушающих нормативные правовые акты Российской Федерации в области противодействия коррупции»;

Необходимость расширения круга задач ОРД обусловлена тем, что имеющиеся задачи не охватывают предусмотренные данным законом основания для проведения ОРМ в области противодействия коррупции.

— ч. 3 ст. 7 изложить в следующей редакции: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в том числе, при наличии запроса, направленного в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», другими нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции, в пределах своих полномочий проводят оперативно-розыскные мероприятия в целях добывания информации, необходимой для принятия решений:».

Действующая в настоящее время редакция данной части закона предусматривает проведения ОРМ только на основании поступившего запроса и не предусматривает возможность уполномоченным оперативным подразделениям проводить ОРМ инициативно для получения информации о нарушениях в области противодействия коррупции.

Таким образом, сформулированные предложения, по нашему мнению, позволят использовать полученные в ходе исследования результаты для повышения эффективности деятельности оперативных подразделений таможенных органов России по противодействию коррупционным преступлениям.

Правовой режим имущества супругов: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Японии

Черноколпакова Ирина Дмитриевна, студент;
Научный руководитель: Пурге Анна Роландовна, старший преподаватель
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Статья посвящена сравнительному анализу правового режима имущества супругов по законодательству Российской Федерации и Японии. На сегодняшний день брачно-семейные отношения в России и в Японии находятся в состоянии острого кризиса, который связан с психологическими, демографическими, социальными и экономическими проблемами. Поэтому одними из важных вопросов в брачно-семейных взаимоотношениях являются вопросы по заключению и расторжению браков, личных и имущественных отношений между супругами, разделу имущества супругов и другие проблемные аспекты.

Ключевые слова: институт брака, собственность, супруги, брачный договор, равные права, режим имущества; расторжение брака.

В соответствии с законодательством Российской Федерации брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния, порождает разные по своей правовой природе права и обязанности супругов.

Согласно с российским законодательством по общему правилу все имущество, нажитое супругами в браке, является их общей собственностью, которой они владеют в равных долях, за исключением личного имущества каждого из супруга, если иное не установлено в брачном договоре. Также режим собственности супругов может быть изменен брачным договором или соглашением о разделе имущества.

В ходе проведенного исследования и анализа правовых норм России и Японии, можно убедиться в том, что правовые системы изученных стран разные. Первое на что стоит обратить внимание, это законодательство данных стран.

Если в Российской Федерации это постоянно изменяющиеся федеральные законы, такие как Гражданский кодекс РФ [1], Семейный кодекс РФ [2], Гражданский процессуальный кодекс РФ [3] и другие, то в Японии это всего лишь — Японский Гражданский кодекс 1898 года [4] и Конституция Японии 1947 года [5].

Возможно, данное обстоятельство показывает Японию, как страну с многовековыми традициями и обычаями, проявляющимися в постоянстве законодательства.

В законодательстве Японии имеется проблема в виде отсутствия отдельного нормативного акта — Семейного кодекса Японии, который бы стал регулятором в брачно-семейных отношениях, а также в вопросах семьи, брака и развода.

Несмотря на языковой барьер в изучении японского законодательства, мы можем предположить, что Конституция Японии [5] и Гражданский кодекс Японии [4] написаны довольно простым языком и являются доступным для ознакомления. Что нельзя сказать про законодательство нашей страны, постоянные изменения, дополнения, а то и просто введения в действия нового закона во многом усложняют жизнь обычных граждан.

С одной стороны — это хорошо, так как законодательство постоянно реформируется и соответствует современным реалиям, а с другой стороны — людям, не обладающим профессиональными знаниями в данной отрасли права, будет нелегко разобраться во всех новых нормах законодательства, соотнести их между собой и найти нужную норму для применения к конкретной ситуации.

Итак, начнем с брачного возраста, в России — это, по общему правилу, 18 лет — возраст совершеннолетия, также, согласно с п. 2 статьи 13 СК РФ [2], если имеются уважительные причины, то органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет.

В Японии брачный возраст таков: для мужчин — достижение восемнадцатилетнего возраста, а для женщин с шестнадцати лет, в соответствии со статьей 731 Гражданского кодекса Японии [4]. Существенным отличием от нашей страны является наличие критического брачного возраста для женщины. После преодоления определённого возрастного порога, женщина переходит в разряд «урэенокори», то есть она приобретает статус ненужного, залежалого товара. Но в каждой провинции этот возраст может быть изменён, равно как и минимальный брачный возраст, согласно с региональными возрастными рамками, которые не должны противоречить Гражданскому кодексу Японии [4].

Возможно, брачный возраст в Японии необходимо скорректировать и установить его, как в России — достижение восемнадцатилетнего возраста, тем самым, можно на законодательном уровне уравнивать женщин и мужчин в их праве на заключение брака.

К сожалению, согласно со статистикой Россия относится к странам с самым высоким уровнем разводов и занимает второе место в двадцатке стран с показателем 4,5 развода на 1000 человек [6].

Согласно со статистикой за период с января по май 2019 года было заключено 6129 браков. За этот период

органы ЗАГС зарегистрировали 5553 развода. По имеющимся данным чаще всего семьи распадаются в «кризисный» период — это пять — девять лет. В текущем году, уже 25,8 % браков распалось именно в данный временной цикл [7].

Согласно данным за 2019 год, представленным Федеральной службой государственной статистики, брачный возраст за последние 25 лет в среднем увеличился на 4 года. В первый брак мужчина вступает в среднем в 27,8 лет, а женщина — в 24,6 года. Тем не менее, на начало 2019 года уже 705 мужчин вступили в брак в возрасте моложе 18 лет и 6825 женщин [7].

Япония же находится на двадцать шестом месте в мире по количеству разводов. Уровень разводов среди молодежи по всей Японии довольно высок: около 60 % женщин возрасте до девятнадцати лет и 40 % женщин в возрасте от 20 до 24 лет. С 1969 года наблюдается тенденция к росту «дзюкунэн рикон», то есть к «разводу в зрелом возрасте» у супружеских пар в возрасте 50–59 лет, и у супругов, которые прожили вместе более двадцати пяти лет [8].

Вероятно, что главными проблемами прекращения брачно-семейных отношений супругов в нашей стране является жилищная проблема, материальное положение сторон, а также асоциальные привычки, такие как, наркомания и алкоголизм.

Особое значение Японское правительство уделяет для решения острой проблемы в семейных узах, для этого в 2007 году была введена программа мероприятий «Гармонизация семейной жизни и рабочего процесса» — «Work-Life Balance» [9].

Программа включает проведенные мероприятия на основе опыта прошлых лет: в 1972 году был издан Закон о «Благосостоянии работающих японских женщин», цель которого стабилизировать трудовую и семейную жизнь; в 1995 году вступил в силу Закон «Забота о детях и семье» и в 1999 году введены программы «поощрения семейных компаний». Цель данных программ — поддерживать устойчивое общество, избегая разводов, а значит, и поднимать уровень рождаемости [10].

Как и в России, Японское правительство пытается уменьшить количество распадающихся союзов с помощью ведения грамотной политики в области семейных взаимоотношений.

В Японии не принято выставлять конфликтные ситуации, возникающие между супруги на публику, однако в 1949 году был учрежден Суд по семейным делам. Перед началом бракоразводной процедуры суд в рамках судебного процесса принимать меры по примирению сторон и регулирует споры между родителями и детьми. Суд по семейным делам регулирует один из важных моментов в процедуре развода — раздел имущества и отношения бывших супругов после официального прекращения отношений. В России же бракоразводными процедурами между супругами занимаются районные суды и мировые суды.

В России супруги часто делят даже бытовые приборы, например, холодильник марки «LG», данный пример можно увидеть в ходе анализа судебной практике. Так согласно с решением Мирового судьи 12 судебного участка Черновского района г. Читы от 26.07.2016 г. по делу № 2–2418/2016 [11]: «истец Гордеев обратился в суд к ответчику Гордеевой с исковыми требованиями о признании доли в совместном имуществе супругов равными, и о разделе общего имущества — холодильника марки «LG». Истец требует оставить данный холодильник ему, а ответчице компенсировать его стоимость в размере 15 745 рублей из средств истца.

В обоснование исковых требований истец указал, что за время брака супругами нажито совместное имущество — холодильник, стоимостью 31 490 рублей, это подтверждается товарным чеком, разделить данное имущество в добровольном порядке не представляется возможным.

Суд приходит к выводу, что холодильник является совместным имуществом супругов и подлежит разделу между сторонами в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 39 СК РФ. Указанное имущество имеется в наличии, договор относительно их долей в общем имуществе не заключался. Таким образом, на данное имущество распространяется законный режим совместной собственности супругов». При разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами.

Если проводить сравнение по видам режимов имущества супругов при разводе, то тут они одинаковы, в обеих странах — два основных законный режим и договорный режим. Однако относительно регулирования самих режимов существуют различия, например, в том что в России после государственной регистрации брака между супругами возникают имущественные правоотношения.

Законный режим имущества супругов в России — режим совместной собственности супругов (в соответствии с п. 1 ст. 33 СК РФ) [2]. Совместная собственность супругов, определяется как имущество, которое нажито супругами во время брака, согласно со ст. 256 ГК РФ [1], ст. 34 СК РФ [2].

Следовательно, для регулирования имущественных отношений супругов необходим сам факт регистрации отношений между мужчиной и женщиной, основанный на принципе добровольности сторон, а вот в Японии немного по-другому.

В законодательстве Японии также предусмотрены принципы формирования семьи, такие как принцип взаимного согласия мужчины и женщины, равенства их прав и обязанностей, а также принцип государственной поддержки семьи.

Законный режим собственности супругов так же, как и в России, имеет место в случае, когда супруги не заключают «добрачный договор». Гражданским кодексом Японии закреплено право владельца на распоряжение личным имуществом по своему желанию, например, не-

движимостью, купленной до вступления в брак или полученной по завещанию. В рамках такой системы индивидуальной собственности на вещь мужа или жены распространяется право свободно распоряжаться данным имуществом по своему усмотрению, включая право определить судьбу вещи после смерти собственника.

Японское гражданское законодательство предусматривает и совместную собственность супругов, то есть если между сторонами не заключено «добрачное соглашение», то все имущество, которое было приобретено на общие средства и в период совместного проживания супругов в период брака, является их совместной собственностью и подлежит разделу в равных долях или согласно с долей каждого.

Такой вид раздела имущества также используется и в российской правовой системе. Существенным отличием в договорном режиме имущества супругов в Японии является заключение брачного договора еще до заключения брака, тем самым, брачный контракт принимает на себя форму «добрачного соглашения».

В соответствии с нормой статьи 755 Гражданского кодекса Японии [4] стороны «добрачного соглашения» могут определять его содержание, однако к форме предъявляются строгие требования, брачный договор действителен лишь в случае его заключения до момента подачи заявления о вступлении в брак.

Юридическим основанием применения того или иного режима может быть либо брачный договор, либо сам закон (легальный режим). Как брачный договор, так и закон может предусматривать любой из режимов имущества супругов [12].

И в России и в Японии действует принцип моногамии, то есть единобрачие. Также в обеих странах распространен гражданский брак, при котором граждане совместно проживают и живут, так, если бы они были женаты, то без подачи заявления о регистрации брака. Японцы называют такой тип отношений, как «брак по общему праву». Гражданские союзы в Японии имеют все те же обязанности, что и законные браки также включая обязанность жить вместе, помогать друг другу и оставаться верными.

Хочется отметить также, что японские супружеские пары обязаны оставаться верными друг другу. И когда данная норма нарушена и наступает бракоразводный процесс, то суды часто присуждают компенсацию одному из супругов за моральные и физические страдания. Конечно, в нашей стране очень распространены разводы именно по причине супружеской измены и, возможно, если бы данная норма также была закреплена в российском законодательстве, то, скорее всего, количество неверных супругов, а значит и разрушенных браков уменьшилось.

Обобщая высказанное, хочется сказать, что, как и любой другой стране в российской и японской правовой системе имеются свои проблемные моменты, требующие решения со стороны государства. Таким образом, в Японии и в России отличается возраст вступления

в брак, при этом должны быть соблюдены принципы свободы и волеизъявления сторон. При прекращении брачно-семейных отношений супруги могут попытаться самостоятельно урегулировать вопрос раздела совместного (общего) имущества. А в случае отсутствия компромисса могут обратиться в суд.

Японский законный режим имущества супругов во много схож с российским и также, как имеет место в случае, когда супруги не заключают «добрачный договор». «Добрачный договор» или брачный договор — договорный режим имущества супругов и тут главным отличием является его заключение сторонами до регистрации брака. В случае если брачный договор все-таки был заключен уже после вступления супругов в брак, он подлежит аннулированию и, тем самым, возникающие имущественные взаимоотношения регулируются нормами Гражданского законодательства Японии.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется сказать, что России не хватает, например, такой умной системы для регистрации граждан начиная с их рождения и заканчивая смертью. Такая концепция имеется в японском праве и носит официальное название «Косэки» или книга семейного реестра.

Введение данной системы избавит государственные органы от «перегруза» со стороны населения, а граждан — от огромных очередей, например, при получении свидетельства о рождении ребенка, или его усыновлении или получении свидетельства о заключении брака и другие. Внедрение такой электронной системы позволит сэкономить время, которое тратится на проведение данной процедуры, также избавит от огромного количества документов, так как все будет храниться в электронной базе данных.

Японскому законодателю можно посоветовать все-таки, уравнивать возраст вступления мужчины и женщины в брак, а также кодифицировать брачно-семейные отношения в отдельный нормативно-правовой акт — Семейный кодекс Японии. Это позволит более точно обобщить нормы Конституции Японии 1947 г. и Гражданского кодекса Японии 1898 г.

Исходя из анализа японского права, можно сделать вывод, что в соответствии с гражданским законодательством Японии вопросы, связанные с имущественными отношениями, определяются супругами в «добрачном соглашении», а при его отсутствии необходимо следовать положениям, установленным Гражданским кодексом Японии. Следует отметить, что примеры заключения брачных договоров в японской практике крайне редки, поэтому имущественные отношения между супругами в подавляющем большинстве случаев регулируются нормами гражданского законодательства.

Законодательство Японии не регулирует раздел имущества пар, которые не состоят в официальном браке. Согласно со статьей 763 Гражданского кодекса Японии супруги могут разводиться только по взаимному согласию [4].

Японское гражданское законодательство, как и российское, предусматривает совместную собственность супругов, то есть если между сторонами не заключено «добрачное соглашение», то все имущество, которое было приобретено на общие средства и в период совместного проживания супругов в период брака, является их совместной собственностью и подлежит разделу в равных долях или согласно с долей каждого.

Согласно со статистикой Россия занимает лидирующее положение в мире по количеству разводов, тем самым, нашей стране необходимо включить в законодательство нормы, касающиеся денежной компенсации одной из

сторон за моральные и физические страдания, возможно, это станет одним из толчков в изменении демографической ситуации в России. норма также была закреплена в российском законодательстве, то, скорее всего, количество неверных супругов, а значит и разрушенных браков уменьшилось.

Что касается японского права, то в целом оно не требует явных изменений и корректировок, необходимо лишь ввести отдельный нормативно-правовой акт, то есть Семейный кодекс Японии, который бы регулировал брачно-семейные отношения между супругами и их детьми.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
4. Japanese Civil Code. Part IV and Part V. Art. 725–1044. (Tentative translation) [Electronic resource] // Japanese Law Translation. — URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=2252&vm=04&re=01>.
5. Конституции Японии от 3 мая 1947 г. [Электронный ресурс] / Конституции государств (стран) мира: интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. — Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=37>.
6. Россия стала мировым лидером по разводам [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический блог. — Режим доступа: <https://blogs.elenasmodels.com/ru/razvody-rossiya/>
7. Количество браков в России в 2019 году [Электронный ресурс] // Линия права. — Режим доступа: http://152-zakon.ru/kolichestvo-brakov-v-rossii-2018-godu-12444/#__2019-3.
8. 3組に1組のカップルは離婚している？日本って離婚率高いんだね。 [One of three married couples is divorced. Japan has a high divorce rate, isn't it?] [Electronic resource] — 29.10.2017. — URL: <http://matome.naver.jp/odai/2135934983301998101> (accessed: 18.11.2017). [in Japanese].
9. Воркина, К. С. Особенности развода в современной Японии [Электронный ресурс] / К. С. Воркина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 12–2 (66). — с. 31–33. — Режим доступа: <https://research-journal.org/culture/osobennosti-razvoda-v-sovremennoj-yaponii/>.
10. Labor Situation in Japan and its Analysis: Detailed Exposition 2012/2013 // The Japan Institute for Labour Policy and Training. — 2013. — P. 38. [Electronic resource] — URL: <https://research-journal.org/culture/osobennosti-razvoda-v-sovremennoj-yaponii/>.
11. Решение Мирового судьи 12 судебного участка Черновского района г. Читы от 26.07.2016/ [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/magistrate/doc/sBvzY06tiift/>.
12. Зенин, И. А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учебное пособие, руководство по изучению дисциплины, практикум по изучению дисциплины, учебная программа [Электронный ресурс] / И. А. Зенин. — Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. 5-е изд. Вып. 5 — М.: МЭСИ, 2005. — с. 194 — Режим доступа: http://elibrary.bsu.az/books_200/N_50.pdf

Сущность процессуальной самостоятельности следователя

Шавлак Дмитрий Владимирович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: следователь, полномочия следователя, процессуальная самостоятельность следователя.

В соответствии п. 41 ст. 5 УПК РФ, следователем является должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные Кодексом. Данное положение дублируется в ст. 38 УПК РФ, которая посвящена полномочиям следователя в российском уголовном процессе.

В соответствии с современной состязательной моделью построения уголовно-процессуальной деятельности следователь отнесен к стороне обвинения и на него возложена обязанность осуществления уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ). Именно этим обстоятельством определяется процессуальное положение (статус) следователя при осуществлении им уголовно-процессуальной деятельности. В качестве значимого элемента правового статуса следователя принято выделять его процессуальную самостоятельность, так как именно она во многом определяет надлежащее установление следователем обстоятельств совершенного преступления и обеспечение прав и интересов участников предварительного следствия.

Процессуальная самостоятельность следователя закреплена в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ как нормативное положение. Однако в законе не дано четкого понятия процессуальной самостоятельности вообще и следователя, в частности. В процессуальной же литературе вопросы, касающиеся сущности, понятия и роли процессуальной самостоятельности следователя, на протяжении многих лет остаются достаточно спорными. При этом споры вызывает как место процессуальной самостоятельности в правовом положении следователя, так, собственно, и суть, содержание процессуальной самостоятельности.

Более полувека назад Г. М. Ясинский писал, что «процессуальная самостоятельность следователя заключается в праве решать по своему внутреннему убеждению, основанному на материалах дела, и в соответствии с законом важнейшие вопросы следствия. Процессуальная самостоятельность в то же время обязывает следователя проявлять инициативу в деле обеспечения правильного направления следствия, своевременного производства необходимых следственных действий [1]».

Похожее определение процессуальной самостоятельности следователя «как важного элемента его статуса, состоящего в праве самостоятельно принимать все решения о направлении следствия и производстве следственных действий и полной ответственности за их законное и своевременное проведение», давал А. А. Клейн [2].

Похожую интерпретацию понятия самостоятельности следователя дает Хорьяков С. Н., говоря, что «процес-

суальная самостоятельность следователя представляет собой нормативное предписание, обеспечивающее возможность осуществления данным должностным лицом процессуальных действий и принятия процессуальных решений по своему внутреннему убеждению, основанному на законе и совести [3]».

Некоторые авторы полагают, что понятие процессуальной самостоятельности следователя, прежде всего, включает в себя возможность на базе внутреннего убеждения оценивать доказательства и принимать решения по основополагающим вопросам предварительного следствия. Так, Б. Б. Степанов считал, что «процессуальная самостоятельность связана с решениями и действиями следователя по возбуждению уголовного дела, направлению хода расследования, окончанием производства по делу, с его правом принимать и осуществлять их по своему усмотрению, основанному на оценке доказательств, в целях достижения задач уголовного судопроизводства [4]».

Согласно позиции других авторов, основой процессуальной самостоятельности следователя является наличие у следователя возможности отстаивания своего решения. Определяя понятие «процессуальная самостоятельность следователя», основным его компонентом они считают возможность отстаивать собственное решение, принятое на основании действующего закона и внутреннего убеждения.

Один из элементов процессуальной самостоятельности следователя — это его право на обжалование указаний руководителя следственного органа, в случае если следователь не согласен с ними.

Как отмечает Гуляев А. П., процессуальная самостоятельность следователя включает в себя его право не соглашаться с указаниями начальника следственного отдела по наиболее существенным вопросам расследования, а также право в любой момент приступить к производству предварительного следствия, не дожидаясь выполнения органом дознания неотложных следственных действий по делам, по которым предварительное следствие обязательно [5].

Некоторыми специалистами высказывается мнение, что сегодня процессуальная самостоятельность следователя является сомнительной по причине тотального контроля со стороны руководителя следственного органа и что следователь лишь выполняет указания и распоряжения руководителя. Руководитель следственного органа является начальником не только с процессуальной точки зрения, но и с административной. Следователь, не обладая должным авторитетом (причинами могут быть не-

опытность следователя или черты характера), не сможет отстоять свою позицию по процессуальным решениям и процессуальным действиям, если его мнение не совпадает со мнением руководителя следственного органа. Руководитель, напротив, обладает большим статусом, в том числе и административным, чтобы проводить расследование, не учитывая внутреннее убеждение следователя, в производстве которого находится уголовное дело.

Некоторые авторы рассматривают процессуальную самостоятельность следователя как правовой институт. Например, Сулейманова Г. Ж. пишет, что «институт процессуальной самостоятельности следователя составляют нормы, которые предусматривают права, обеспечивающие его личную инициативу и активность при решении вопросов, возникающих при производстве предварительного следствия по делу [6]».

Мы с данным подходом не согласны. Исходя из общей теории правовой институт — это сравнительно небольшая, устойчивая группа правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений [7]. Если юридическая норма — «исходный» элемент, «живая» клеточка правовой материи, то правовой институт представляет собой первичную правовую общность. Правовые институты предназначены для регулирования небольшого участка, фрагмента общественной жизни, правоотношений. Институт права является составным элементом отрасли, но при этом обладают относительной самостоятельностью, так как затрагивают узкие вопросы данной отрасли. При этом стоит понимать, что правовой институт лишь во взаимодействии с другими институтами и отраслями может обеспечить правовое регулирование. Учитывая изложенное выше, можно сделать вывод, что процессуальная самостоятельность следователя не может быть правовым институтом.

В специальной литературе существует точка зрения о том, что процессуальную самостоятельность следо-

вателя необходимо рассматривать в качестве принципа уголовного судопроизводства. Основанием для этого является основополагающее значение положения о процессуальной самостоятельности следователя для осуществления досудебного производства по уголовным делам. Данный принцип оказывает непосредственное воздействие на деятельность следователя, на конструирование правовых инструментов предварительного расследования. Такого мнения придерживается и Степанов Б. Б., утверждая, что процессуальную самостоятельность следователя надо рассматривать как принцип уголовного судопроизводства, который должен стать основой всей процессуальной деятельности следователя. Степанов Б. Б. также отмечает, что данный принцип должен действовать непосредственно и раскрываться в конкретных, более частых нормах закона, он должен стать основой регулирования порядка производства по уголовным делам и правового положения участников процесса, служить базой развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Достаточно распространенной в уголовно-процессуальной доктрине является позиция о том, что процессуальная самостоятельность следователя представляет собой одно из общих условий предварительного расследования. В общем виде под условиями предварительного расследования понимают как установленные законом и обусловленные принципами уголовного процесса правила расследования уголовных дел, в которых выражаются специфические особенности стадии предварительного расследования и заключаются правовые требования, предъявляемые к порядку производства процессуальных действий и принятию решений в этой стадии процесса, обеспечивающие единый и обязательный процессуальный порядок расследования по любому уголовному делу.

Литература:

1. Ясинский, Г. М. О процессуальной самостоятельности следователя / Ясинский Г. М. // Советское государство и право. — 1964. — № 9. — с. 64.
2. Клейн, А. А. Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук / Клейн А. А. — Москва, 1992. — 26 с.
3. Хорьяков, С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя: дис. ... канд. юрид. наук / Хорьяков С. Н. — Москва, 2006. — 211 с.
4. Степанов, Б. Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений: автореф. дис.... канд. наук / Степанов Б. Б. — Москва, 2007. — 27 с.
5. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе: дис. ... канд. Юрид. наук / Гуляев А. П. — Москва, 2013. — 192 с.
6. Сулейманова, Г. Ж. Уголовно-процессуальная ответственность следователя: дис.... канд. юрид. наук / Сулейманова Г. Ж. — Москва, 1988. — 218 с.
7. Матузов, Н. И., Теория государства и права: учеб. Для вузов/ Матузов Н. И., Малько А. В. — М.: Дело, 2017. — 528 с.

Институт права собственности на жилые помещения в России. Приватизация и деприватизация как особые инструменты возникновения и прекращения права собственности на жилье

Щукина Ольга Владимировна, студент магистратуры
Российская академия адвокатуры и нотариата (г. Москва)

Петрякова Антонина Васильевна, старший преподаватель
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Институт права собственности на жилые помещения в Российской Федерации сложился относительно недавно.

В Конституции РСФСР 1978 г. указывалось, что наряду с иными многочисленными объектами в исключительной собственности государства находится основной городской жилищный фонд. [5; с. 163]

К личной собственности граждан указанный источник относил жилой дом, то есть некое изолированное строение (сооружение), предназначенное для проживания в нем. Таким образом, квартиры в многоквартирных домах являлись объектами исключительно государственной собственности.

Конституция РСФСР в указанной выше редакции существовала неизменно вплоть до 15 декабря 1990 года, когда в нее были внесены масштабные поправки, затронувшие и экономическую систему республики.

15 декабря 1990 г. был принят Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР». Из текста Конституции РСФСР было исключено упоминание о социалистической собственности как основе экономической системы страны. В ст. 10 указывалось, что «государство создает условия, необходимые для развития разнообразных форм собственности, и обеспечивает равную защиту всем формам собственности». [2; с. 239]

С этого момента в России начал активно развиваться институт права собственности.

Еще ранее в СССР был принят Закон от 26.05.1988 N 8998-XI «О кооперации в СССР». Строительные кооперативы, которые создавали граждане с целью улучшения своих жилищных условий, стали основой формирования первичного частного жилого фонда в России.

Принятый 4 июля 1991 г. Закон РФ N 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» ввел принципиально новое понятие в российскую правовую систему — понятие «приватизация».

Согласно ст. 1 указанного закона приватизация жилых помещений — бесплатная передача в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде, а для граждан Российской Федерации, забронировавших занимаемые жилые помещения, — по месту бронирования жилых помещений. [1]

Так начал свое формирование и стремительное развитие рынок вторичного жилья в РФ.

Таким образом, история становления института права собственности на жилые помещения в многоквартирных домах насчитывает чуть более тридцати лет, находится в настоящее время в стадии роста и развития.

Время диктует новые вызовы. Законотворческая деятельность государства в сфере права собственности на жилые помещения делает попытки адаптации к условиям, которые исходят от экономических и социальных тенденций в стране.

Если изначально кооперативное жилищное строительство обеспечивало граждан жилыми помещениями для личных нужд, если приватизация изначально явилась основой зарождения частной собственности граждан на свое жилое помещение, в котором они непосредственно проживали, то в настоящее время произошла значительная трансформация общественного сознания, выросло благосостояние отдельных слоев населения, в связи с чем в России зародилась новая категория граждан — «рантье», живущих преимущественно за счет доходов с капитала, размещенного в числе прочего и в жилой фонд.

С другой стороны, население, находящее в трудной финансовой ситуации, массово сдает свои ранее приватизированные или приобретенные иным образом в собственность жилые помещения или их части другим лицам для целей проживания. Есть и категория населения, скажем, в курортных регионах страны, для которых сдача квартир в «посуточную аренду» рассматривается источником доходов традиционно ввиду высокого спроса на данный вид услуг в сезон отпусков.

Появление такой вариативности в использовании жилых помещений, безусловно, влечет за собой необходимость государства адаптироваться к данным условиям, учитывая необходимость поддержания экономической и социальной стабильности в стране, баланса интересов граждан и бизнеса.

Как уже ранее говорилось, в соответствии с Законом о приватизации приватизация жилых помещений — бесплатная передача в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений.

Такой порядок возникновения права собственности уникален для российской правовой системы и для правовой системы мира.

С одной стороны, можно рассматривать данные правоотношения как некий вариант дарения, поскольку имущество передается в собственность бесплатно.

С другой стороны, дарение предполагает в первую очередь инициативу дарителя: именно он изъявляет желание подарить имущество, а одаряемый, в свою очередь, вправе принять дар или отказаться.

В случае же с приватизацией инициатива на стороне именно «одаряемого»; гражданин в целях приватизации жилого помещения должен обратиться в соответствующие органы и оформить соответствующий договор. Так, в соответствии со статьей 8 Закона о приватизации решение вопроса о приватизации жилых помещений должно приниматься по заявлениям граждан в двухмесячный срок со дня подачи документов. [1]

Приватизация возможна один раз. Срок для приватизации квартиры неоднократно продлевался законодателем; теперь возможность приватизировать квартиру установлена на неопределенный срок.

Порядок приобретения квартиры путем приватизации порождает и особенности осуществления права собственности в отношении данного объекта.

Так, рассматривается законопроект, который позволит собственникам жилья произвести деприватизацию или расприватизацию приобретенного ранее в собственность в порядке приватизации жилья. [3]

Предполагается, что малоимущие и некоторые иные категории населения, которые не в состоянии самостоятельно содержать свое жилое помещение и общее имуще-

ство дома, будут иметь возможность вернуть ранее приватизированную квартиру государству.

Данная правовая конструкция также представляется уникальной, поскольку предполагается, что собственник будет иметь возможность передать право собственности на принадлежащую ему вещь безвозмездно, при этом оставляя за собой право пользования ею; основаниями для такой передачи будут являться социальные факторы, а не факторы, связанные с самой вещью.

В настоящее время действуют положения статьи 17 Закона о приватизации, в соответствии с которой органы государственной власти или органы местного самоуправления, предприятия, учреждения вправе выкупать у граждан с их согласия жилые помещения, принадлежащие им на праве собственности, с целью более рационального их перераспределения. [1]

По статистике частный жилищный фонд в РФ по состоянию на 2015 г. составляет более 90 % от общего объема жилищного фонда РФ; при этом из 3232 млн. кв. м частного жилья гражданам принадлежит 3118 млн. кв. м. [4; с. 14]

Предполагаемая возможность возврата квартир в собственность государства или в муниципальную собственность, по мнению авторов, повлечет изменение указанного соотношения, волну деприватизации и последующей вторичной приватизации, возрождение всего многообразия сделок с неприватизированным жильем.

Таким образом, с момента вступления в силу указанного законопроекта в России следует ожидать глобальные изменения в жилищной сфере.

Литература:

1. Закон РФ от 04.07.1991 N 1541-1 (ред. от 20.12.2017) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100/0b4f1305f8dd9fded8ee1eaf9008904a0758cbd6/ (дата обращения: 29.03.2019)
2. Авакьян, С. А. Конституционное право России: Учебный курс. — 2-е изд. перераб. и доп. — в 2 т. Т. 1 — М.: Юристъ, 2007. с. 864
3. Н. Козлова. Отдам квартиру в надежные руки. [Электронный ресурс] // Российская газета — Федеральный выпуск № 84(6655). URL: <https://rg.ru/2015/04/21/kvartira.html> (дата обращения: 05.04.2019).
4. Жилищное хозяйство в России. 2016.: Стат. сб. / Росстат. — М., 2016. с. 65
5. Конституция и конституционные проекты в истории России: сборник документов/сост. Упоров И. В., Старков О. В. — М.: Юрлитинформ, 2013. с. 591

Запрет хостелов как ограничение прав собственников жилых помещений

Щукина Ольга Владимировна, студент магистратуры
Российская академия адвокатуры и нотариата (г. Москва)

Петрякова Антонина Васильевна, старший преподаватель
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Большой резонанс в обществе вызвал Законопроект № 876688–6 «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации» (в части запрета использования жилых помещений в качестве гостиницы, иного средства временного размещения, а также предоставления в них гостиничных услуг). [1]

Данный законопроект был рассмотрен Государственной Думой ФС РФ, принят ею и передан на рассмотрение в Совет Федерации ФС РФ. Изначально СФ ФС РФ отклонил законопроект, в связи с чем была сформирована согласительная комиссия СФ ФС РФ и Госдумы РФ.

Государственная Дума на пленарном заседании 4 апреля 2019 г. приняла в окончательной редакции поправки в ЖК РФ, ограничивающие размещение хостелов в многоквартирных жилых домах, которые вступят в силу с 1 октября 2019 г. [5] Соответствующий федеральный закон подписал Президент РФ Владимир Путин (Федеральный закон от 15 апреля 2019 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации»). С текстом Федерального закона от 15 апреля 2019 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации» можно ознакомиться на Официальном интернет-портале правовой информации (№ опубликования 0001201904150032). [7]

Из пояснительной записки к Законопроекту следует, что по общему правилу собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц. В то же время особая социальная значимость жилищного фонда обуславливает некоторые пределы осуществления права собственности на жилое помещение.

Как указывают авторы Законопроекта, «в настоящее время участились случаи использования жилых помещений в качестве средств временного размещения, т.н. «хостелов», мини-гостиниц, что, безусловно, ведет к нарушению жилищных прав других жителей домов, проживающих в смежных с «хостелами» жилых помещениях. Не меньший ущерб так называемые хостелы представляют домам, которые, в установленном законом порядке, были признаны объектами культурного наследия». [6]

Принятый закон запрещает использование жилых помещений в качестве гостиниц, иных средств размещения, а также предоставление в них гостиничных услуг.

Таким образом, на законодательном уровне ограничиваются права пользования собственниками принадлежащими им жилыми помещениями.

Авторы настоящей статьи усматривают некоторые противоречия в законе.

Наряду с правом использования жилого помещения для своего проживания, а также для проживания членов своей семьи, собственник в соответствии с гражданским законодательством вправе сдавать его для проживания иным лицам «на основании договора». Хостел является местом проживания иных лиц на основании договора. Следовательно, его организация вполне удовлетворяет требованиям статьи 288 ГК РФ.

Поскольку право собственности является предметом исключительно гражданского права, авторам Законопроекта необходимо было бы рассматривать вопрос о внесении изменений в гражданское законодательство, а не в жилищное.

В случаях, когда закон ставит защиту прав в зависимости от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, предполагаются (презюмируются) разумность действий и добросовестность участников гражданского оборота. Как указывает Г. В. Вердиян, принцип добросовестности относится к пределам осуществления прав: «Любой может осуществлять свои права, не злоупотребляя ими и не забывая о том, что своими действиями он может причинить вред правам других лиц». [4; с. 162]

Законодатель при составлении ГК РФ в первую очередь исходит из того, что добросовестность участников гражданского оборота предполагается.

Тогда как авторы Законопроекта и пояснительной записки к нему исходят в первую очередь из презумпции безусловного нарушения собственниками жилых помещений, используемых в качестве хостелов, жилищных прав других жителей домов, проживающих в смежных с «хостелами» жилых помещениях, а также «не меньшего» ущерба домам, которые признаны объектами культурного наследия.

Субъектами права собственности, как ранее говорилось, выступают граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования. Устанавливается, что права всех собственников подлежат равной защите (ст. 212 ГК РФ).

При этом ограничений в отношении юридических лиц по приобретению в собственность объектов жилой недвижимости закон не содержит. Таким образом, собственником квартиры может являться и в ряде случаев является юридическое лицо.

В соответствии со ст. 49 ГК РФ юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям

деятельности, предусмотренным в его учредительном документе, и нести связанные с этой деятельностью обязанности.

Согласно ч. 1 ст. 50 ГК РФ коммерческие организации — юридические лица, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Коммерческие организации могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом.

Таким образом, коммерческие юридические лица имеют основной целью своей деятельности извлечение прибыли, вправе иметь в собственности объекты жилой недвижимости и вправе осуществлять с ними любые виды деятельности, не запрещенные законом. ГК РФ не запрещает собственникам жилых помещений сдавать их для проживания на основании договора. Более того, это — единственный возможный вид использования квартиры юридическим лицом, поскольку проживать в понимании ГК РФ и ЖК РФ оно в ней не может.

Также следует отметить, что негативная реакция в обществе, вызванная Законопроектом, объясняется, прежде всего, тем, что сдача квартир для проживания другим лицам является стабильным, а зачастую, единственным источником дохода для некоторых россиян. Отследить четкую грань между тем, что является «хостелом», а что не является, законодательство не позволяет.

Литература:

1. Законопроект № 876688—6 «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации» (в части запрета использования жилых помещений в качестве гостиницы, иного средства временного размещения, а также предоставления в них гостиничных услуг) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/876688-6> (Дата обращения: 09.04.2019).
2. Постановление Правительства РФ от 09.10.2015 N 1085 (ред. от 30.11.2018) «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187292/eef1a703cb0df35aa9c44c0401b667cbd2abcea5/ (Дата обращения: 09.04.2019)
3. Постановление Правительства РФ от 16.02.2019 N 158 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=197717159301691021603749543&cacheid=AB254014325E FBC25E0E1271CC9B7261&mode=splus&base=ROS&n=318372&dst=100036&rnd=162851F1941819722-4D3D43A62315223#07372601441937523> (Дата обращения: 15.04.2019)
4. Вердиян, Г. В. Добросовестность как общий принцип права: Монография. — М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. с. 162
5. Закон о хостелах принят в окончательной редакции. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/30244/> (Дата обращения: 14.04.2019)
6. Пояснительная записка к законопроекту (Комитет Государственной Думы по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/876688-6> (Дата обращения: 09.04.2019).
7. С 1 октября 2019 года запрещены хостелы в многоквартирных домах. Новые требования к хостелам [Электронный ресурс] // URL: https://informatio.ru/news/economy/s_oktyabrya_2019_kvartiru_nelzya_prevratit_v_khostel/ (Дата обращения: 11.06.2019).

Согласно пункту «з» статьи 5 Положения о классификации гостиниц, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16.02.2019 N 158 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» хостел — вид гостиниц, включающих в себя многоместные номера, но не более 12 мест в одном номере, помещения для совместного использования гостями (гостиные, холлы, комнаты для завтраков и т. п.), общая суммарная площадь которых составляет не менее 25 процентов общей суммарной площади номеров, санитарные объекты, расположенные, как правило, за пределами номера, и предоставляющих услуги питания с ограниченным выбором блюд и (или) кухонное оборудование, а также по возможности дополнительные услуги. [3] Под данное определение вполне подпадает квартира или жилой дом.

Определения «гостиница» и «гостиничные услуги» также неоднозначны. Гостиничные услуги — комплекс услуг по обеспечению временного проживания в гостинице, включая сопутствующие услуги, перечень которых определяется исполнителем; гостиница — имущественный комплекс (здание, часть здания, оборудование и иное имущество), предназначенный для оказания гостиничных услуг. [2] Определить, что есть хостел, а что — гостиница на практике очень сложно.

Поскольку федеральный закон принят и вступит в силу с 01.10.2019, остается ожидать, каким образом сложится правоприменительная и судебная практика по рассматриваемому вопросу.

О порядке применения норм международного частного права и положений законодательств иных государств при разрешении трудовых споров с участием иностранного элемента

Яценко Анастасия Олеговна, кандидат юридических наук, доцент;
Салюкова Екатерина Владимировна, студент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Внутренние экономические проблемы соседствующих с Российской Федерацией государств, расширение внешних экономических связей, а также образование в связи с прогрессирующей технологической обеспеченностью новых профессий и специальностей в совокупности способствуют притоку иностранных специалистов на территорию России. Отечественное трудовое законодательство предусматривает ряд норм, регулирующих трудовые отношения, усугубленные иностранным элементом, однако некоторые из указанных норм являются коллизионными, в связи с чем возникает необходимость обращаться к источникам международного частного права при разрешении спорных случаев.

Первоочередным вопросом при разрешении трудового спора, участником которого является иностранный гражданин, является вопрос о юрисдикции спора. В связи с тем, что разные государства по-разному определяют компетенции судов, на практике данное различие может привести к возникновению конфликта, при котором решение спора может являться компетенцией судов разных государств.

Исследованием вопросов коллизий правовых норм, регулирующих трудовые отношения с иностранным работником, занимались и продолжают заниматься многие ученые-правоведы. Так, по мнению В. П. Звекова, в отличие от гражданского права, трудовому праву свойственно публично-правовое начало, которое ограничивает действие коллизионных норм страны суда, а также применение иностранных законов [1].

Согласно мнению М. В. Лушниковой, существует несколько видов коллизионных привязок в сфере трудовых правоотношений, при которых работником является гражданин иного государства, а именно:

- закон свободы выбора права сторонами отношений;
- закон места работы;
- закон страны работодателя, командировавшего работника;
- личный закон юридического лица (работодателя);
- закон флага судна;
- закон гражданства или закон места жительства работника, который также можно назвать личным законом физического лица;
- закон страны заключения контракта о найме;
- закон, с которым наиболее тесно связано рассматриваемое правоотношение [2].

Разрешение проблемы применяемого права в процессе рассмотрения трудового спора с работником — ино-

странным гражданином, — закрепляется в положениях статьи 13 Трудового кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ, содержащие нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения и иные непосредственно связанные с ними отношения, возникающие на всей территории РФ, если в этих законах и иных нормативных правовых актах не предусмотрено иное.

Таким образом, положениями Трудового кодекса РФ сформулирована императивная норма, регулирующая труд работников-иностранцев, которая относится к закону места работы. Следовательно, при рассмотрении трудовых споров с участием иностранного элемента по общему правилу подлежит применение норм Трудового кодекса РФ, а также иных федеральных законов, а также локальные акты юридического лица — работодателя, что, в свою очередь, обеспечивает целостную систему правового регулирования, создавая равные условия труда и разрешения споров для всех работников предприятия, без исключения по признаку гражданства.

Определение судебного органа, в компетенции которого является рассмотрение трудового спора с иностранным работником, по месту выполнения трудовой функции (закон места работы) также по умолчанию закрепляется в положениях Брюссельской конвенции 1968 года «О подсудности и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам». Однако статьей 14 указанной Конвенции сторонам трудового спора, участником которого является иностранный работник, предоставляется право самостоятельно выбирать суд, в котором будет рассматриваться трудовой спор. При этом в случае, если работник осуществляет трудовую функцию одновременно в нескольких странах (например, работник предприятия-судовладельца, в обязанности которого входит исполнение трудовой функции на судне, пребывающем на рейде в одном или нескольких иностранных государствах), — трудовой спор будет рассматриваться в суде того государства, которое является основным местом работы. Стоит принять во внимание, что указанное положение относится к государствам — членам Европейского Союза; в случае, если местом работы является государство, не входящее в состав ЕС, рассмотрение трудового спора подлежит в государстве, которое является местом жительства работника.

Вторым основополагающим вопросом при разрешении трудового спора, участником которого является ино-

странный работник, является определение нормы права соответствующей юрисдикции.

Так, положениями статьи 11 Трудового кодекса Российской Федерации установлено, что на территории России на все виды трудовых правоотношений распространяются нормы трудового законодательства данного государства. Это положение относится в том числе к иностранным работникам. При этом указанной нормой также предусмотрено исключение из общего правила, в случае если подобное исключение предусмотрено Трудовым кодексом РФ, федеральными законами или международным договором Российской Федерации.

Несмотря на то, что в вышеприведенном перечне международный договор занимает последнее место, приоритетность международных норм перед национальными предусмотрена положениями статьи 10 Трудового кодекса РФ, в соответствии с которыми общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации являются составной частью правовой системы РФ. Кроме того, названной нормой регламентируется, что в случае, если международным договором Российской Федерации установлены другие правила, чем предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, применяются правила международного договора.

Данные положения трудового законодательства не противоречат основному закону государства. В соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации являются общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры.

Роль международных договоров при разрешении трудовых споров на территории Российской Федерации представляется возможным определить исходя из судебной практики. Так, согласно апелляционному определению Алтайского краевого суда от 27 мая 2015 года по делу № 33–3356/2015 истец по трудовому спору был восстановлен на работе после незаконного увольнения. В со-

ответствии с материалами дела истец был уволен с занимаемой им должности на предприятии, находящемся под юрисдикцией Республики Казахстан, при этом рабочее место истца находилось на территории Российской Федерации. Увольнение было осуществлено в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации, в то время как применению подлежали трудовые нормы законодательства Республики Казахстан в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об особенностях правового регулирования деятельности предприятий, учреждений и организаций железнодорожного транспорта, заключенного 18 октября 1996 года и ратифицированного Россией 13 апреля 1999 года (Федеральный закон от 13 апреля 1999 года № 74-ФЗ) [3].

Проанализировав судебную практику за период с 01.01.2015 г. по 31.12.2018 г. (окончательные судебные акты судов общей юрисдикции апелляционной и кассационной инстанций) можно сделать вывод, что применение национальными судами норм трудового законодательства иных государств осуществляется достаточно редко; по большей части под применением международных норм при разрешении споров, исходящих из трудовых правоотношений, подразумевается применение судами положений актов международного частного права, в том числе Конвенции Международной организации труда № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» 1958 года, Брюссельской конвенции 1968 года, Рекомендации Международной организации труда № 162 «О пожилых трудящихся» 1982 года.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что при разрешении трудовых споров, участником которых является иностранный работник, наибольшее число коллизий встречается на этапе решения судом вопроса о юрисдикции применяемых норм; при этом в случае, если предмет трудового спора касается основополагающих принципов трудового права, положения которых закреплены в международных актах, указанные акты имеют преимущественную роль перед национальным законодательством.

Литература:

1. Звеков, В. П. Международное частное право. М., 2004. — с. 519.
2. Лушникова, М. В. Коллизионное правовое регулирование международных трудовых отношений: теоретические проблемы и современная практика // Закон. 2011. № 10. с. 68, 69.
3. СудАкт. Судебные и нормативные акты РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/auoaXLR5AlZ5/> Дата обращения к ресурсу: 02.06.2019 г.

Проблемы дискриминации при трудоустройстве молодых специалистов

Яценко Анастасия Олеговна, кандидат юридических наук, доцент;

Салюкова Екатерина Владимировна, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Согласно статистике, опубликованной на портале мониторинга трудоустройства выпускников высших учебных заведений, процент трудоустроенных выпускников очной формы обучения, проходивших обучение по программам бакалавриата, программам специалитета, программам ординатуры и интернатуры, и получавших образование впервые, составляет от 5 % до 90 % в зависимости от образовательной организации [1].

Сбор и публикация указанных сведений находится в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации, при этом формирование вышеприведенной статистики было осуществлено согласно сведений, предоставленных 820 образовательными организациями, в отношении лиц, окончивших обучение в 2016 году, и осуществляющих собственное трудоустройство в период с момента выпуска по настоящее время [2].

Следует обратить внимание, что, согласно сведений портала трудоустройства выпускников ВУЗов, высокие показатели трудоустройства формируются к третьему году после окончания высшего учебного заведения, в то время как трудоустройство в первый год после получения диплома о высшем образовании сохраняется в пределах 20–50 % в зависимости от учебного заведения, при этом средний возраст трудоустройства таких выпускников составляет 20–22 года.

Из приведенных данных следует вывод о том, что на территории Российской Федерации в настоящее время существует проблема трудоустройства молодых специалистов, получивших образование, и не имеющих опыта работы. Нетрудоустройство более половины молодых специалистов в первые годы после окончания высших учебных заведений зачастую связано с требованиями работодателей о наличии трудового стажа, и объективной невозможностью молодых специалистов соответствовать подобному критерию.

Статьей 7 Конституции Российской Федерации закреплен вектор создания социального государства, политика которого направлена на создание условий, которые обеспечивали бы достойную жизнь и свободное развитие человека.

Неотъемлемым условием закрепления Российской Федерации как социального государства является право на труд, которое, в свою очередь, закреплено положениями части 3 статьи 37 Конституции России, в частности, указанной нормой установлено, что право на труд реализуется при отсутствии какой-либо дискриминации.

Под дискриминацией подразумевается неравное отношение, целью или результатом которого является постановка лица в менее благоприятную ситуацию по

отношению к другому лицу, которое находится в обстоятельствах, сравнимых с этим лицом, и в основе которого лежит проявление запрещенного неравного отношения, в том числе ущемление прав лица и указание дискриминировать лицо [3].

Ученые-правоведы разделяют явление дискриминации на прямую и косвенную [4]. Под прямой дискриминацией понимается ситуация, в основе которой лежит запрещенный законодательством признак, делающий указанную ситуацию более благоприятной по отношению к одному лицу в ущерб интересам другого лица. Примером подобного рода дискриминации в трудовом праве является требование к кандидатуре работника, связанное с полом, опытом работы, возрастом, в случае если в основе данного требования не лежит обоснованная и объективная предпосылка.

Косвенная дискриминация может быть установлена в случаях, когда нейтральное правило, критерий или практика ставит группу лиц (которую объединяет какой-либо общий признак дискриминации) в особенно неблагоприятное положение в сравнении с другой группой. Примером такой дискриминации может являться требование работодателя к стилю и форме одежды, которое не может быть выполнено определенными слоями работающего населения в связи с религиозной принадлежностью.

Преимущественно молодые специалисты подвергаются косвенной дискриминации, в случае, когда работодатель прямо не указывает желаемый возраст работников для занятия вакантных должностей, однако упоминает о необходимости стажа работников, наличие которого априори не может быть у выпускников высших учебных заведений в возрасте от 20 до 25 лет. При этом в основе данного требования о наличии стажа зачастую отсутствует объективная предпосылка, такая как руководящая должность, материальная ответственность и прочее.

С целью предотвращения дискриминации по признаку возраста и наличия трудового стажа в трудовое законодательство Российской Федерации были внесены изменения в 2013 году, в соответствии с которыми запрещается распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, которые содержат сведения о прямом или косвенном ограничении прав, а также указание преимуществ потенциальных работников, которые не связаны с деловыми качествами работников [5]. Однако указанной нормой установлен запрет на указание информации, связанной с цветом кожи, семейным или социальным положением, возрастом и принадлежностью к социальным группам, и не содержит запрета на установ-

ление работодателем обязательного стажа, длительность которого не допускает кандидатуру молодого специалиста.

Мерой превентивного характера, позволяющей избежать явления дискриминации при трудоустройстве молодых специалистов, является установление курса социального партнерства в локальных нормативных актах и коллективном договоре организации. Так, И. П. Чикиревой была предложена инициатива принятия в организациях локальных нормативных актах, задачей которых являлось бы регулирование гарантий молодых специалистов и их наставников, таких как положения о стажировке и наставничестве. В качестве примера И. П. Чекировой приведено Положение о наставничестве ОАО «Российские железные дороги», в соответствии с которыми стажеру, которым зачастую является молодой специалист без опыта работы, предоставляется возможность освоения профессии, обучения профессиональному мастерству, гарантируется оплата труда, а наставник, в свою очередь, получает финансовое поощрение [6].

Однако, исходя из анализа судебной практики можно сделать вывод, что локальные нормативные акты, регулирующие организацию производственной практики и стажировки молодых специалистов, не являются гарантом социальной защищенности и трудоустройства молодых специалистов.

Так, 15 марта 2017 года Центральным районным судом города Воронежа было вынесено решение по делу № 2—1039/17, в соответствии с которым было удовлетворено исковое заявление физического лица об установлении факта трудовых отношений, взыскании задолженности по заработной плате. Согласно материалам дела, истец состоял в фактических трудовых отношениях с работодателем, — обществом с ограниченной ответственностью, — заняв вакантную должность в рамках трудоустройства по социальной программе организации производственной практики студентов. Трудовой договор с истцом заключен не был, основанием для обращения в суд послужило дальнейшее увольнение и невыплата заработной платы [7].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что императивные нормы законодательства, установленные

Трудовым кодексом РФ, Федеральным законом «О занятости населения в Российской Федерации», не исключают дискриминацию молодых специалистов без опыта работы при трудоустройстве, а принятие локальных нормативных актов, обеспечивающих стажировку и дальнейшее трудоустройство, является паллиативной мерой, не гарантирующей при этом надлежащую социальную защиту работников.

Необходимым шагом к решению проблемы дискриминации молодых специалистов при трудоустройстве является закрепление понятия «молодой специалист» на законодательном уровне. Суть определения «молодой специалист» должна включать факторы, препятствующие своевременному трудоустройству выпускников вузов, а именно: возраст (например, от 20 до 30 лет), отсутствие опыта работы по специальности, период между окончанием учебного заведения и предполагаемого трудоустройства. Закрепление данного понятия в законодательстве будет в дальнейшем способствовать возникновению норм, направленных на социальную защиту таких лиц.

Кроме того, существенным фактором, который, возможно, исключит дискриминацию молодых специалистов, является первоочередная поддержка работодателя, использующая труд выпускников учебных заведений. Исходя из международной практики, такая поддержка может быть выражена в предоставлении субсидий от государства тем предприятиям, которые предоставляют возможность молодым специалистам проходить стажировку с минимальной оплатой труда без отрыва от учебы на выпускных курсах вузов (как, к примеру, происходит в Австралии) [8], а также предоставлении льгот в налогообложении по социальному страхованию тем предприятиям, которые осуществляют производственное обучение молодых специалистов, и проводят курсы профессиональной подготовки для студентов выпускных курсов (что распространено в Италии) [9].

Законодательное стимулирование работодателя для трудоустройства молодых специалистов позволит искоренить дискриминацию таких лиц без ущерба для иных нетрудоустроенных работников.

Литература:

1. Портал мониторинга трудоустройства выпускников. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vo.graduate.edu.ru/registry#/?slice=1&year=2015&page=21>. Дата обращения к ресурсу: 22.05.2019 г.
2. Портал мониторинга трудоустройства выпускников. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vo.graduate.edu.ru/registry#/?slice=1&year=2015&page=21>. Дата обращения к ресурсу: 22.05.2019 г.
3. Лукьянова, И. Н. Доказывание в делах о дискриминации в сфере труда в Российской Федерации // Дискриминация в сфере труда: теория и практика: научно-практический сборник. — М., Центр социально-трудовых прав, 2008. — с. 192—267.
4. Лукьянова, И. Н. Доказывание в делах о дискриминации в сфере труда в Российской Федерации // Дискриминация в сфере труда: теория и практика: научно-практический сборник. — М., Центр социально-трудовых прав, 2008. — с. 192—267.
5. О занятости населения в Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 19 апр. 1991 г. № 1032—1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 17. — Ст. 1915.

6. Чикирева, И. П. Проблемы правового регулирования трудоустройства выпускников высших учебных заведений // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2 (23). — с. 23–26.
7. Решение Центрального районного суда города Воронежа от 15.03.2017 г. по делу № 2–1039/17. Электронный ресурс: <https://sudact.ru/regular/doc/>. Дата обращения к ресурсу: 23.05.2019 г.
8. Купцова, К. В. Зарубежный опыт трудоустройства молодых специалистов//Проблемы и перспективы устойчивого социально-экономического развития территорий. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017037417>. Дата обращения к ресурсу: 23.05.2019 г.
9. Купцова, К. В. Зарубежный опыт трудоустройства молодых специалистов//Проблемы и перспективы устойчивого социально-экономического развития территорий. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017037417>. Дата обращения к ресурсу: 23.05.2019 г.

ИСТОРИЯ

А. Ф. Кони о нравственных качествах участников уголовного процесса

Сынков Владимир Владимирович, студент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматривается этическая составляющая уголовного процесса. На основе взглядов и идей Анатолия Федоровича Кони анализируется нравственное воспитание участников уголовного процесса. Рассматриваются принципы уголовного процесса. Также в некоторой степени затрагиваются современные аспекты этической стороны уголовного процесса.

Ключевые слова: Анатолий Федорович Кони, уголовный процесс, этика, мораль, присяжные, право.

В 1864 году в России была проведена судебная реформа, которая имела огромное значение для демократизации всей судебной системы России [2, с. 13–19]. Суд был отделен от администрации, стал бессловным, уголовный процесс стал строиться на принципах гласности, устности, непосредственности, состязательности, свободной оценки доказательств. Был введен институт присяжных заседателей, который А. Ф. Кони оценивал очень высоко. Он считал, что данный институт «имеет право на долгое и прочное существование» [6, с. 72], а также придавал ему огромное нравственное значение в рамках уголовного судопроизводства.

А. Ф. Кони, будучи ярким сторонником этических основ права, придавал огромное значение именно «отысканию истины в деле, а не доказыванию вины подсудимого во что бы то ни стало» [4, с. 15]. В выполнении данной задачи немаловажную роль играли личные качества участников уголовного процесса. А. Ф. Кони считал немаловажным нравственные установки прокурора, судьи, присяжных заседателей, ибо суд не является механизмом, в котором отдельные шестеренки выполняют поставленную перед ними задачу. Суд — живой организм, судья должен не только вникнуть в юридическую сторону дела, но и попытаться рассмотреть «житейскую правду дела».

Следует отметить, что проблема нравственного воспитания участников уголовного процесса, да и в целом юристов и по сей день остается достаточно актуальной. В литературе отмечается, что, как правило, на юриста идут учиться не из интереса к профессии и уж тем более не по призванию, а по иным, скажем так, корыстным мотивам. Всё это приводит к появлению в среде юристов «случайных» людей, не отвечающих морально-нравственным и этическим требованиям, предъявляемым им обществом [9, с. 13].

Никакой закон, будь он хоть самым справедливым в мире законом, не спасет человека от несправедливого суда, если лица, применяющие этот закон на практике, не имеют достаточно знаний, опыта, навыков, а самое главное обычного человеческого внимания к личности подсудимого. Любое решение, принятое подобными некомпетентными лицами, нивелирует любой закон. Поэтому повышенные требования А. Ф. Кони предъявляет, прежде всего, к судье, как к центральной фигуре уголовного процесса. Судья не просто вершит правосудие. Он является символом этого правосудия, формирует общественное отношение к суду. Так, А. Ф. Кони приводит пример отношения общественности к суду в Испании в XVIII веке: «Знаменитая фраза, которую Бомарше вкладывает в уста своего героя: «Я верю в вашу справедливость, хотя вы и представитель правосудия», с яркостью указывает, в каких подкупных и трусливых руках было производство суда в современной ему Испании...» [7, с. 6].

Из вышеприведенного примера видно, как важно воспитание в будущем судье нравственных начал. Однако этого будет недостаточно. Необходимо на законодательном уровне предоставить суду право самостоятельно оценивать приводимые в суде доказательства, исходя именно из своих убеждений, а не из формальных предписаний закона. Дело в том, что на определенном этапе развития судебной системы и права господствовал институт формальных предустановленных доказательств. Существование такой формы доказательств как бы связывало волю судьи, его внутреннее убеждение, не позволяя последнему оценивать имеющиеся доказательства, исходя из собственных нравственных установок и убеждений.

Немаловажным видится принцип гласности уголовного процесса. Данный принцип обуславливает сразу несколько факторов в ходе судебного процесса. Во-первых,

данный принцип выступает косвенной процессуальной гарантией соблюдения прав и свобод участников процесса. Во-вторых, он ставит деятельность суда под контроль общественности. И наконец, данный принцип заставляет суд «тщательнее, внимательнее рассматривать дело» [3, с. 107].

Вместе с тем, все вышесказанное отнюдь не дает судье права творить произвол. Судья должен руководствоваться своими внутренними убеждениями, однако это не отменяет того, что он должен обращать особое внимание и на то, что указано в законе. Удачной представляется формулировка проблемы А. Ф. Кони, который писал, что «судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: «sic volo, sic jubeo» — я так хочу. Он должен говорить <...>: «ich kann nicht anders» — я не могу иначе <...>» [7, с. 10].

Вопросы нравственных и этических качеств судьи сегодня регулируется на законодательном уровне. 19 декабря 2012 года был принят Кодекс судейской этики, который предусматривает особые требования, предъявляемые к судейским работникам, в целях повышения общественного доверия к судебной власти и качеству правосудия. Так, в частности, в статье 6 Кодекса говорится: «1. Судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи» [5]. Таким образом, на современном этапе развития судебной системы предусматриваются высокие нравственные и моральные требования для лиц, занимающих должность судьи. Такое положение дел представляется правильным, так как судебная власть, выступая одной из ветвей государственной власти, должна пользоваться авторитетом у населения. И поднять этот авторитет в отсутствие высоких нравственных и морально-этических принципов центральной фигуры судебного процесса — судьи — представляется очень трудным и даже невозможным.

Немаловажную роль в судебном процессе А. Ф. Кони отводил и прокурорам. Главной задачей прокурора А. Ф. Кони видел в отыскании истины, а не в слепом доказывании вины подсудимого. Прокурор должен был живым словом доказать суду виновность подсудимого. А для того, чтобы доказывать виновность, нужно быть твердо уверенным в материалах предварительного следствия. Если таковые материалы в ходе судебной проверки не выдерживают испытания, обязанность прокурора — отказаться от поддержания обвинения. Все это возможно, опять-таки, при наличии высоких нравственных и моральных качеств обвинителя, который будет пытаться прийти к истине в ходе своих рассуждений и привести к этой истине вслед за собой и суд. А. Ф. Кони приводит пример того, каким не должен быть прокурор: «На нем [на пути слепого подражания западному типу прокуроров, в особенности французских] мог выработаться тип настойчивого обвинителя <...>, так блестяще и остроумно

охарактеризованного Лабулэ, изобразившим его говорящим присяжным про подсудимого: «Я беру его со времени рождения: имея год от роду, он укусил свою кормилицу, двух лет он показал язык своей матери, трех лет украл два куса из сахарницы своего деда <...>» [7, с. 36]. Причем, как указывает А. Ф. Кони, такому прокурору обеспечена быстрая, легкая карьера и дешевый успех.

Надо отметить, что составители Судебных уставов в общем подошли к определению задачи прокурора вполне прогрессивно и демократично. Прокурору не вменялось в обязанность доказывать вину подсудимого. Более того, Судебные уставы закрепляли, что «при заявлении судебным местам своих по делам заключений, лица прокурорского надзора действуют единственно на основании *своего убеждения* (курсив — авторский) и существующих законов» [8]. Это позволяло (и даже предписывало) прокурору при рассмотрении дела равнозначно освещать все имеющиеся по делу доказательства. Прокурор выступал в роли «говорящего судьи».

А. Ф. Кони настолько высоко ценил нравственные качества участников уголовного процесса, что сам решил читать в Петербургском университете курс «О судейской нравственности», чтобы «приучить, путем своих выстраданных воспоминаний и опыта, своих слушателей видеть в подсудимом человека <...>» [10, с. 53].

Большое внимание А. Ф. Кони уделял умению говорить, ораторскому искусству. Прокурору надлежит живым словом пытаться донести до суда свою позицию, а не проносить сухую, заранее заготовленную речь. На мой взгляд, это намного повышало требования к ораторским умениям прокурора, поскольку необходимо было уметь грамотно строить свою речь. Также нужно было следить за тем, чтобы не допустить в своей речи неосторожных речевых оборотов, как-то: «вина подсудимого настолько ясна, что ее нет смысла доказывать». Ведь отсутствие заранее заготовленной речи, записанной на листке бумаги отнюдь не означало, что не нужно было готовиться внутренне к произнесению речи.

Все вышесказанное становится еще более актуальным в свете того, что видные адвокаты того времени (XIX век) обладали высоким уровнем ораторского мастерства. Однако, как указывает А. Ф. Кони, прокуроры того времени не уступали адвокатам в умении владеть словом.

Последний институт уголовного процесса, который появился в ходе судебной реформы, и который хотелось бы затронуть, — суд присяжных. А. Ф. Кони придавал большое значение данному институту, так как, несмотря на все нападки со стороны критиков судебной реформы и института присяжных заседателей в частности, он (А. Ф. Кони) верил в справедливость суда присяжных.

А. Ф. Кони считал, что присяжные заседатели решают дела исходя исключительно из собственных представлений, которые складывались независимо. Действительно, трудно не согласиться с такой точкой зрения. К тому же институт присяжных повышает доверие общественности к правосудию, поскольку «считается, что если граждане

обладают большей долей участия в системе власти, они будут с большей вероятностью поддерживать решения судов» [1, с. 3].

По сути, суд присяжных осуществляется по совести. Об этом пишет и А. Ф. Кони: «Доверие или недоверие к тем или другим доказательствам есть дело их совести» [6, с. 66]. Не может не возникнуть вопроса: «Не слишком ли вольно позволяют присяжным заседателям трактовать доказательства?». Ведь даже сам А. Ф. Кони упоминает о том, что в сторону суда присяжных после 1830 года стали раздаваться упреки о слишком большом проценте оправдательных приговоров. Все это, однако, разрешилось, когда законодатель позволил присяжным усматри-

вать в деянии подсудимого смягчающие обстоятельства и назначать более мягкое наказание.

В связи с огромной значимостью того вердикта, который выносят присяжные заседатели, а также в связи с тем, что проявлялись случаи некомпетентности присяжных заседателей [6, с. 76], вероятно, было бы вполне логичным поднять общий уровень знаний присяжных заседателей.

В заключение хочется подчеркнуть, что нравственные и морально-этические качества участников уголовного процесса имеют очень важное значение, поскольку судебный процесс связан с защитой прав, свобод и законных интересов личности.

Литература:

1. Амплеева, Е. Е. Институт суда присяжных в России и за рубежом: взгляд Европейского суда по правам человека / Е. Е. Амплеева // Научно-практический журнал «Криминалист». — 2018. — № 2 (23). — с. 3–7.
2. Бажутов, К. В. Судебная реформа 1864 г. — этап в процессе демократизации судебной системы России / К. В. Бажутов // Судебная реформа 1864 года и ее значение для формирования правовых систем государств постсоветского пространства: проблемы теории и практики: Материалы XIV международных Конивских чтений (Владивосток, 13–14 мая 2015 года) / вступит. слово и заключение А. Б. Пекарского / под общ. ред. канд. юрид. наук, доцента А. В. Верещагиной; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; Институт права. — Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. — с. 13–19.
3. Вилкова, Т. Ю. Принцип гласности в советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года / Т. Ю. Вилкова // Юридическая наука. — 2016. — № 2. — с. 103–110.
4. Иванова, Н. М. Прокуроры и суд присяжных заседателей пореформенной России / Н. М. Иванова // Научно-практический журнал «Криминалист». — 2018. — № 2 (23). — с. 15–17.
5. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) // СПС Гарант (дата обращения: 05.06.2019).
6. Кони, А. Ф. Избранные труды и речи. В 2 ч. Часть 2. Кассационные заключения. Статьи / А. Ф. Кони. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 229 с.
7. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы / А. Ф. Кони. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 152 с.
8. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. Классика Российского права [Электронный ресурс] URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/121/> (дата обращения: 05.06.2019).
9. Таран, А. С. Профессиональная этика юриста: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / А. С. Таран. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 329 с.
10. Шифман, М. Л. А. Ф. Кони: выдающийся юрист и судебный оратор / М. Л. Шифман // Журнал «Социалистическая законность». — 1957. — № 9. — с. 51–56.

Финансовое состояние прихода Русской православной церкви во второй половине XIX века на основе данных Николо-Козинской церкви г. Калуги

Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент;
Бирюков Владимир Александрович, студент магистратуры
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

В статье исследуются все источники дохода прихода православной церкви в Синодальный период на основе архивных данных о Николо-Козинской церкви в городе Калуге за вторую половину XIX века. Приводятся сведения о свечном и кошельковом сборе, о доходах с аренды земельной площади, с пожертвований прихожан и с процентов от банковских билетов. Отмечается слабое финансирование прихода Николо-Козинской церкви прихожанами, и при этом, рост дохода храма за счет банковских билетов.

Ключевые слова: приход, кошельковый сбор, пожертвования прихожан, Русская Православная Церковь, банковские билеты, доход.

Одним из важнейших аспектов жизни прихода Русской Православной Церкви в Синодальный период, является его финансовое состояние. Исходя из этого, первым делом нужно отметить, что приходы в Синодальный период состоялись полностью на собственном само обеспечении. Источником дохода для существования прихода и причта служили плата за исполнение треб, кружечный и кошельковый сборы, доход от земельных наделов и пожертвования. Помимо этого, причт получал доход от вложенных сумм в государственные кредитные организации.

Касаясь вопроса жалования священнослужителям, то здесь мы встречаемся с тем, что жалование выплачивалось лишь только некоторым приходом. Сначала это были только приходы западных губерний, в дальнейшем это распространилось и на другие храмы России.

Говоря об обеспеченности приходского духовенства, мы сталкиваемся с тем, что зачастую священство имело крайне скудное финансовое обеспечение. Такое бедственное состояние духовных лиц подтолкнуло правительство к указу об создании епархиальных попечительств (1823 год), в обязанности которых входили выплаты бедным лицам и заштатным из духовного звания. Свои средства попечительства взымали из добровольных пожертвований и из приходских доходов. Учреждение попечительств не смогло серьезно улучшить быт бедного духовенства, но в целом оказывало некоторую поддержку.

Важно отметить и то, что приходы должны были от правлять все свои доходы с продажи свечей в консисторию. Это делалось с целью финансирования церковного образования (1808). Между тем существовали и другие взносы с дохода храма. Например, был взнос на паломников к Святому Гробу, на распространение христианства среди язычников и т. д. [1]

Переходя к приходу Николо-Козинской церкви, то здесь нам известно о следующих источниках финансирования: это свечной и кошельковый сборы, сдача в аренду фруктового сада и добровольные пожертвование.

Как уже говорилось ранее, добровольных пожертвований приходу храма выделялось совсем немного. Во всех

клировых ведомостях говорится о скудном содержании от прихожан.

В ведомостях мы нередко видим упоминания о пожертвованиях приходу. Одно из них в 1876 году. В клировой ведомости данного года отмечено следующее: «Содержание от добротных дателей прихожан ограниченное, в помощь проценты по двум билетам и одному свидетельству о суммах, пожертвованных разными лицами, в количестве всех процентов 61 рубль 35 копеек в год» [2]. Другое упоминание о добровольном пожертвовании мы встречаем в ведомости за 1877 год, где указано тоже самое о пожертвованиях прихожан, но только незначительно изменился процент с билетов, он вырос до 61 рубля 60 копеек [2]. Также интересно отметить, что говорится о пожертвованиях приходу в клировой ведомости уже за 1899 года. Там отмечается уже наличие 12 билетов с пожертвованными суммами, общий процент с которых достигает почти 100 рублей. В общем, содержание от прихожан действительно было небольшое [3]. Чтобы понять его незначительность, скажем только, что к 1900 году жалование псаломщика составляло в среднем 100 рублей и это при том, что такая сумма считалась не вполне удовлетворительной для священнослужителя.

Другим источником дохода прихода Николо-Козинской церкви были свечные и кошельковые сборы. Кошельковый сбор — это ежегодный доход от пожертвований за богослужением. Здесь ситуация складывалась следующим образом. Если в 1849 году кошельковый сбор равнялся 273 рубля 11 копеек (данных о банковских билетах на тот год не имеется), при том, что расход на приходские дела составлял 239 рублей 49 копеек [4], то к 1899 году доход храма равнялся 4139 рублей 51 копейка наличными, а расход составлял 4509 рублей наличными. Помимо этого, в 1899 году был доход от банковских билетов 600 рублей, а расход 100 рублей. Если мы сложим доход от билетов и от наличных, то в общей сумме доход будет равен 4739 рублей [3]. Таким образом, за полстолетия доход церкви от кошельковых сборов вырос в 17 раз. Конечно, здесь нужно учитывать инфляцию денежных средств, но, тем

не менее, данный показатель является довольно значительным. Основной причиной такого роста можно назвать вклады прихода Николо-Козинской церкви в банковские билеты. По законодательству того времени церковные организации должны были вкладывать часть своих средств в государственные банки. Такая практика со временем, как мы видим, позволила многим приходам накопить немаленькие финансовые средства на своем счету и получать от них весомые проценты.

Если же говорить о чистом кошелевком доходе (без процентов от банковских билетов), то последнее упоминание об этом мы встречаем в клировой ведомости за 1889 год, где указана сумма кошелевкого дохода, равная 961 рублю 47 копейкам, при расходе 874 рубля 62 копейки [5]. Таким образом, возвращаясь к сравнению с 1849 годом, мы видим, что кошелевковые сборы увеличились в 3,5 раза. При учете колебания валюты, такой прирост является более чем скромным. Также не нужно забывать и о остаточном капитале с прошлого года. Если посчитать средний ежегодный доход от кошелевковых сборов, то мы получим примерно 606 рублей дохода. Как мы видим, доход невелик, и является типичным для многих церквей того времени.

Последним, о чем хотелось бы сказать — это доход прихода от сдаваемого в аренду фруктового сада, находящегося на территории храма. Первое упоминание об этом мы встречаем в клировой ведомости Николо-Козинской церкви за 1876 год, где указано: «Церковный сад, с разрешения консистории, в 1875 году сдан в аренду на 4 года за 200 рублей по контракту». Сам же сад по площади, согласно источнику, составлял 1534 квадратных сажень [2]. Очевидно, что такой доход являлся малозначимым для жизни прихода, являясь лишь как бы небольшим приростом к основному капиталу церкви.

Литература:

1. Смолич, И. К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439980/> (дата обращения 17.02.2019)
2. ГАКО, Ф. 33 оп. 3 д. 1119 Л. 73–128
3. ГАКО, Ф. 33 оп. 3 д. 2137 Л. 480–531
4. ГАКО, Ф. 33. Оп. 3. д. 1182. Л. 687–753
5. ГАКО, Ф. 33 оп. 3 д. 1685 Л. 150–202

Подытоживая все нам известное об экономической стороне жизни исследуемого нами прихода, хочется в первую очередь отметить следующее. Архивные источники отражают слабую поддержку от прихожан на нужды церкви. Из одной клировой ведомости в другую мы читаем, что «содержание от прихожан скудно». Все выделенные суммы к концу века составляли только 100 рублей в год процента от банковских билетов. Затрагивая тему кошелевковых сумм, которые есть ежегодное пожертвования от прихожан храма, то как уже было показано, мы имеем дело с относительно небольшим доходом, равным 606 рублям в год.

В данной ситуации приход Николо-Козинской церкви выручали банковские билеты, в которые они вкладывали суммы для хранения. С каждым годом суммы, лежащие на банковском счету, только увеличивались, а соответственно возрастали доходы с процентов. В тоже время небольшим подспорьем служил и фруктовый сад, сдаваемый приходом в аренду. Получаемая сумма в 200 рублей являлась, может и не большим источником дохода, но, тем не менее, служила неплохим подспорьем для бюджета храма.

Таким образом, если постараться интерпретировать финансовое состояние Николо-Козинской церкви как фактор религиозности, то с некоторой долей вероятности можно говорить и о том, что прихожане церкви не были глубоко религиозными людьми, что и показано теми суммами, которые они жертвовали на жизнь прихода и причта. Возможно, такое слабое финансирование прихода заключалось и в том, что прихожане не имели достаточных средств для пожертвований. Но, тем не менее, в клировых ведомостях показано, что значительную поддержку храму прихожане не оказывали, а на помощь им приходили проценты с банковских билетов.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Государственная молодежная политика в Российской Федерации на примере Тюменской области

Даутова Ксения Александровна, студент магистратуры
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В данной работе рассматривается структура молодежной политики Российской Федерации, на примере Тюменской области и ее инструменты, и механизмы воздействия.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, Тюменская область, программа.

Молодежь — это основа будущего нашего государства. Нынешняя молодежь в будущем окажется у реальной власти, и она будет решать каким путем и способом должна развиваться страна. Кроме этого, именно молодежь является основным источником нестандартных инновационных и творческих решений задач в различных сферах общественной деятельности. Но, не всегда молодые люди имеют возможность реализовать свой потенциал, развить его до нужного уровня. Поэтому в настоящее время так важно уделять особое внимание изучению и совершенствованию государственной молодежной политики, которая как раз нацелена создавать условия для включения молодого поколения в общественную деятельность, условия для саморазвития и самореализации молодых людей в интересных им сферах жизни. В дальнейшем эти действия со стороны государства станут одной из причин внесения вклада молодыми людьми в развитие российского общества и государства.

Однако, наша страна настолько большая и настолько различаются условия жизни каждого отдельно взятого региона, что рассматривать осуществление государственной молодежной политики на примере всей России сложно и не совсем правильно. Уместнее рассматривать особенности реализации государственной молодежной политики на примере отдельно взятого субъекта РФ. Рассмотрим государственную молодежную политику в Российской Федерации на примере Тюменской области.

Цель — рассмотреть особенности осуществления государственной молодежной политики в Тюменской области.

Согласно проекту ФЗ «О Государственной молодежной политике в РФ» от 7 марта 2017 г. молодежь (молодые граждане) — это граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет [2].

Более подробное определение понятия молодежь можно встретить у Кон И. С., советского и российского со-

циолога: «Молодежь — это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных различными социально-психологическими свойствами. Молодость, как определенная фаза, этап жизненного цикла — биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности, имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [1, с. 256]. Данное определение было признано среди российских ученых.

Значение молодежи в современном обществе достаточно велико. Это объясняется тем, что темпы общественной жизни с каждым годом возрастают, увеличивается объем новой информации, начинают сильнее выражаться социокультурные различия между поколениями. Новые проблемы требуют выработки принципиально новых решений и переосмысления старого опыта новыми поколениями.

При осуществлении государственной молодежной политики в России используется пять блоков основных механизмов — это: Программный механизм, Информационный механизм, Организационный механизм, Политический механизм и Экономический механизм.

Можно отметить, что, если использовать эти механизмы в роли критериев успешности реализации молодежной политики, можно получить развернутый отчет о проводимой работе, освещающий её со всех необходимых точек зрения.

В рамках государства приоритетным направлением осуществления государственной молодежной политики в Российской Федерации является осуществление федеральных, межрегиональных, региональных и местных целевых программ в указанной области.

Тюменская область на данный момент реализует обширный спектр государственных и региональных программ различной направленности, рассчитанных в реализации до 2020 и 2025 гг. Эти программы создают благоприятные условия для развития и реализации молодого поколения в разных направлениях деятельности, в разных областях возможного личностного роста.

Например, региональная программа Тюменской области «Патриотическое воспитание граждан и допризывная подготовка молодежи к военной службе в Тюменской области» на 2016–2020 год [3], цель которой – создание благоприятных условий для формирования патриотических чувств, сознания граждан, развитие у них высокой социальной активности, гражданской ответственности, способности проявить себя в укреплении государства, обеспечении его жизненно важных интересов и устойчивого развития. Помимо основных целей заявленных мероприятий проводится и работа по развитию лидерских качеств и поддержанию общественных инициатив молодых людей.

Ещё один пример программы, реализуемой в рамках государственной молодежной политики, это государственная программа Тюменской области «Развитие гражданского общества, общественные связи и молодежная политика» до 2020 года [4]. Сущность этой программы заключается в улучшении информирования молодежи о жизни области и страны, в следствие, ожидается позитивная самореализация и интеграция молодежи в систему общественных отношений. Помимо предоставления свежей и правдивой информации, предполагается обеспечение обратной связи посредством опросов и других исследований, мониторинга СМИ.

Второй механизм реализации государственной молодежной политики – информационный. Можно рассмотреть его использование в Тюменской области на примере тех же программ, что были рассмотрены при изучении программного механизма.

Региональная программа «Патриотическое воспитание граждан и допризывная подготовка молодежи к военной службе в Тюменской области» предполагает работу с информированием молодых людей о проводимых мероприятиях посредством СМИ, а также через образовательные организации и органы власти. Так же, данная программа предполагает информационно-просветительскую деятельность на тему патриотического воспитания и допризывной подготовки, а также содержит компонент пропаганды государственной молодежной политики, точнее одного из её направлений – формирование нравственности, гражданской ответственности и патриотичности у молодых людей в РФ.

Если рассматривать государственную программу «Развитие гражданского общества, общественные связи и молодежная политика» – то вся эта программа направлена на использование информационного механизма. Здесь

присутствует и обработка социальных исследований, и упрощение доступа населения к значимой для него информации, и сбор обратной связи и пропаганда государственной молодежной политики через СМИ. Информационно-просветительская деятельность в этой программе представлена в том же ключе, что и в предыдущей – её тематика – патриотическое воспитание и нравственность.

Третий механизм осуществления государственной молодежной политики – организационный, подразумевает верную и эффективную организацию управления реализацией государственной молодежной политикой.

Департамент по общественным связям, коммуникациям и молодежной политике Тюменской области, осуществляющий государственную молодежную политику в Тюменской области, имеет свою определенную структуру. Существует пять крупных отделов, специализирующихся на различной работе с молодежью: управление информацией, управление массовыми коммуникациями, отдел молодежных проектов, управление финансов и организационной работы, отдел финансового контроля. Отдельным звеном выделен пресс-секретарь Губернатора Тюменской области. Помимо областного уровня организации реализации молодежной политики, структурные подразделения по осуществлению молодежной политики – комитеты по делам молодежи, есть и в муниципалитетах. В настоящее время в Тюменской области появляются не официальные отделения организации работы с молодежью – мульти-центры, ориентированные на работу с активной и творческой молодежью, с её проектами. Такие уже появились в г. Тюмень и г. Тобольск. За работой данных центров следит администрация Тюменской области, в том числе и Губернатор, так как эти площадки привлекают молодых людей и помогают узнать и понять, чего не хватает молодежи для саморазвития и самореализации.

Следующий механизм – политический. Это разработка и принятие нормативно-правовых актов в сфере молодежной политики. Работу Тюменской области в этом направлении можно отследить в первом пункте данной главы, где подробно описана нормативно-правовая база реализации государственной молодежной политики в Тюменской области.

И последний экономический механизм предполагает поиск источников финансирования и непосредственно само финансирование программ, проектов, мероприятий, проводимых в рамках осуществления молодежной политики. Этот механизм можно также, как и информационный рассмотреть в рамках, описанных выше программ.

Таким образом, механизмы реализации государственной молодежной политики в Тюменской области повторяют основные механизмы реализации молодежной политики в любом другом регионе или государстве в целом. Причем, Тюменская область использует все из возможных основных механизмов.

1. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. — М.: Голос, 2013. — с. 256.
2. О Государственной молодежной политике в Российской Федерации: проект Федерального Закона от 07.03.2017. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://zakonbase.gi>. Законодательная база Российской Федерации. Дата обращения: 05.06.2019.
3. Патриотическое воспитание граждан и допризывная подготовка молодежи к военной службе в Тюменской области: региональная программа Тюменской области на 2016—2020 гг. от 04.05.2016. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://admtumen.gi>. Тюменская область. Официальный портал органов государственной власти. Дата обращения: 05.06.2019.
4. Развитие гражданского общества, общественные связи и молодежная политика: государственная программа от 28.12.2016 до 2020 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://admtumen.gi>. Тюменская область. Официальный портал органов государственной власти. Дата обращения: 06.06.2019.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 24 (262) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 26.06.2019. Дата выхода в свет: 03.07.2019.
Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.